

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**Материалы
I-ой Международной межинститутской научной конференции
«Российская диаспора в странах Востока»**

24-25 июня 2010 г.

ИВ РАН, Москва

Организатор: Сектор Южнотихоокеанских исследований
Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН

Москва

2010

Ответственный редактор: к.и.н. Николаев В.П.

Редактор-составитель: к.и.н. Сарабьев А.В.

(с) Институт востоковедения РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Толорая Г.Д. [О деятельности Фонда «Русский мир» по распространению русского языка, русской культуры и связями с соотечественниками](#)
- Николаев В.П. [Об изучении российской диаспоры в странах Востока в Институте востоковедения РАН](#)
- Беляков В.В. [Исторические волны российской эмиграции в Египте](#)
- Петриковская А.С. [Роль русской диаспоры в развитии культурных связей между Австралией и Россией](#)
- Кириченко А.А. [Российские перебежчики в Японию накануне и во время Второй мировой войны 1930-1945 гг.](#)
- Утургаури С.Н. [Гибель "Лукулла" яхты Главнокомандующего Русской армии генерала Врангеля](#)
- Говор Е.В. [Из Австралии в ГУЛАГ](#)
- Каневская Г.И. [Вклад русских австралийцев в развитие науки пятого континента](#)
- Загородникова Т.Н. [Русская община на Цейлоне в 1898-1914 гг.](#)
- Бойкова Е.В. [Положение российской диаспоры в современной Монголии](#)
- Хохлов А.Н. [Русская эмиграция в Китае: Первая волна репатриации на Родину](#)
- Иванова Л.А. [Н.Н. Мишутушкин и российско-вануатуанские связи](#)
- Красильникова Д.А. [Российские специалисты в Иране](#)
- Сарабьев А.В. [Российская диаспора в Ливане](#)
- Опара О.Б. [Российская диаспора в Новой Зеландии](#)
- Погадаев В.А. [Российская диаспора в Малайзии](#)
- Рудникова Е.В. [Русские в Новой Зеландии: история присутствия](#)
- Архипов В.Я. [Впечатления о русской диаспоре в Китае в 1950 г.](#)
- Дубаев М.Л. [Николай Рерих и русская диаспора в Харбине](#)
- Хохлов А.Н. [Положение русских беженцев в Турции 1918-1919 гг. \(по архивным материалам\)](#)

- Подалко П.Э. [Российская диаспора в Японии в конце XX - начале XXI в.](#)
- Скоробогатых Н.С. [Роль Русской православной церкви за рубежом в сохранении культурно-религиозного единства российской диаспоры в Австралии](#)
- Тимофеева О.Э. [Советские специалисты во Вьетнаме в 1965-1975 гг.: вклад в победу вьетнамского народа и участие в послевоенном развитии страны](#)
- Антошин А.В. [Политические объединения российских эмигрантов в Австралии в период "холодной войны"](#)
- Массов А.Я. [Деятельность русских нештатных консулов по защите подданных Российской империи на начальном этапе формирования российской диаспоры в Австралии \(1857-1894 гг.\)](#)
- Говор Е.В. [История русских в Австралии: электронные ресурсы для поиска информации](#)
- Массов А.Я. [Завершение деятельности российского генерального консульства в Мельбурне в декабре 1917-январе 1918 гг. \(по материалам австралийских архивов\)](#)
- Подалко П.Э. [Всеяпонская Ассоциация по изучению Восточной ветви Русского Зарубежья \(краткий исторический очерк\)](#)
- Бакулина А.А. [Политико-правовой статус русских эмигрантов в Маньчжурии \(1932-1945 гг.\)](#)
- Скородумова Л.Г. [Российско-монгольские литературные связи на современном этапе](#)
- Прудкогляд С.А. [Благотворительная помощь русских австралийцев России](#)
- Кадырбаев А.Ш. [Русские в Китае в эпоху монгольского владычества, XIII-XIV вв.](#)
- Смирнов С.В. [Заложники чести: русские офицеры в Маньчжоу-го](#)

Введение

24-25 июня 2010 г. в Институте востоковедения РАН состоялась первая международная научная конференция «**Российская диаспора в странах Востока**», организованная Центром по изучению ЮВА, Австралии и Океании. В ней участвовали 31 специалист, было представлено 34 доклада. От Института востоковедения выступили 15 ученых. В работе конференции приняли участие ученые из Дальневосточного государственного университета, Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Иркутского государственного университета, Уральского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, Института этнологии и антропологии РАН, ГУ Высшей школы экономики, РГГУ. Зарубежные ученые представляли Всеяпонскую ассоциацию по изучению восточной ветви российской диаспоры, Университет Аояма, Токио, Япония; Университет Малайи, Куала-Лумпур, Малайзия; Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия; Оклендский технический университет, Окленд, Новая Зеландия.

Доклады на конференции охватывали широкий круг проблем, связанных с эмиграцией и российской общиной в восточных странах: Египте, Турции, Ливане, Иране, Китае и Маньчжурии, Монголии, Цейлоне, в Индокитае (Вьетнам, Малайзия), Японии, Австралии, Новой Зеландии и Вануату. Значительным был также хронологический диапазон: от XII в. до современности.

На конференции был поставлен вопрос о необходимости создания в ИВ РАН межотдельской исследовательской группы «Российская диаспора в странах Востока» и об упрочении сотрудничества с академическими институтами и университетами, а также зарубежными учеными и центрами по данному направлению исследований.

О деятельности Фонда «Русский мир» по распространению русского языка, русской культуры и связями с соотечественниками

В докладе руководителя Управления региональных программ Фонда «Русский мир», Г.Д. Толорая, основное внимание было уделено деятельности Фонда в странах Азии и Африки. Он рассказал о той большой и плодотворной работе, которую Фонд начал осуществлять с момента его создания в 2007 г. по указу президента В.В. Путина. В ряде зарубежных стран, в основном при университетах, организованы Русские центры (всего их на сегодня 57), которые укомплектованы современным оборудованием, специально подобранной литературой, мультимедийными изданиями. Они служат как для изучения русского языка и культуры, российской истории, так и проведения разного рода мероприятий, общения.

Русские центры привлекают к участию в работе выходцев из России и СССР, а также иностранцев, интересующихся русской историей, культурой и языком. Кроме того, создаются более скромные по масштабам Кабинеты Русского мира, обычно на базе провинциальных ВУЗов и других учебных заведений, а также и организаций соотечественников.

Через систему грантов Фонд содействует публикации учебников и учебных пособий по русскому языку и научно-просветительской литературы, организации конференций и других мероприятий, связанных со знаменательными датами в российской истории и культуре.

Фонд ведет просветительскую и конференционную деятельность, в частности, ежегодно, в ноябре, проводит в Москве Ассамблеи «Русского мира», на которые приглашаются представители как диаспоры, так и тех, кто занимается за рубежом Россией и русским языком. На Ассамблеях обычно выступают министры российского правительства, депутаты, видные общественные деятели, руководители конфессий, участников Ассамблеи принимает Президент России. Г.Д. Толорая отметил, что конференция в ИВ РАН по изучению восточной российской диаспоры вызывает интерес в научно-практическом плане, а доклады ее участников будут содействовать укреплению связей между научно-исследовательскими и университетскими центрами страны и Фондом «Русский мир».

Об изучении российской диаспоры в странах Востока в Институте востоковедения РАН

Одним из приоритетных направлений научно-исследовательской работы Института востоковедения является «Россия и Восток». Среди проблем, изучаемых в рамках данного направления, первостепенное внимание уделялось и уделяется исследованию истории и современного состояния взаимоотношений России и СССР со странами Азии, Северной Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона в экономической, политической и культурной сферах. Было опубликовано значительное количество статей, коллективных и индивидуальных монографий, защищены кандидатские и докторские диссертации на тему двусторонних отношений нашей страны с восточными государствами в разные исторические периоды.

Второй важной составляющей направления «Россия – Восток» является цикл исследований по российской эмиграции и российской диаспоре в странах Востока. По идеологическим и политическим мотивам полноценное изучение общин зарубежных россиян в советское время не поощрялось. Так, например, советские ученые – австраловеды уделяли первостепенное внимание революционной эмиграции в Австралию и деятельности там социал-демократов во главе с большевиком Артемом (Сергеевым). Практически не было работ, посвященных значительной части российской диаспоры в Австралии, состоящей из белоэмигрантов, лиц, перемещенных после окончания Второй мировой войны, беженцев из коммунистического Китая после провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г.

Отмена цензурных ограничений и открытие архивов в начале 90-х годов XX века стимулировали возрождение интереса к истории и современному бытованию наших зарубежных соотечественников. В Институте востоковедения начались исследования русских диаспор на Востоке, изучение вклада россиян в политику, экономику, науку и культуру стран, их принявших. Приведу лишь несколько примеров. А.Н. Хохлов давно и плодотворно разрабатывает тему о российской диаспоре в Китае. С.Н. Утургаури ведет исследования о россиянах в странах Ближнего и Среднего Востока. Ею завершена монография «Белые русские на Босфоре». А.С. Петриковская занята изучением вклада россиян в науку и культуру Австралии и Новой Зеландии, что отражено во многих статьях и книге «Российское эхо в австралийской культуре» и завершенной монографии «Россия и Австралия (два века культурных связей)». В нынешнем 2010 г. вышла из печати книга В.В. Белякова «Эль-Аламейн, или русские солдаты в Северной Африке (1940–1945)». Доклады, представленные на эту конференцию А.А. Кириченко, А.В. Сарабьевым, А.А. Соколовым, Е.В. Бойковой, Н.С. Скоробогатых, Т.Н. Загородниковой, свидетельствуют в пользу того, что в Институте востоковедения есть специалисты, интересующиеся темой российской диаспоры и готовые к продолжению изучения данной проблемы.

Задача первой международной конференции «Российская диаспора в странах Востока» состоит в том, чтобы произвести своеобразный «смотр сил» и объединить специалистов по этой тематике, дать определенный импульс для продолжения исследований. Следует рассмотреть возможность создания вертикальной межотдельской группы по изучению восточного российского зарубежья в Институте востоковедения. В планы работы группы нужно включить организацию научных конференций с участием ученых из научно-исследовательских и университетских центров России, а также с привлечением зарубежных коллег. Материалы конференции должны быть размещены на сайте института, изданы в виде сборников статей, а также стать основой для написания коллективной монографии «Восточное российское зарубежье».

Важными для изучения представляются следующие темы:

- Причины и характерные особенности массовых и индивидуальных эмиграций из России и СССР на разных исторических этапах, включая современную эмиграцию из Российской Федерации;
- Российские общины в восточных странах и деятельность эмигрантских организаций;
- Вклад россиян в политическую, экономическую, научную и культурную жизнь, принявших их стран;
- Проблемы сбережения и распространения русского языка и культурного своеобразия.
- Роль и значение православия в эмигрантской среде и миссионерская деятельность русской церкви на Востоке.

Естественно, что приведенный список не исчерпывает всех исследовательских тем и может быть продолжен.

К своей работе предлагаемая группа сможет привлечь коллег из институтов и университетов страны. Например, Дальневосточный государственный университет организовал несколько конференций по изучению российской диаспоры в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Недавно Г.И. Каневская успешно защитила докторскую диссертацию и опубликовала монографии «Я бездомный, но зато на воле»... Русские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.)» и «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.).».

В Санкт-Петербурге изучением истории российско-австралийских связей и российской диаспоры занимается А.Я. Массов – автор ряда книг по этой теме. Как показывает список участников конференции, в университетах Урала, Сибири и Дальнего Востока, есть специалисты, ведущие исследования по проблематике, близкой к теме восточного российского зарубежья.

Вертикальная группа сможет наладить плодотворное сотрудничество с зарубежными центрами по изучению российской диаспоры на Востоке. Так, в Японии создана и активно работает Ассоциация по изучению восточной ветви русского зарубежья. С докладом о ее

деятельности выступил профессор Университета Аояма П.Э. Подалко. Он автор монографии «Япония в судьбах россиян», опубликованной по планам НИР Института востоковедения, и готовит к изданию мемуары Ю.П. Васкевича – одного из первых российских ученых – японистов.

В Австралии изучением австралийско-российских связей занимается группа ученых Квинслендского университета во главе с Т. Пулом. К 200-летию начала отношений между Россией и Австралией была опубликована коллективная монография, подготовленная австралийскими и русскими учеными, «Встреча под Южным Крестом: два века российско-австралийских отношений, 1807–2007». В работе над ней с российской стороны участвовали А.Я. Массов, А.С. Петриковская, Г.И. Каневская. Среди авторов книги – Е.В. Говор, в прошлом сотрудница Института востоковедения, ныне работающая в Австралийском национальном университете. Ее монографии посвящены исследованию истории российской диаспоры на австралийском континенте: «Мой черный брат: история Ильиных, российско-аборигенской семьи», «Русские Анзаки в австралийской истории» и др. Научные контакты сложились с исследователями в Новой Зеландии – О.Б. Опара и Е. Колесовой. Предстоит установить взаимопользные связи с другими зарубежными организациями и учеными.

После распада СССР список восточных стран, в которых существуют российские диаспоры значительно расширился за счет новых независимых государств Центральной (Средней) Азии и Кавказа (Закавказья). Эти вновь возникшие диаспоры образовались не в результате переселения, а как следствие государственно-территориального размежевания между Россией и бывшими советскими республиками. Эти диаспоры имеют свои проблемы и отличительные особенности. В Институте востоковедения развернуты исследования по изучению положения русских в этих странах, по статусу русского языка и вопросам сохранения культурно-исторических традиций.

Научные исследования, проводимые в Институте востоковедения по изучению российской диаспоры, имеют важное научно-теоретическое и научно-практическое значение. В этом плане, надо надеяться, что материалы конференции будут интересны для специалистов, осуществляющих практическую деятельность, а также, что нынешняя конференция послужит укреплению сотрудничества с Фондом «Русский мир», успешно осуществляющем деятельность по распространению изучения русского языка в странах зарубежья, сбережению русских культурных ценностей, сохранению и развитию связей соотечественников с Россией.

Беляков Владимир Владимирович
(ИВ РАН)

Исторические волны российской эмиграции в Египте

Российская диаспора в Египте сформировалась в конце XIX в. Если в 1881 г., по данным российского генконсульства, в Египте проживали всего 108 русско-подданных [1, с. 125-126], то, согласно первой всеобщей переписи населения Египта 1897 г., их число уже превысило 3 ты. [2, с. 6]. По своему национальному составу русская община была преимущественно еврейской [3, с. 100-102]. Это был один из ручейков общего потока эмиграции евреев из России, начавшейся после убийства императора Александра II в 1881 г. [4, с. 255, 309].

Египет был притягателен для русских евреев по крайней мере по трем причинам. Во-первых, из Одессы в Александрию регулярно ходили пароходы, билеты стоили недорого, так что добраться туда было просто. Во-вторых, в отношении русских подданных еще с 1774 г., после поражения Османской империи в войне с Россией, действовал так называемый «режим капитуляций», они не попадали под юрисдикцию местных властей, что придавало их статусу привилегированный характер. Причем гарантом этого статуса выступала Англия, оккупировавшая Египет в 1882 г. В-третьих, в Египте существовала довольно многочисленная и процветающая еврейская община, через которую было нетрудно интегрироваться в местную жизнь. Согласно переписи населения 1897 г., ее численность составляла 25200 чел. [5, с. 18].

Хотя российская диаспора сформировалась преимущественно из евреев, она привнесла с собой в Египет не только еврейскую, но и русскую культуру, русский язык. Исследователи отмечают «особенный еврейско-русский воздух», которым дышали жившие на юге России евреи, их как обостренное чувство национального самосознания, так и глубокую преданность русской культуре [6, с. 117].

К 1907 году, когда в Египте прошла вторая перепись населения, численность российской диаспоры несколько сократилась и составила 2400 чел. [2, с. 6]. Видимо, некоторая часть русских иммигрантов покинула Египет, а некоторые натурализовались и приняли египетское подданство.

После поражения Первой русской революции 1905–1907 гг. до Египта докатилась новая волна эмиграции из России. Там появилась группа политических беженцев. Судя по всему, она была невелика, но активна. Политэмигранты поселились в основном в Александрии и вели агитацию среди команд русских судов, регулярно заходивших в этот главный египетский порт. Арест в январе 1907 г. египетскими властями по представлению российского консульства троих политэмигрантов вызвал многодневные манифестации протеста представителей иностранных общин в Александрии и Каире [3, с. 110-113].

В 1912 г. в Александрию переехал из Стамбула Заграничный комитет Союза торговых моряков Черного моря во главе с Михаилом Адамовичем. Его члены также вели революционную агитацию среди команд русских судов, издавали ежемесячную газету «Моряк». Арест Адамовича

в мае 1913 г. вызвал в Александрии и Каире бурные манифестации подобно тем, что проходили в январе 1907 г. [3, с. 118-124].

Революция 1917 г. в России не привела к быстрому возвращению на родину русских революционеров, нашедших прибежище в Египте. В 1919 году в Александрии все еще существовал Комитет русских политических эмигрантов [7, л. 6].

Перепись населения Египта 1917 г. зафиксировала пребывание в стране 4225 подданных Российской империи [8, с. 60]. Рост численности российской диаспоры был вызван опять-таки эмиграцией евреев, на этот раз из Палестины. После вступления Османской империи в Первую мировую войну 29 октября 1914 г. из Святой земли в Александрию хлынул поток евреев с российскими паспортами. В январе 1915 г. их численность достигла 3376 чел. [9, л. 124-128]. Египетские власти предоставили им временное жилье, продукты. По мере возможностей беженцев отправляли на родину через Европу или Дальний Восток. Не исключено, что некоторая их часть осела в Египте.

Весной 1920 г. в Александрию из Новороссийска прибыли 4350 русских беженцев [10, л. 6-16 с об.], главным образом раненых и больных военнослужащих Добровольческой армии вместе с персоналом госпиталей. Это была новая, уже четвертая по счету волна русской эмиграции в Египет. Часть беженцев после излечения летом того же года отправили в Крым, остальные в течение двух лет находились в специальных лагерях на попечении английских властей. Те, кто имел востребованные в Египте специальности, в основном медицинские и технические, постепенно покидали лагеря и интегрировались в местную жизнь. Остальных летом 1920 г. эвакуировали в Болгарию и Сербию.

Новые иммигранты и составили костяк российской диаспоры, стабильно существовавшей в Египте до середины 1950-х годов и постепенно сокращавшейся в силу естественных причин. По данным очередных переписей населения Египта, в 1927 г. ее численность составляла 2410 чел., в 1937-м – 1 176, в 1947-м – 1 174 [8, с. 61, 63, 65]. Вскоре после египетской революции 1952 г. российская диаспора, согласно моим подсчетам, основанным на описании российского православного некрополя в Египте, сократилась более чем наполовину [3, с. 193-194; 11, с. 10-37]. Причиной этого была и боязнь новых преследований, и, даже в большей степени, политика республиканского режима, направленная на вытеснение иностранцев из Египта. По новому закону 75% персонала и 90% рабочих всех компаний должны были составлять египтяне [12]. Это породило безработицу среди иностранцев, причем увольнениям подверглись в первую очередь пожилые люди, составлявшие абсолютное большинство российской общины.

К началу 1980-х годов белоэмигрантская российская диаспора в Египте практически прекратила свое существование. В 1981 г. за ненадобностью была продана квартира в центре Каира, в которой десятилетиями находился Русский клуб с рестораном и библиотекой, а Русская

богачельня с небольшой церковью свт. Николая была передана греческой Александрийской патриархии [13, с. 134].

Русская община оставила в Египте непропорционально большой по сравнению с ее численностью след. Она состояла преимущественно из специалистов высокой квалификации, среди которых выделялись врачи и египтологи, а также деятели культуры и искусства. Этим людям до сих пор с благодарностью вспоминают египтяне старшего поколения. Русские внесли заметный вклад в просвещение египтян и модернизацию страны.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов в Египте, параллельно с существованием остатков белоэмигрантской общины, появилась новая община наших соотечественников. Это были советские женщины, вышедшие замуж за египтян, с которыми познакомились во время их учебы в СССР. Они не были, строго говоря, эмигрантами, сохраняли советские паспорта и могли в любой момент вернуться на родину. Численность этих «совгражданок», как называли их в ту пору, была невелика, поскольку к концу 1970-х годов Египет разорвал былые тесные связи с Советским Союзом. В 1991 г., по данным посольства СССР, в стране на Ниле проживали всего около 250 советских женщин, вышедших замуж за египтян, причем 54% из них имели высшее образование [14]. Практически все они живут в Египте и поныне, поменяв советские паспорта на российские (или украинские, и т.д.). У большинства наших женщин этого поколения есть еще и египетские паспорта.

Нынешняя российская диаспора в Египте также имеет женское лицо, причем ее представителей тоже нельзя назвать эмигрантами. Формирование этой диаспоры - результат массового туризма из России в Египет. В 2009 г. число россиян, отдохнувших в этой стране, превысило 2 млн чел. Точную численность граждан России, постоянно проживающих в Египте, привести невозможно, поскольку ныне они не обязаны регистрироваться в консульствах. Как говорили мне в российском посольстве в феврале нынешнего года, она оценивается в 20-25 тыс. чел., причем как минимум 3/4 составляют женщины, вышедшие замуж за египтян. Они проживают главным образом в курортных городах. Остальные представители русской общины -сотрудники туристических компаний и бизнесмены, обслуживающие как туристов, так и российскую диаспору, и тоже сосредоточенные в основном в курортных городах. При этом российская диаспора имеет тенденцию к быстрому росту. Так, в начале 2007 г. ее численность оценивалась российским посольством в Египте всего в 12-14 тыс. чел. [15, с. 71].

Современная российская диаспора, как и сам породивший ее массовый туризм, содействует распространению в Египте русского языка и русской культуры, вносит вклад в закрепление исторически сформировавшегося у египтян положительного образа русских, служит делу укрепления взаимопонимания между двумя народами.

Библиография

1. Египет глазами россиян середины XIX – начала XX вв. Политика, экономика, культура. Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XV. Народы Ближнего Востока. Книга 2: Составление, предисловие, комментарии, примечания и перевод Г.В. Горячкина. М., 1992.
2. *Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И.* Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.). М., 2000.
3. *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...» Русские в Египте. М., 2003.
4. *Солженицын А.И.* Двести лет вместе. Часть I. М., 2001.
5. *Сейид Ахмед, Набиль Абдель Хамид.* Аль-яхуд фи маср (Евреи в Египте). Каир, 1991 (на арабском языке).
6. *Левин З.И.* Менталитет диаспоры. М., 2001.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 317. Консульство в Египте. Оп. 820/1, д. 508.
8. *Сулейман, Мухаммед Махмуд.* Аль-аганиб фи маср (Иностранцы в Египте). 1922–1952. Каир, 1996 (на арабском языке).
9. АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/1, д. 657.
10. АВПРИ. Ф. 317, оп. 820/3, д. 210.
11. *Беляков ВВ.* Российский некрополь в Египте. М., 2001.
12. *Шарки (А. Марков).* Русские в Египте // Русская мысль, Париж, № 637, 03.3.1954.
13. *Беляков В.В.* Русский Египет. М., 2008.
14. *Беляков В.* Маруся, жена шейха, или Соотечественницы с дозированными правами // Правда, 28.9.1991.
15. *Беляков В.* Туризм и межкультурное взаимодействие // Азия и Африка сегодня, 2007, № 9.

Петриковская Алла Савельевна
(ИБ РАН)

Роль русской диаспоры в развитии культурных связей между Австралией и Россией

Несмотря на малочисленность и дисперсность этнической группы, приоритет выживания и ограниченный слой элиты, культурное присутствие русских обнаруживает себя уже в 1920-е – 1930-е годы и возрастает с послевоенной иммиграцией. Важная веха взаимопознания и возросшего значения России (СССР) – включение русистики в программы высшей школы (1940-е – 1960-е годы). Последние четверть XX века – новый период в жизни диаспоры: переход к политике мультикультурализма (середина 70-х) и рост социальной активности; творчество под знаком осмысления исторического пути; конец советской эпохи и массовый приток соотечественников. Отмечены различия в ориентациях между «старой» диаспорой с ее белоэмигрантской, монархической, православно-культурной основой, и новыми слоями, для которых характерны этническая и конфессиональная неоднородность, преобладание интеллигенции, гуманитарной и технической, стимул новых трудовых и экономических возможностей. Если у журнала «Австралиада» (с 1994 г.) – миссия носителя исторической памяти, то акцент альманаха «Австралийская мозаика» (с 2001 г.), при всем разнообразии содержания – введение в новый мир. Объединительная тенденция проявляется в строительстве духовных,

культурных и научных мостов с новой Россией – при содействии российских общественных и научных институтов. Примечательно участие австралийских русских в литературном процессе новой России.

Кириченко Алексей Алексеевич
(ИБ РАН)

Российские перебежчики в Японию накануне и во время Второй мировой войны, 1930–1945 гг.

Можно выделить три волны российской эмиграции в Японию. После революции несколько сот россиян покинуло родину и нашло убежище в Японии. Власти этой страны не очень привечали пришельцев и большинство эмигрантов переехало в другие страны, но небольшая часть осталась и оставила заметный след в развитии японского общества, особенно в сфере культуры. Вторая – когда в 1931 Япония оккупировала Маньчжурию, то столкнулась со значительным числом выходцев из России, которые покинули родину после воцарения власти большевиков на Дальнем Востоке. В Маньчжурии, и особенно в Харбине, который даже именовался «Дальневосточным Парижем» осели враждебные большевикам силы, которые по своей враждебной активности к Советскому Союзу как раз подходили японским военным властям. Японские военные власти в Маньчжурии в 1932–1933 годах попытались навести порядок в эмигрантской среде и организовали Бюро российских эмигрантов (БРЭМ). Эту реформу проводил полковник Комацубара, который командовал в 1939 году японскими войсками на Халхин-голе, а его помощником являлся майор Акикуса Сюн, попавший в советский плен в августе 1945 года. Вся документация о деятельности БРЭМ в августе 1945 года была захвачена оперативной группой и сейчас ее часть открыта для исследований в Хабаровске.

Российская эмиграция в Японии активно использовалась японцами в различных акциях разведывательно-диверсионного характера против северного соседа. Но и сосед делал тоже самое. Диверсии не проводились, но советская сторона разведку вела активно.

Из числа эмигрантской молодежи, значительная часть которой уже родилась в Маньчжурии, был даже сформирован специальный отряд под командованием полковника Асано. Отряд, правда, не успел проявить себя в боевых действиях в августе 1945 года против Красной Армии и почти полностью был пленен, а его участники были осуждены.

Третья волна – перебежчики и дезертиры. Когда в СССР началась кампания за создание колхозов, часть дальневосточных и приморских крестьян пытались бежать в Маньчжурию. Некоторым это удавалось. Бежали также несогласные с проводимой Сталиным внутренней политикой общественные деятели. Так, например, комсомольский работник Константин Родзаевский бежал из Советского Союза и организовал в Маньчжурии не без помощи японцев

«Российскую фашистскую партию». В 1945 году он был пленен в Маньчжурии и осужден. Огромный ущерб интересам СССР нанес бывший начальник управления НКВД по Дальневосточному краю комиссар НКВД 3-го ранга (генерал-лейтенант) Люшков Генрих Самойлович, который 13 июня 1938 года в районе озера Хасан бежал к японцам и стал советником японской военной разведки. Его побег привел к известным событиям на озере Хасан. К слову сказать, о надвигающемся аресте Люшкова предупредил никто иной, как Ежов.

Число перебежчиков с советской стороны особенно увеличилось после начала Второй мировой войны, когда из дальневосточных частей и тихоокеанского флота военнослужащие дезертировали и пытались пробраться в Маньчжурию. Большинство из них было задержано, но около 400 человек все-таки сдались японцам. Правда, японские военные власти отнеслись к «бегунам» с подозрением и поместили их на всякий случай в специальный фильтрационный лагерь, чтобы выяснить, а вдруг это происки НКВД. После августа 1945 года эти лица были задержаны «СМЕРШом» и пока их следов не удалось найти.

Если проанализировать прошлое российской эмиграции в Японии и Маньчжурии, то многие ее представители были подвергнуты неоправданно жестоким и несправедливым репрессиям. Так, например, после продажи КВЖД в 1935 году японцам (или Маньчжоу-го) несколько тысяч служащих, имевших советское гражданство, выехали на родину в СССР, где через два года по приказу Ежова были репрессированы. Кончилось тем, что на заседание Токийского трибунала, который проходил в 1946–48 гг. было некого послать в качестве свидетеля из так называемых «харбинцев».

После поражения японцев в 1945 года многих вернувшихся в СССР эмигрантов или репрессировали или подвергали разного рода ограничениям. Сохранили жизнь только те, кто не поверил обещаниям советских властей и не вернулся на родину.

В настоящее время Япония представляет возможность представителям нашей страны проживать на своей территории и работать. Правда, предпочтение всегда отдается коренным жителям, а не пришлым.

Утургаури Светлана Николаевна
(ИБ РАН)

Гибель «Лукулла», яхты Главнокомандующего Русской армии генерала Врангеля

На основе изучения впервые открытых архивных материалов доказан факт преднамеренного затопления в 1921 г. яхты «Лукулл», стоявшей у европейского берега Босфора в Стамбуле. Яхта служила штаб-квартирой Главнокомандующего Русской армией генерала Н.П. Врангеля. Шедший проливом пароход под итальянским флагом вдруг резко изменил курс и

на полном ходу протаранил яхту, на которой в это время Врангеля не было. Доказано, что покушение было организовано по заказу советской разведки.

Говор Елена Викторовна
(Австралийский национальный университет, Канберра)

Из Австралии в ГУЛАГ

Австралия пронизала метафизическое пространство ГУЛАГа самым причудливым образом. В застенках сталинских тюрем и лагерей сошлись судьбы российских австраловедов и путешественников по Австралии, реэмигрантов и австралийцев. В докладе прослеживаются истории натуралиста Александра Яценко, революционера Александра Зузенко, поэта-песенника Сергея Алымова, австралийки Корал Сатклиф-Митяниной и коммунаров из Кэрнса, приехавших в Кирсанов.

Каневская Галина Ивановна
(ДВГУ)

Вклад русских австралийцев в развитие науки пятого континента

Научная деятельность русских иммигрантов на пятом континенте свидетельствует об их заметном вкладе в науку Австралии. Они достигли высоких научных степеней, заняли посты в ведущих научных учреждениях, стали профессорами австралийских высших учебных заведений. Им принадлежат научные открытия, изобретения, патенты. Русские проявили себя в различных отраслях науки, внесли вклад в медицину, в изучение флоры и фауны пятого континента. При этом следует учесть, что русским иммигрантам, дипломы которых не признавались, пришлось преодолеть немало трудностей, чтобы доказать свой профессионализм и подтвердить свои ученые степени. В Австралии работали русские ученые с мировым именем, но в России о них мало кто знает.

Одним из основоположников австралийской науки общепризнано считается Н.Н. Миклухо-Маклай. Но мало кому известно, что значительных успехов на научном поприще добились в Австралии и русские иммигранты, особенно приехавшие после Второй мировой войны. При этом выдающаяся роль принадлежит прибывшим из Китая, так как русскую эмиграцию в этой стране отличала значительная концентрация интеллигенции. Это и был тот золотой «стартовый капитал», с которого развивалась русская научная жизнь в Австралии.

Уже сложившимися учеными из Китая приехали: синолог А.П. Хионин, археолог и этнолог В.В. Поносов, исследователь истории Дальнего Востока И.И. Гапанович, энтомолог М.И. Никитин, экономист и географ В.Н. Жернаков, – все они продолжили свою деятельность и на пятом континенте.

Русские иммигранты проявили себя в различных отраслях научных знаний. Но, прежде всего, следует отметить, что именно они положили начало развитию русистики в Австралии. Изучение русского языка и литературы на университетском уровне началось в 1946 г. Основательницей русистики на пятом континенте стала Н.М. Кристесен-Максимова (1911–2001). К концу 1970-х годов в Австралии в пяти университетах: Мельбурнский университет (1946), Австралийский национальный университет (АНУ, Канберра, 1955), Университет Монаша (Мельбурн, 1963), Квинслендский университет (1963), Университет НЮУ (Сидней, 1967), – существовали русские кафедры и аспирантуры при них. Русские кафедры не только давали знание языка, русской истории и культуры, но и вели научную работу, разграничив направления своих исследований. Мельбурнский университет стал ведущим центром по изучению русской литературы и лингвистики, Квинслендский – истории, а АНУ провозгласил своей специализацией СССР. В 1967 г. в Мельбурнском университете начал издавать журнал «Melbourne Slavonic Studies» под редакцией Н.М. Кристесен, а в 1970 г. под ее руководством была образована Ассоциация австралийских и новозеландских славистов.

Внесли свою лепту русские иммигранты и в развитие востоковедения. Как уже было отмечено выше, в Австралии оказался Алексей Павлович Хионин (1879–1971), один из выдающихся русских синологов, выпускник Восточного института (ВИ) во Владивостоке. Еще будучи студентом, он в октябре 1902 г. сопровождал в Китай в качестве переводчика Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова. В благодарственном письме на имя директора ВИ А.М. Позднеева генерал-губернатор дал высокую оценку знанию языка и эрудиции Алексея: *«Хионин – студент выдающийся и вероятно сослужит хорошую службу русскому делу на дальнем востоке»*. Предвидение генерал-губернатора полностью оправдалось.

Хотя Алексей Павлович приехал в Австралию на закате своих дней, он все же не оставлял научной деятельности и подготовил к печати «Новейший китайско-английский словарь», который насчитывал 9 060 отдельных иероглифов и более ста тысяч словосочетаний. Он предлагал отдать свои труды для издания в СССР или в Австралии, но никто не заинтересовался, и где теперь они, неизвестно.

Несколько соратников и учеников А.П. Хионина, окончивших созданный им в Харбине Институт ориентальных и коммерческих наук (ИОКН, 1925–1941), также иммигрировали в Австралию. Среди них был Валентин Дмитриевич Огарев (1912–1984). Знание четырех языков способствовало тому, что он был принят на кафедру политических наук АНУ в качестве специалиста по экономике и администрации СССР, где проработал двадцать лет. Его солидный труд «Лидеры Советских республик (1970–1981 гг.)» получил признание и в австралийских академических кругах, и за рубежом.

В Мельбурне в Университете Монаш 15 лет работал Викторин Иванович Степаненков, окончивший ориентально-экономический факультет Института Св. Владимира в Харбине. Он подготовил внушительных размеров словарь растений, применяемых в тибетской медицине, написанный на санскритском, тибетском и китайском языках, который не был издан.

Блестящим знатоком китайского (52 тыс. иероглифов!) и японского языков был Владимир Григорьевич Савчик, приехавший в Австралию в 1957 г. из Харбина, где он преподавал в ХПИ. В Австралии он продолжил свою педагогическую деятельность, открыв в Сиднее частную школу «Линго клуб».

К востоковедам русские австралийцы относят и известного поэта Михаила Николаевича Володченко (1914–1997, псевдоним Волин). В 1950 г. он впервые в Австралии организовал в Сиднее школу восточной гимнастики, так называемой «Хатха Йоги». Йога – философия здоровья и долголетия – быстро приобрела популярность у любящих спорт австралийцев. Вместе с австралийской писательницей Н. Фелон он написал восемь книг по разным аспектам философии йоги. Одна из них «Йога для женщин» переведена на все главные европейские языки и выдержала одиннадцать изданий. В Австралии М.Н. Волин считается «отцом йоги».

Деятельность русских востоковедов способствовала возникновению интереса австралийцев к их азиатским соседям.

Проявили себя русские ученые и в области изучения австралийской фауны и флоры. Людям, приезжающим впервые в чужую страну, удается увидеть много такого, чего не замечают те, кто живет в ней годами. Русские иммигранты смогли взглянуть на Австралию острым, много замечающим взглядом. Так, изучением птицы-лиры увлекся Константин Константинович Халафов (1902–1969), годами наблюдая за этим редкостным обитателем леса. Он первым из исследователей положил птичьих песни на ноты и записал их на пластинку. Кроме того, он создал фильм и подготовил ряд статей о жизни птицы-лиры. Труды К.К. Халафова были признаны специалистами, и он стал членом Общества австралийских орнитологов.

Известный в Китае энтомолог Мстислав Иванович Никитин (1911–1986) работал в Государственном департаменте сельского хозяйства и занимался изучением австралийских насекомых. М.И. Никитину удалось обнаружить на пятом континенте новый вид бабочки, названный его именем. Свои богатейшие коллекции насекомых ученый завещал Сиднейскому музею. Энтомологическое общество штата НЮУ присвоило М.И. Никитину звание Почетного члена.

Ученым с мировым именем в области ихтиологии стал Владимир Анатольевич Иванцов (1938, Шанхай). Он преподавал в Университете Маккуори, читая лекции по биологии позвоночных. Под его руководством было защищено 10 докторских диссертаций и создан музей

биологии. В связи с основной темой его научных исследований – «Систематика рыб» – он объездил весь мир, собирая и изучая различные виды рыб. В.А. Иванцов поддерживал тесные научные контакты с российскими учеными, был почетным иностранным редактором журнала, издаваемого Институтом океанологии РАН.

Известность в области ботаники завоевал Николай Николаевич Доннер, работавший в Государственном гербарии при Аделаидском ботаническом саду. Он собрал более 11 тыс. австралийских растений, изучал их систематику и географию распространения, открыл несколько новых видов австралийской флоры, и один из найденных им лишайников назван его именем.

Нельзя оставить без внимания вклад русских иммигрантов в австралийскую медицину. Серьезные научные исследования в области использования лазера в зубопротезном деле проводил Игорь Николаевич Чернавин (1946, Германия). Он являлся представителем Австралии в международном обществе «Лазеры в зубоврачебном деле». Как первооткрыватель использования лазера в стоматологии он стал всемирно признанным экспертом в этой области. Игорь Николаевич – автор научных работ, ряд из них написаны совместно с физиками из Ленинградского института точной механики и оптики, с которыми он сотрудничал более десяти лет. Символично, что квалификация матери И.Н. Чернавина, врача-дантиста, не была признана в Австралии, а он сам экзаменовал иммигрантов-стоматологов, чтобы дать им возможность жить и практиковать в новой стране.

Оставил свой след в медицине Австралии и Георгий Иванович Репин (1928, Сидней), сын известного предпринимателя И.Д. Репина, который пятнадцать лет был Генеральным секретарем Австралийской медицинской ассоциации (1972–1987) и преподавал в Университете НЮУ.

Тесно связанным с медициной оказался доктор физических наук Георгий Георгиевич Косов (1935, Шанхай). Он выбрал основным направлением своей научной деятельности отрасль, которая только начала развиваться, – применение ультразвука в акушерстве, справедливо заслужив среди специалистов известность пионера в развитии ультразвукового изображения. Он опубликовал 235 научных трудов и получил 23 патента. Г.Г. Косов был руководителем ряда международных научных обществ, в том числе являлся президентом Мировой федерации ультразвука в медицине и в биологии (1979–1985). В 1999 г. доктор Косов был награжден Орденом Австралии, высшей наградой страны.

Весьма внушительными не только в развитии австралийской экономики, но и в науке оказались заслуги русских инженеров. Одно из наиболее громких имен среди них – Александр Юрьевич Самарин (1935, Харбин), который в 1988 г. за вклад в науку в области технологии строительных материалов был избран действительным членом Австралийской Академии технологических и инженерных наук, число членов которой не превышает 300. Имя всемирно

известного ученого, члена многих зарубежных научных обществ академика А.Ю. Самарина внесено в книгу «Кто есть кто».

35 лет посвятил сахарной промышленности Квинсленда инженер Александр Петрович Саранин (1921, деревня Рудянка, Урал). Он, совмещая исследовательскую и административную деятельность, внес много новаций в технологию производства сахара и признан крупнейшим специалистом в сахарной индустрии – одной из ведущих отраслей экономики Австралии. За свои изобретения в области сахарной и химической промышленности доктор технических наук А.П. Саранин неоднократно награждался австралийским правительством.

Итак, русские иммигранты в Австралии достигли высоких научных степеней, заняли посты в ведущих научных учреждениях, стали профессорами австралийских высших учебных заведений. Им принадлежат научные открытия, изобретения, патенты. При этом следует учесть, что русским иммигрантам, дипломы которых не признавались, пришлось преодолеть немало трудностей, чтобы доказать свой профессионализм и подтвердить свои ученые степени. Некоторые из них (инженер М.С. Носарь, стоматолог И.Н. Чернавин) сами стали членами комиссий по признанию иностранных квалификаций и дипломов. В конечном итоге русским ученым удалось добиться признания, и они нередко удивляли австралийцев своими знаниями и нестандартным решением проблем в науке. К сожалению, в России о них мало кто знает.

Загородникова Татьяна Николаевна
(ИБ РАН)

Русская община на Цейлоне в 1898–1914 гг.

Этот доклад посвящен русской общине, а не диаспоре на Цейлоне, поскольку диаспора как устойчивая совокупность людей единого национального происхождения, живущая за пределами своей исторической родины и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей общности, сложиться не успела в силу не зависящих от проживавших там людей, исторических обстоятельств. Первая мировая война оборвала многие торговые связи, перекрыв транспортные пути в мировом океане, а октябрьская революция и последовавший за ней хаос сделал невозможным их восстановление. Тем не менее некоторые черты этой общины дают нам возможность предположить, что в других исторических обстоятельствах здесь, на Цейлоне, могла сложиться русская диаспора.

Кроме того, следует подчеркнуть, что, по-видимому, это была самая большая русская община в Британской империи вне самой Великобритании.

Зарождение русской колонии на острове Цейлон следует отнести к 1898 году. Именно в этом году русские купцы перешли к прямым закупкам чая на Цейлоне, до этого цейлонский чай

закупался в Лондоне. В Коломбо обосновались представители фирм «Молчанов, Печатнов и К^о», «Щербачев, Чокон и К^о», «Токмаков, Молотков и К^о» и др. С этого начались торговые отношения между нашими странами. Рост импорта цейлонских чаев рос год от года. Кроме представителей частоторговых фирм на острове был представитель Доброфлота, Русско-Китайского банка и русского дипломатического представительства – вице-консульства. Справедливости ради следует сказать, что часто эти последние должности замещались представителями частоторговых фирм. Главой колонии был вице-консул.

В 1869 году был открыт Суэцкий канал, что привело к существенному изменению ситуации в мировом мореходстве и международной торговле. Расстояние между Одессой, Севастополем и портами Тихого и Индийского океанов сократилось в три раза. Они оказались ближе к странам Южной, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, чем все другие крупнейшие европейские порты. При наличии крупного торгового флота и установлении регулярных рейсов на Восток это давало России значительные преимущества. Такой флот вскоре появился, это был Добровольный флот или сокращенно Доброфлот, поэтому корабли этого флота назывались «Добровольцами». С 1880 г. Добровольным флотом было установлено постоянное товарно-пассажирское движение между Одессой и портами Азии, в том числе Дальнего Востока: начиналось освоение этой окраины империи. Теперь морские пути проходили через Поинт де Галле (современный Галле), Тринкомали и Коломбо. Все чаще русские торговые и военные корабли заходили в гавани Цейлона для пополнения запасов угля, продовольствия и воды, иногда возникали всякие другие неотложные проблемы, решение которых капитаны искали на суше, в портах.

Необходимость иметь русского консула на Цейлоне была осознана в начале 80-х годов. Военные моряки первыми поставили этот вопрос перед МИДом. Сначала исполнение обязанностей консула России возлагалось на живущих на острове иностранных коммерсантов, такая практика была общепризнанной в то время. В 1882 году был назначен первый российский дипломатический представитель в Поинт де Галле. Это был Энтони Дельмеж. Первым русским сначала внештатным, а позднее и штатным вице-консулом в Коломбо с 1890 по 1897 год. был коллежский асессор Эдмунд Романович фон Фриш. С этого же 1890 года местопребыванием вице-консула Российской империи становится Коломбо, поскольку сюда переносится вся деловая активность острова.

С 90-х годов XIX века Коломбо стал портом, куда заходили российские суда на пути следования из европейской части России на Дальний Восток и обратно. На восток, на окраину империи, перевозили переселенцев, войска, каторжников, охрану, рабочих на строящуюся Восточно-Китайскую железную дорогу, чиновников, следовавших по своим разнообразным административным нуждам, путешественников. В отчете за конец 1900 – начало 1901 года вице-консула В.К. Шнейдера говорится, что еженедельно через Коломбо проходило до 2 000 человек

русских, главным образом, новобранцев и законтрактованных для работы на Дальнем Востоке [1, д. 917, л. 10-11 об.]. Для всех этих людей очутиться на суше, почувствовать под ногами твердую почву, было порой насущной необходимостью, и английские колониальные власти Цейлона никогда этому не препятствовали. Но во время этих остановок могло случиться всякое от пьяной драки с поножовщиной до дезертирства, были заболевшие или отставшие от своего судна по какой-то другой причине. Все эти проблемы, а также вопросы снабжения военных и гражданских судов углем и продовольствием решались вице-консулом.

Цейлон был важен для России не только как важный порт на пути из европейской части страны на Дальний Восток и обратно, но и как производитель и поставщик чая, в гораздо меньшей степени – других «колониальных товаров»: копры, кофе, какао, ратана, а также графита.

Колония русских, постоянно живущих на Цейлоне, в начале XX века насчитывала более 10 человек. По тем временам это было значительное количество, а с учетом временно проживавших и пассажиров кораблей Доброфлота, делавших остановки в Коломбо, численность русских значительно возрастала. Кто были эти люди, по тем или иным причинам временно пополнявшие русскую общину Цейлона? По-видимому, больше всего было пассажиров русских судов, вынужденные задержаться на берегу из-за болезни или по каким-то другим причинам, а также дезертиров. Были и специально приезжавшие на Цейлон путешественники-охотники, например многочисленные представители царской семьи и их свиты: Великие Князья Александр и Сергей Михайловичи (1891), Борис Владимирович (1902 и 1911) и цесаревич Николай (1891). До сих пор в ботаническом саду Перадения сохранилось дерево, посаженное будущим императором Всероссийским.

Этот сад и его филиалы в других районах острова привлекали биологов разной специализации. Например, в 1891 году на Цейлоне побывал Владимир Андреевич Тихомиров экстраординарный профессор фармакогнозии и фармации Московского университета, доктор медицины, специалист в области акклиматизации лекарственных растений и чая, в 1895 – Андрей Николаевич Краснов, ботаник и географ, профессор Харьковского университета, с его именем связана также первая комплексная правительственная сельскохозяйственная экспедиция на Восток, в том числе и на Цейлон, для «изучения чайного дела», в которой кроме него принимали участие Иван Николаевич Клинген, инспектор Кавказских удельных имений, Владимир Оттович Симонсон и Григорий Григорьевич Снежков, агрономы удельного ведомства, специалисты по субтропическим растениям Черноморского побережья Кавказа. Безусловно, большинство такого рода посетителей приезжало на Цейлон именно для «изучения чайного дела». Среди них был и купец-чаоторговец Попов К.С., потомственный почетный гражданин города Москвы, в 1890–1891 годах осуществивший поездку на Цейлон. Человек дела, уже к 1896 году он создал чайную плантацию и открыл чайную фабрику около Батуми, пригласил в Россию англичанина,

специалиста по переработке чайного листа. Но были и натуралисты, приезжавшие с другими целями. Владимир Ипполитович Липский, главный ботаник Императорского Петроградского ботанического сада, и сотрудник того же ботанического сада А.И. Михельсон занимались составлением гербария и сбором зоологической коллекции. Все они жили на острове не один месяц, хотя большинство времени проводили в разъездах.

Цейлон привлекал россиян разными сторонами своей культуры, истории, своими красивейшими ландшафтами. Хамбо-лама Восточной Сибири Чайзин Урельтуев приехал сюда в 1900 году для изучения буддизма и поклонения святым местам, сотрудники Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) супруги Людмила Александровна и Ганс Христианович Мерварты были командированы на остров в 1914 году для изучения быта и сбора этнографических коллекций, наконец, люди искусства приезжали просто для того чтобы посетить этот любопытнейший уголок Земного шара, получить новые впечатления (И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, художники В.В. Верещагин, В.А. Ватагин, А.И. Кравченко и другие). Цейлон никого не оставлял равнодушным. Вспомним цикл стихотворений И.А. Бунина о Цейлоне и его шуточные строки в письме к своему другу писателю Н.Ф. Телешеву:

Я живу у Сандунова на полкѣ,
С ананасами, бананами в руке.
Сверху жарит, снизу парит... Я совсем,
Извините, стал бесстыжим: только шлем.
Змеи, тигры, сингалезы и слоны!
Возвратите мне, мерзавцы, хоть штаны!
Но основу общины составляли все-таки постоянно жившие на острове русские.
Кто были эти люди, как они жили, какова была их судьба?

К сожалению, эти подробности нам во многом не известны. С полной уверенностью можно сказать, что их работа была не из легких. Полный штат вице-консульства состоял из вице-консула и консульского агента, но одновременно обе эти должности редко бывали заняты, а с 1910 года должность вице-консула постоянно исполнял консульский агент. Должность консульского агента, иногда с определением «нештатного», исполняли, главным образом, представители чайных фирм, которые жили на острове: И.А. Щербачев и Т.К. Чокков. Единственным консульским агентом, который был послан из России, был Борис Петрович Кадомцев. Он был назначен на эту должность в 1913 году, последнее его донесение было составлено 14 мая 1917 года, но, по имеющимся сведениям, вице-консульство продолжало функционировать по крайней мере до осени 1918 года.

Вице-консулы, служивших на Цейлоне, были в чине коллежского асессора, чему соответствовал хороший статус, приличное жалование, но в условиях Цейлона это был напряженный труд в непривычных, тяжело переносимых, часто просто вредных для здоровья

природных условиях. Из пяти вице-консулов и трех консульских агентов один, В.К. Шнейдер, скончался на следующий год по возвращении в Россию; другой, А.Ю. Булах, сошел с ума, был депортирован в сопровождении санитаров на родину и уволен со службы по болезни; третий Н.П. Данилов в июне 1899 года, прожив около года в Коломбо, писал на родину, что он тяжело болен, скорее всего, это чахотка: сильная слабость. Местный доктор посоветовал переехать в местность с сухим климатом. Николай Павлович просил друга поспособствовать его переводу куда-нибудь в более здоровое место [2, д. 3378, л. 25-27 и об.]. Т.К. Чокон, старожил острова, покончил жизнь самоубийством. Трифон Кириллович поселился на острове в 1898 году, основал свою чаеоторговую фирму, успешно экспортировал чай, пытался заинтересовать русских купцов в торговле с Цейлоном, сам старался наладить экспорт из России, был агентом Доброфлота и Русско-Китайского банка, не раз в отсутствие вице-консула исполнял его должность. В своей предсмертной записке он написал, что знает о своей неизлечимой болезни сердца и не хочет больше страдать [2, д. 1128, л. 14]. Причину высокой смертности и болезней в этом «рае земном» прекрасно описал Владимир Ипполитович Липский, главный ботаник Императорского Петроградского ботанического сада: «Временный (кратковременный) посетитель не знает и даже часто не подозревает массы тропических неприятностей вроде термитов, москитов, пьавок (которые сидят в траве и легко залезают под одежду), разных других неприятных насекомых, змей и т. п., не говоря уже о тропических дождях и сопряженных с ними удовольствиях, вредном климате, об известном неудобстве для организма, сопряженном с такой банной температурой, вообще с полной переменой режима жизни. Все это несомненно отражается и иногда ведет в конце концов к заболеваниям». Но тут же он сам себя опровергает: «Цейлон в этом отношении принадлежит к более мягким здоровым странам (почти нет лихорадок), где европеец уживается легче. Но в Индии эксцессы климата более чувствительны, а в некоторых местах прямо губительны. Отсутствие лихорадок и разных других болезней, значительная его культурность делают Цейлон, так сказать, лучшей тропической страной. А присутствие гор в центре его создает еще ряд климатических совершенно умеренных станций, где европеец чувствует себя совершенно в своей обстановке. В несколько часов из сравнительно жаркого Коломбо вы переноситесь по железной дороге в умеренную Перадению, Кэнди, а затем и довольно прохладную Нурелию (Нювара Элия), лежащую на высоте 6000 фут., где ночью не мешает покрыться и теплым одеялом. Поэтому репутация Цейлона, как сравнительно мягкой и удобной для европейца тропической страны, совершенно справедлива.»

Русская община на Цейлоне конца XIX – начала XX века была довольно сплоченной, жившей своей внутренней жизнью. Инициативы, например, собрать деньги и на них купить книги, чтобы при вице-консульстве была библиотека русской литературы, или послать прошение в Синод об открытии на острове православной миссии, встречали понимание и поддержку. Вице-консул

В.К. Шнейдер приложил много усилий для основания православного храма в Коломбо. Три русские чайные торговые фирмы подписали соглашение, по которому они обязались жертвовать с каждых вывозимых с Цейлона ста английских фунтов чая по одному центу на русскую церковь и кладбище¹. Вице-консул в частных письмах в Россию писал о необходимости открытия православной церкви в Коломбо и старался заинтересовать этим разных лиц в Петербурге. Эти призывы не остались без ответа: из столицы были высланы иконы и церковные принадлежности. Тогда на следующем собрании русской колонии все три русские торговые дома обязались отпускаяют на содержание священника по 1800 рупий в год. Кроме того, Т.К. Чоков в качестве частного лица предоставил часть своего помещения для временной домово́й церкви. К сожалению, все эти шаги русской общины Цейлона не нашли понимания в столице: из Синода был получен отказ [1, д. 1168, л. 13-14; 3]. В 1909 году вице-консул А.Ю. Булах попытался на собранные для этой цели деньги (1600 рупий) основать в пику англичанам русский клуб, в который вошло 14 членов-россиян. К сожалению, и эта затея провалилась [2, д. 3379, л. 116, 120-121].

Жизнь русской общины не была оторвана от России. Регулярные остановки кораблей Доброфлота в порте Коломбо были связующей их нитью с родиной. В 1908 году Л.Н. Толстой получил от русской колонии на Цейлоне поздравительную телеграмму по случаю своего 80-летия и книгу «Picturesque Ceylon», а также некоторую сумму денег для раздачи нуждающимся. 5 марта 1909 года он написал и отправил в Коломбо благодарственное письмо: «Вчера получил вашу великолепную книгу о Цейлоне и благодарю вас за нее, за благотворительные деньги 176 рублей, которые думаю, что распределил сообразно вашему желанию между бедными вдовами нашего околотка. Благодарю еще за добрые слова, сказанные в день моего рождения, и, главное, за те добрые чувства, которые выражены мне так далеко живущими соотечественниками» [4].

Такова была русская община на Цейлоне к началу первой мировой войны. Поскольку закупки чая неизменно росли, освоение Дальнего Востока продолжалось, то есть «Добровольцы» продолжали заходить в порт Коломбо, значит русская община на Цейлоне имела перспективы к развитию, но сначала немецкие крейсера, появившиеся близ острова, внесли свои поправки в расписание Доброфлота, а последовавшая революция надолго закрыла Коломбо для советских судов.

Библиография

1. АВПРИ. Ф. 155, I-5, оп. 407.
2. АВПРИ. Ф. 147, оп. 485.
3. Русские на Цейлоне в XIX – начале XX в. Сборник архивных документов и материалов. М.: Институт востоковедения РАН. 2010. Док. № 60.
4. Толстой Л.Н. Юбилейное собрание сочинений. Т. 79. № 110.

¹ На Цейлоне, естественно, не существовало православного кладбища и усопших русских хоронили на общем христианском кладбище. По местным правилам по истечении трех лет в ту же могилу могли еще кого-нибудь захоронить.

Положение российской диаспоры в современной Монголии

Дана периодизация основных волн российской эмиграции в Монголию и ее причины, начиная с середины XIX в., когда русские официально получили возможность проживать в этой стране, являвшейся в то время частью Цинской империи. В 1912–1919 гг. число русских составляло примерно 5 тыс. человек. Численность российской диаспоры в Монголии заметно возросла в советский период, главным образом за счет командированных советских специалистов и составляла в конце 80-х годов примерно 20 тыс. человек (включая русских, получивших вид на жительство в Монголии).

В условиях политического и экономического кризиса 90-х годов в Монголии положение русской диаспоры заметно ухудшилось. Многие постоянно проживающие в этой стране русские лишились работы, социальных пособий и ранее действовавших льгот. В наиболее трудном положении оказались ветераны, пенсионеры и малоимущие семьи. На положение русской диаспоры в последние 20 лет повлияли политические процессы в Монголии, в частности, изменение характера российско-монгольских отношений в начале 90-х годов.

В настоящее время число постоянно и временно проживающих в Монголии русских составляет примерно 2 тыс. человек. Численность российской диаспоры снижается, как за счет оттока постоянно проживающих русских, так и за счет уменьшения количества российских специалистов.

Автор проанализировал условия, в которых в настоящее время существует российская диаспора Монголии, и пришел к выводу, что ее роль в социально-политической жизни страны проживания в целом незначительна.

Хохлов Александр Николаевич
(ИВ РАН)

Русская эмиграция в Китае: Первая волна репатриации на Родину

Отмечено влияние Великой отечественной войны 1941–1945 гг. на рост патриотических настроений среди эмигрантов-россиян зарубежных стран Востока и, в частности, Китая. Примечательно, что уже в годы войны около 2 тысяч русских эмигрантов в Шанхае заявили о своем желании вернуться на Родину. С учетом такого настроения, особенно среди молодежи, правительство СССР в начале 1946 г. значительно упростило процедуру получения эмигрантами советского гражданства, возложив на Генеральное консульство в Шанхае работу по выдаче паспортов желающим в ближайшее время отправиться на родину. В соответствии с решением от

30 июня 1947 г. началась репатриация русских эмигрантов из Китая на пароходах во Владивосток, в результате чего почти все прибывшие сюда в 1946–1948 гг. (в числе 2,5 тыс. семей) были расселены в Сибири и на Урале, где были трудоустроены главным образом на промышленных предприятиях, за исключением лиц творческих профессий. Второй этап репатриации 1954–1955 гг., как отметил докладчик, был связан с освоением в СССР целинных земель, благодаря чему более тысячи семей репатриантов осело в сельской местности, чаще всего около МТС, что позволило поднять общий уровень сельскохозяйственного производства.

Иванова Людмила Алексеевна
(Институт этнологии и антропологии РАН)

Н.Н. Мишутшкин и российско-вануатуанские связи

30 июля 2010 г. исполняется 30 лет Республике Вануату – девятому независимому государству Океании. Его название означает «Наша земля навсегда!», «Наша страна навечно!» Оно расположено в Меланезии на 83 островах одноименного архипелага между 13° и 22° юж. ш. и 166° и 175° в. д. Воды Кораллового моря омывают их с запада, а волны Тихого океана – с востока. Общая площадь островов 12 930 кв. км. На северо-северо-западе они образуют двойной ряд, составляя вместе с остальными рисунок, близкий латинской букве «У». Их протяженность с северо-северо-запада на юго-юго-восток достигает 900 км. Самые северные из них – о-ва Торрес, самый южный – о. Анатом. Республика претендует также на два маленьких безлюдных острова Матео и Хантер, находящихся к юго-востоку от Анатома в пределах указанных географических координат. Это расширяет морскую экономическую зону государства до 680 кв. км. [23, с. 13-14; ср. 22, р. 689-717]. Из 83 островов обитаемы 67, наиболее значимы среди них по размерам и ресурсам 12: Вануа-Лава, Санта-Мария (Гауа), Эспириту-Санто, Маэво, Малекула, Аоба, Пентекост, Амбрим, Эфате, Эрроманго, Танна, Анатом. Столица государства – Порт-Вила находится на острове Эфате.

Граждане государства, как коренные меланезийцы, так и выходцы из других частей света, называются *ни-вануату*, что означает «люди нашей страны». Общая численность населения по оценке достигла к 2009 г. 243 000 человек, из них мужчин – 51%, женщин – 49%. В столице и ее окрестностях проживает 45 694 человека. 78% населения страны обитает в сельской местности и занимается земледелием и рыболовством. 6% населения составляют выходцы из стран Европы (британцы, французы, итальянцы и др.), Юго-Восточной и Южной Азии (вьетнамцы, китайцы, индийцы и др.), Океании, Австралии, Африки, обеих Америк. Государственный язык *бишлама* – местный токписин; официальными языками являются также французский и английский. За любым из 115 местных языков и диалектов признается право претендовать на роль государственного языка.

Республика Вануату – парламентское государство. Законодательная власть в стране принадлежит однопалатному парламенту – Ассамблее представителей, избираемой на основе всеобщего избирательного права на четыре года. Исполнительную власть осуществляет Совет министров во главе с Премьер-министром. Президент Республики избирается сроком на пять лет и является главой государства [23, с. 59-65; 22, р. 590-592]. Консультативную роль при правительстве выполняет Национальный Совет вождей – *Мальватумаори*. Он создан для поддержания и развития традиционной культуры и языков коренного населения страны [23, с. 7].

Вануату – член ООН, (Британского) Содружества наций, Секретариата Тихоокеанских сообществ. Дипломатические отношения с нашей страной установлены 30 июля 1986 г.

Республика Вануату возникла 30 июля 1980 г. на месте франко-британского кондоминиума (совладения) Новые Гебриды, существовавшего с 1906 г. Эта небольшая страна с богатой историей и культурой.

Отдельные острова, принадлежащие ныне Республике Вануату, были открыты в течение XVII–XVIII вв. португальцем на испанской службе П.Ф. Кирсом, испанцем Л.В. Торресом и французским мореплавателем Л.А. Бугенвилем. Однако честь открытия и обследования основной группы островов принадлежит знаменитому британскому капитану Джеймсу Куку, который в июле–августе 1774 г. дважды прошел их с юга на север и положил на карту. Он же в целом номеновал их Новыми Гебридами с аллюзией на Гебриды, расположенные к западу от Шотландии [20, р. 454-526; 7, с. 298-320]. В числе других 17 островов им был найден о-в Танна и залив на юго-востоке острова, названный в честь корабля Порт-Резолюшн.

Вторым после Дж. Кука европейским мореплавателем, посетившим архипелаг Новые Гебриды, был русский флотоводец Василий Михайлович Головнин (1776–1831). Это произошло в июле 1809 г., когда шлюп «Диана» под командованием лейтенанта Головнина зашел Порт-Резолюшн на о-ве Танна для заправки свежей водой, топливом и продовольствием. И хотя судно находилось в водах залива неполных шесть суток, с полудня 26 по утро 31 июля, отношения, установившиеся между россиянами и местными жителями, позволили В.М. Головнину собрать в окрестностях Порта-Резолюшн большую этнографическую коллекцию. Увиденное и приобретенное на Танне было отражено Головниным в двухтомном сочинении об его первом кругосветном плавании, оно относится к числу ранних описаний Новых Гебрид, сделанных европейским мореплавателем о [3, с. 146-208]. В тоже время анализ главы, посвященной аборигенам Танны, позволяет восстановить первоначальный состав и величину коллекции В.М. Головнина, которая насчитывала около 100 предметов [9, с. 209-219]. Большая их часть была утрачена им во время японского плена [2]. В настоящее время 14 сохранившихся вещей находятся в МАЭ. Среди шести идентифицированных – три уникальны, так как отсутствуют в коллекциях,

доставленных в Европу экспедицией Дж. Кука [11, с. 157-169]. Визит лейтенанта В.М. Головнина положил начало спорадическим контактам между Россией и Новыми Гебридами (Вануату).

Николай Николаевич Миклухо-Маклай был следующим россиянином, посетившим в мае-июне 1879 г. архипелаг Новые Гебриды и о-ва Бэнкса. На шхуне «Сэди Коллер» он проследовал от о-ва Танна на юге до о-ва Вануа-Лава в группе о-вов Бэнкса на севере. Хотя дневниковые записи ученого отсутствуют, в Русском географическом обществе сохранился цикл рисунков, созданных им во время этого путешествия. 77 из 138 листов с пометами его «Альбома № 21. 1979. Melanesia» посвящены Новым Гебридам и о-вам Бэнкса. Они содержат информацию об антропологических типах населения; локальных особенностях одежды, причесок, украшений обоих полов, их половозрастных отличиях; узорах татуировки и скарификации на различных островах; архитектуре мужских домов и жилых хижин; типах сигнальных гонгов; ритуальном костюме с маской и деревянной скульптуре ранговых обществ; о ряде сакральных мест (пещеры, святилище); наконец, об оружии [10, с. 24-26].

К столетию прибытия Н.Н. Миклухо-Маклая в Океанию, в 1971 г., советское научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев» с отрядом этнографов на борту посетило среди других островов архипелаг Новые Гебриды [19, с. 120-128]. Здесь отечественные этнографы впервые встретились с Н.Н. Мишутушкиным [1, с. 148-152; 18, с. ...; 14, с. 23-24].

Именно с деятельностью Николая Николаевича Мишутушкина (5 октября 1929, Бельфор, Франция – 2 мая 2010, Нумеа, Новая Каледония), потомка русских эмигрантов первой волны, с 1962 г. и до кончины жившего на Новых Гебридах, связаны регулярные культурные и научные отношения между нашими странами.

Многие сотни тысяч граждан нашей стране, а теперь и ближнего зарубежья в свое время посетили выставку «Этнография и искусство Океании» [4, с. 148-156; 5, с. 107-114]. Она была приглашена Академией наук СССР к XIV Тихоокеанскому научному конгрессу, состоявшемуся в 1979 г. в Хабаровске. Её создателями и дизайнерами были два французских гражданина, (а с 1992 г. еще и граждане Республики Вануату), русский по происхождению Николай Мишутушкин и Алой Пилиоко – «русский полинезец», как прозвали его в хабаровчане. К этому моменту они уже в течение 20 лет занимались собиранием, сохранением и экспонированием этнографических артефактов и произведений традиционного искусства народов Меланезии и Полинезии.

700 предметов из собранных ими сокровищ и демонстрировались в Советском Союзе в период с 1979 по 1986 г. в девяти городах нашей страны, при этом в Москве (четыре раза).

По решению Оргкомитета Конгресса и Президиума АН, выставка сначала была развернута в павильоне «Химия» АН СССР на ВДНХ (15 июня – 15 июля 1979 г.), а затем перевезена в Хабаровск, где разместилась в актовом зале Педагогического института (20 августа – 5 сентября 1979 г.). С этого момента началась ее триумфальная демонстрация по городам страны. По линии

Академии Наук СССР ее показали в Москве, Хабаровске, Новосибирске, Тбилиси, Ереване и снова в Москве. Затем в конце 1980 г. по рекомендации академика Ю.В. Бромлея она перешла под эгиду Министерства культуры СССР и в течение двух лет экспонировалась последовательно в Ленинграде, Сардарапате (Армения), Москве, Фрунзе, Самарканде и снова в Москве.

В ее работе по линии Академии Наук (с мая 1979 по сентябрь 1980) всегда участвовали собиратели привезенной коллекции – Николай Мишутушкин и Алой Пилиоко. Периодически их приглашали в СССР и по линии Министерства культуры. Оба всегда и монтировали выставку, и работали на ней: А. Пилиоко создавал для всех желающих сувенирные рисунки, и зрители знакомились не только с традиционной культурой народов Океании, но и с живым ее представителем Алой Пилиоко – полинезийцем с о-ва Увеа (Уоллис). Не менее важную роль играл на ней и лидер этого многолетнего творческого содружества Николай Мишутушкин – французский художник и путешественник, этнограф-эмпирик и коллекционер, модельер и бизнесмен, общественный деятель, постоянно живущий в Республике Вануату. Владея русским языком, он всегда водил экскурсии и охотно общался с публикой.

В 1994 г. возобновились официальные контакты Российской Академии наук (наследницы Академии наук СССР) с Н. Мишутушкиным и А. Пилиоко. С 30 июля по 4 октября 1994 г. в залах старейшего в России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в Петербурге была развернута совместная выставка «Вануату в зеркале искусств». На ней были представлены как экспонаты МАЭ, так и материалы, присланные художниками из Вануату (8, с. 255-264; 17, с. 124-163). И вновь первую неделю на ней работали оба коллекционера. Выставка была приурочена к 14 годовщине провозглашения независимости Республики Вануату.

В знак благодарности за приглашения и прием коллекционеры подарили различным учреждениям Академии наук нашей страны в общей сложности 100 этнографических предметов из Океании. По мысли Н.Н. Мишутушкина, они должны были положить начало Музею Океании в Москве – столице Тихоокеанской державы. 70 предметов этого дарения легли в основу Этнографического кабинета, созданного в 1991 г. в Институте этнологии и антропологии РАН и, как в насмешку, названному именем Н.Н. Чебоксарова.

Успех выставок без преувеличения, был ошеломляющим. Их работа всегда положительно освещалась в отечественной прессе и на телевидении. Каждый раз, после окончания работы выставки в очередном городе СССР, возвращаясь на Вануату, Н. Мишутушкин рассказывал о ней в местных и австралийских газетах, богато иллюстрируя свои статьи фотографиями посещенных городов и видами экспозиции. В сущности, эти статьи знакомили ни-вануату с далекой и малоизвестной страной северного полушария. В то же время дважды он публиковался на страницах журнала «Советская этнография» с рассказом о празднествах в Порт-Вила, связанных с обретением независимости Республикой Вануату [15, с. 15-19], и в «Этнографическом обозрении»

с воспоминаниями о встречах с академиком Ю.В. Бромлеем [16, с. 15-17]. Он же был соавтором Каталога выставки «Этнография и искусства Океании», вышедшем в Москве на русском [6, 148 с., 132 илл.], французском и английском языках [21, 191 p., 132 ill.].

Деятельность Н.Н. Мишутушкина не ограничивалась собиранием коллекций, экспонированием, созданием моделей расписной одежды и путешествиями. В 2007 г. Департамент иностранных дел Республики Вануату утвердил его Почетным консулом по культуре в Российской Федерации, на что правда, ответа не последовало.

Он был участником многих научных конгрессов, художественных форумов, различных конференций и съездов. Назову лишь самые последние из них. Так, в июне 2009 г. он участвовал в работе третьей Конференции российских соотечественников Азиатско-Тихоокеанского региона в Канберре (13 июня). А 3 ноября 2009 г. по приглашению Фонда «Русский мир» он выступил на Третьей Ассамблее Фонда в Москве с рассказом об открытии на Вануату памятника русскому флотоводцу Василию Михайловичу Головнину, первому из российских мореплавателей посетившему о-в Танну в архипелаге Новые Гебриды. Бюст В.М. Головнина был создан в России замечательными московскими скульпторами отцом и сыном Николаем Александровичем и Василием Николаевичем Селивановыми [13]. Памятник был установлен и открыт в Порт-Вила 28 июля 2009 г. по инициативе Фонда Н.Н. Мишутушкина – А. Пилиоко при спонсорской поддержке русской диаспоры за рубежом и содействии Российского Фонда «Русский мир» в память 200-летия первых контактов между обитателями архипелага и россиянами. Вместе с главой Представительства Еврокомиссии на Вануату Н. Мишутушкин издал к знаменательному событию буклет «In commemoration of 200 years of the first contact between Russia and Vanuatu 1809–2009» [44 p.] и памятные марки.

Торжества в Порт-Вила по случаю 200-летия посещения Новых Гебрид Василием Головниным превратились в Первый международный фестиваль русской культуры в Вануату, который объединил соотечественников из Австралии, Новой Зеландии, Фиджи и др. островных государств Океании. Во время фестиваля была развернута фотовыставка работ Александра Кулешова, члена союза журналистов РФ, состоявшая из нескольких разделов, знакомивших с Россией ни-вануату и гостей фестиваля из сопредельных стран; пребыванием Н.Н. Мишутушкина и А. Пилиоко в СССР; всем процессом создания памятника, начиная от лепки модели, отливки, обработки и доставки на Вануату. В 2100 г. Н.Н. Мишутушкин планировал провести Второй международный фестиваль русской культуры в Вануату, посвященный русскому языку. Он должен был совпасть по времени с планируемой установкой второго бюста В.Г. Головнина в городе Ленакель на о-ве Танна [12, с. 97-110]. Однако неожиданная кончина Н.Н. Мишутушкина 2 мая 2010 г. после перенесенной операции оборвала эти планы.

Жизнь Николая Николаевича Мишутушкина отразила судьбу целого поколения людей, которых мы сегодня именуем зарубежными соотечественниками. Как точно сформулировал петербургский профессор А.Я. Массов в письме от 5 мая 2010 г. по поводу кончины Николая Николаевича: «Уходит та, уже старая часть русской эмиграции, дети первой волны, которые могли и хотели сохранять русскую культуру в Зарубежье. Хотя и грустно, но тут уж ничего не поделаешь. Рано или поздно русское Зарубежье (то, которое с большой буквы) уйдет».

В лице Николая Николаевича Мишутушкина мы потеряли не только дарителя, но и заинтересованного, равнодушного к нашей стране человека, одаренного до последних дней жизни фантастической энергией, всегда готового к сотрудничеству. Действительно, он принадлежал к поколению детей первой волны русской эмиграции, сохранивших язык и любовь к родине предков, несмотря на те мучительные, порой трагические испытания, выпавшие на долю эмигрантов первой волны, а нередко и их дети. Вечная ему память!

Библиография

1. *Бутинов Н.А.* Путь к берегу Маклая. Хабаровск, 1975.
2. [Головнин В.М.]. Записки Флота Капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С прибавлением замечаний его о Японском государстве и народе. Части 1-3. СПб., 1816.
3. [Головнин В.М.]. Путешествие Российскаго Императорскаго шлюпа Дианы, из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством Флота лейтенанта (ныне Капитана 1го ранга) Головнина в 1807, 1808 и 1809 годах. СПб. 1819. Ч. II, гл. 3.
4. *Иванова Л.А.* Выставка «Этнография и искусство Океании» // СЭ. 1980. № 3.
5. *Иванова Л.А.* Этнография и искусство Океании // Вестник АН СССР. 1982, № 1.
6. [Иванова Л.А., Мишутушкин Н.Н.]. Каталог выставки «Этнография и искусство Океании» из Фонда Н. Мишутушкина – А. Пилиоко. М., 1985.
7. *Иванова Л.А.* Европейские открытия и номинации в архипелаге Вануату (Новые Гебриды) XVII–XVIII вв. // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып. 2-3. СПб., 1995.
8. *Иванова Л.А.* Выставка в МАЭ к 14-ой годовщине независимости Республики Вануату // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 7. СПб., 1995.
9. *Иванова Л.А.* О первоначальном составе новогребридской (вануатуанской) коллекции вице-адмирала В.М. Головнина // Курьер Петровской Кунсткамеры, 1995. Вып. 2-3.
10. *Иванова Л.А.* Вануатуанские (новогребридские) листы «Альбома № 21. 1879. Меланезия» Н.Н. Миклухо-Маклая из РГО РАН // Выдающийся путешественник и гуманист (Материалы к Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая). СПб., 1996.
11. *Иванова Л.А.* Новогребридская (вануатуанская) коллекция В.М. Головнина из МАЭ (к 220-летию со дня рождения мореплавателя) // Этнографическое обозрение. 1998, № 2.
12. *Иванова Л.А.* Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 2010, № 2.
13. *Козлова Е.* Мир скульптора Николая Селиванова. М., 2009.
14. *Крюков М.В.* Этот таинственный остров Эроманга. М., 1989.
15. *Мишутушкин Н.Н.* Фестиваль искусств народов Вануату // Советская этнография. 1980. № 6.
16. *Мишутушкин Н.Н.* Академика Ю.В. Бромлея помнят в Океании // Этнографическое обозрение. 2001. № 4.

17. *Окладникова Е.А.* «Вануату в зеркале искусств» и проблема этнокультурных контактов в бассейне Тихого океана // Курьер Петровской Кунсткамеры. Вып 2-3. 1995.
18. *Путилов Б.Н.* Журнал «Знамя»
19. *Тумаркин Д.Д.* По островам Океании (Этнографические работы во время 6-го экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева») // Советская этнография. 1972. № 2.
20. [Cook J.]. *The Voyage of the Resolution and Adventure 1772–1775.* Ed. from the original Manuscripts by J.G. Beaglehole with the assistance... Hakluyt Society. Extra Series. No. XXXV. Cambridge, 1961.
21. [Ivanova L.A., Michoutouchkine N.N.]. *Catalogue of the Exhibition «Ethnography and Art Oceania» of N. Michoutouchkine – A. Pilioko Foundation.* 2nd ed. revised and supplemented. Moscow, 1989. 191 pp.; 132 ill.
22. *Pacific Islands Yearbook.* Ed. by N. & N. Douglas. 17th edition. Suva, 1994.
23. *Vanuatu. 10 years of independence.* First published in Australia. Printed in Australia for the Government of the Republic of Vanuatu. NSW, 1990.

Красильникова Дарья Анатольевна
(ГУ ВШЭ)

Российские специалисты в Иране

Согласно электронному словарю понятий и терминов под миграцией рабочей силы или миграцией трудовых ресурсов понимается миграция населения с целью трудоустройства за рубежом или в других регионах страны. Причинами могут являться различные факторы, например, неблагоприятная экономическая обстановка в стране: инфляция, безработица, экономический кризис, гражданские войны, экологический кризис в данном регионе. Одной из характеристик международной миграции рабочей силы является тот факт, что мигрантами являются жители стран третьего мира в развитые страны Западной Европы, Канады, США и др. [1]. При этом проблема трудовой миграции является одинаково острой как для страны принимающей, так и для страны «отпускающей» людей.

Немного определений, цифр и мнений. Проблема трудовой миграции является достаточно важным моментом в развитии любой страны. Наша страна не стала исключением. Некоторые эксперты полагают, что за счет притока граждан из ближнего зарубежья Россия сможет решить свои демографические проблемы. Но ведь эти люди приезжают в нашу страну на заработки, чаще всего их семьи остаются в родной им стране, туда же и уходят заработки приезжих, немалый процент которых нелегальный.

В настоящее время правительство нашей страны обеспокоено больше напряженностью на бытовом уровне, обеспокоенностью населения в связи с большим числом приезжих («*Мне кажется, черным надо вообще дорогу в Россию закрыть*» [2]). С завидной периодичностью в СМИ появляются сообщения о выдворении нелегально проживающих граждан на территории России: «*нужно наводить порядок в сфере миграции и трудовой деятельности*» [3]. Так, вполне устоявшимся стало выражение «понаехали».

Но при этом в российских СМИ практически не озвучивается проблема «утечки» российских специалистов (ученых, инженеров) за рубеж. Так, в период с середины 90-х до 2004 года на Запад уехало от 25 тыс. до 80 тыс. человек (согласно заявлению статс-секретаря министерства образования и науки РФ Дмитрия Ливанова и Российского фонда фундаментальных исследований соответственно [4]).

Предыстория сотрудничества в сфере атомной энергетики. Рассмотреть заданную проблему я собираюсь на примере работы российских специалистов, в частности из города Балаково (Саратовская область), в исламской республике Иран.

Бушерская АЭС, строящаяся в Иране вблизи города Бушер, является первой АЭС в Иране и на всём Ближнем Востоке. Строительство было начато в 1975 году западногерманским концерном Kraftwerk Union, подразделением Siemens. В 1980 году правительство ФРГ присоединилось к санкциям США, введённым против Ирана после Исламской революции 1979 года. Строительство было прекращено и возобновлено после длительной консервации в 1995 году.

24 августа 1992 года правительства России и Ирана подписали соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии. 25 августа 1992 года было заключено соглашение о продолжении строительства АЭС в Бушере. В январе 1995 года был подписан контракт на завершение строительства первого энергоблока, а в 1998 году в дополнении к контракту было установлено, что управление строительством переходит к компании «Атомстройэкспорт». Планировалось включить электростанцию в сеть осенью 2009 года [5].

В настоящее время в России успешно функционирует 10 атомных электростанций, в стадии планирования находятся еще 7 предприятий. Балаковская АЭС в свое время стала одним из градообразующих предприятий города Балаково наравне с такими как Саратовская ГЭС, Минеральные удобрения, Балаково Резино-Техника (население города составляет около 250 тыс. человек на сегодняшний день). Балаковская АЭС является одним из крупнейших в России производителей электроэнергии. Ежегодно она вырабатывает более 30 миллиардов кВт. час электроэнергии, обеспечивает пятую часть выработки всех атомных станций страны [6]. В настоящее время на атомной станции работает порядка 5 тысяч человек.

На строительстве Бушерской АЭС заняты 2 984 человек, из которых 1 937 человек (65%) – российские инженеры [7]. За последний пять лет на заработки в Иран уехало более 300 человек из Балаково. И эта цифра постоянно растет. Много это или мало – вопрос относительный. Наиболее важным моментом здесь, пожалуй, является тот факт, что уезжают высоко квалифицированные специалисты с большим стажем и опытом работы.

Из холодной зимы в бесконечное лето. Стать сотрудником Бушерской АЭС относительно легко. Как правило, о возможности туда улететь, балаковские инженеры узнают от своих бывших коллег, которые им сообщали, что имеется вакантное место. После этого, например, в АТЭК

отправлялось резюме. Наиболее строгие требования предъявлялись к образованию специалиста, а также физическому здоровью. На «родной» станции в «открытую» никогда не говорили о желании уехать и о том, что поданы на рассмотрение документы. Одним из негласных требований для устройства в Бушер было: привезти копии неких документов с Балаковской АЭС, в частности, методическую литературу.

Как правило, организация – подрядчик отправляет на заработки сразу группу сотрудников, оплачивая их перелет. Поэтому нередко уже уволившемуся с БАЭС специалисту приходилось по несколько месяцев ждать вызова. В Москве в день отлета подписывался контракт на 9, 11 или 13 месяцев. При прибытии на станцию, в отделе кадров, российским специалистам (большинство которых мужчины) рассказывают о культурных особенностях страны: о том, как нужно одеваться и как вести себя в публичных местах, как общаться с местным населением (выдается небольшой разговорник). Интересно, что и в поселке, в котором живут российские специалисты, действуют те же правила, что и на территории всей страны (например, носить европейскую одежду разрешается лишь после шести вечера, когда уходит иранский персонал; женщинам вообще не разрешается носить мини-юбки, шорты, майки). На территории поселка висят плакаты, демонстрирующие то, как должны выглядеть мужчина и женщина в Иране.

На заработки в Иран (а это, естественно, основная причина трудовой миграции), как правило, уезжают мужчины, иногда вместе со своей семьей, реже приезжают женщины. Прежде всего, это связано с тем, что женский труд оплачивается на порядок ниже, даже при условии выполнения аналогичной работы. По неофициальным источникам, за одного российского специалиста организация-«подрядчик» получает порядка 7 тысяч долларов в месяц. В это же время сам специалист в качестве оплаты труда получает лишь седьмую часть этих денег. Причем, постоянно присутствует задержка с выплатой.

В Иране российские специалисты живут в отдельном, закрытом для основного местного населения поселке – «Мавравир», что в переводе означает «Морская звезда». Территория поселка огорожена, вход осуществляется по пропускам. Помимо службы безопасности из российского населения формируются дружины, которые вечером «патрулируют» территорию.

Живут все специалисты в домиках, которые были построены еще немцами. По факту это огромные контейнеры, в которых перевозилось оборудование, но сейчас они переоборудованы, разделены на комнаты, к ним подведены коммуникации. Между собой русские называются их просто контейнерами или «Эрками», в зависимости от номера (R14, R20 и т.д.). Как правило, в домике живет по три человека. Но во время притока монтажников или иных специалистов, жителей в домике может стать и больше – до пяти человек. Причем, чтобы избежать подселения, «хозяева» идут на различные хитрости: например, уходят из домика, в то время, когда может прийти комендант.

В «Мавравире» имеется своя библиотека (книги, в которую были отданы российскими же специалистами. Такое «пожертвование» является одним из условий получения абонемента), спортивная площадка, столовая, танцплощадка, бассейн (с женскими и мужскими днями), а также магазин «Березка». В провинции Бушер есть православная церковь, в которую на Рождество и Пасху всегда прилетают представители российской патриархии. Помимо развлечений, предлагаемых в поселке, россияне имеют возможность организованно выезжать в Бушер, а также на экскурсии в различные районы страны (например, в исторически и культурно значимые места).

Так же имеется медпункт, который может оказать неотложную помощь. Но если у специалиста выявляется какое-то серьезное заболевание, то его на лечение отправляют в Бушер. Правда, там уже страховка не действует и оплачивается непосредственно российским гражданином. В связи с этим, русские стараются приезжать на заработки как можно более здоровыми (в частности, воспользоваться в России услугами стоматолога). Как отмечают работающие в Иране, местное руководство очень строго относится к заболевшим, при выявлении болезни очень часто расторгается контракт. Поэтому многие не сообщают о своих заболеваниях и обращаются к врачу только в крайнем случае. Несмотря на всю профилактику, витамины и фрукты, суровый по нашим меркам климат оказывает свое влияние на здоровье (в Иране очень высокая влажность, которая отступает лишь в период местной весны, которая сочетается с сильной жарой – летом до +40 в тени). Каждый год в поселке умирает несколько человек. Основная причина – сердечно-сосудистые заболевания. Несмотря на это, всякий раз это место занимает новый специалист.

В связи с тем, что достаточно много балаковских специалистов уезжают на заработки в Иран, в частности, среди их жен образуются достаточно сильные социальные связи. Так, большинству сообщается, что кто-то уезжает в Иран и согласится взять посылочку или, как говорят сами мужчины, гуманитарную помощь. Наиболее «ходовыми» и востребованными товарами среди уехавших являются черный хлеб (который не пекут в Иране), копченая колбаса (свинину там не едят, это мусульманская страна), маринованная селедка, а также черный кофе и шоколад. При этом существует негласное правило: посылка по весу не должна превышать 0,5 кг веса. Исключение делается лишь для близких друзей или соседей «по контейнеру». Приезд новых специалистов всегда воспринимается как долгожданное событие теми, кто живет в поселке. Автобус с вновь прибывшими всегда встречается, даже ночью. Устраивается праздник с застольем. Несмотря на объявленный в стране «сухой» закон, российские специалисты умудряются гнать самогон. Например, в огнетушителях (неизвестным мне образом, но такой факт имеет место быть). Правда, пойманные на этом, высылаются из страны, говорят, что без права последующего въезда.

Безусловно, все российские специалисты живут мыслью о возвращении домой. Для связи с родными имеется пункт переговоров, а также интернет. Что интересно, когда срок пребывания приближается к концу, дни начинают считать оставшимися сменами белья (которое меняет комендант каждый 2 недели).

В качестве выводов. На мой взгляд, российское правительство уделяет недостаточное внимание проблеме «утечке» российских высококвалифицированных специалистов за рубеж. Причем многие из них уезжают туда безвозвратно: одни остаются там жить, другие, ценой собственной жизни, поддерживают образ России как великой атомной державы.

Основной причиной трудовой миграции продолжает оставаться неудовлетворенность оплатой труда. В Иране балаковский специалист, занимая аналогичную должность, имеет возможность получать в четыре – пять раз больше, при этом эта сумма постоянно увеличивается. Таким образом, россияне готовы в ущерб своему общению с семьей, своему здоровью, своим привычкам и образу жизни, отправиться в неизвестную и чужую страну, лишь бы иметь возможность прокормить свою семью и обеспечить достойное образование и существование своим детям.

Библиография

1. Миграция // <http://www.norge-info.ru/em/>
 2. Партия «Единая Россия», опрос населения, 14.12.2006 // <http://bd.fom.ru/report/map/dd064924>
 3. Путин в прямом эфире, 02.11.2006, опрос населения // <http://bd.fom.ru/report/map/dd064322>
 4. «Обратная тяга», Newsweek в России // <http://www.runewsweek.ru/country/7270/>
 5. Бушерская АЭС //
- http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%AD%D0%A1_%D0%91%D1%83%D1%88%D0%B5%D1%80
6. Официальный сайт «концерна ОАО Росэнергоатом» // общая информация о станции // <http://balnpp.rosenergoatom.ru/rus/about/info/>
 7. На площадке АЭС «Бушер» продолжается этап пуско-наладочных работ, Атомстройэкспорт, 15.06.2009 //
- <http://www.atomstroyexport.ru/press/news/2009/06/item443.html>

Сарабьев Алексей Викторович
(ИВ РАН)

Российская диаспора в Ливане

Оценки численности современной русскоязычной диаспоры в Ливане разнятся, но по приблизительным подсчетам в Бейруте и других городах Ливана проживают 7-10 тыс. выходцев из России и бывшего СССР.

Еще в XIX – начале XX вв. район Горного Ливана и крупнейший порт сирийского побережья Бейрут привлекали русских паломников и путешественников. Именно благодаря паломничеству там в свое время начала формироваться русская диаспора. В Ливане подолгу жили

и изучали эту страну такие русские ученые-востоковеды, как А.Е. Крымский – в 1896–1898 гг., И.Ю. Крачковский – в 1908–1911 гг.

В основе своей Русская диаспора в Бейруте произошла от русских православных паломников, которые веками совершали пешие путешествия в Иерусалим и проходили через прибрежные ливанские города. Некоторые из них оставались как в Бейруте, так и в других районах на территории современного Ливана.

В 20-е гг. XX в. небольшая часть русских белогвардейцев, бежавших из Крыма через Константинополь, попали в Бейрут при помощи французской военной администрации. В Бейруте проживало в общей сложности около 3 тыс. белогвардейских офицеров, которые работали по всему Ливану в качестве топографов и геодезистов. Созданное ими *Топографическое общество* занималось составлением географических карт для французской армии, а затем и для французской мандатной администрации. Эти люди старались сохранять в своих семьях элементы русской культуры, а кроме того, находились в постоянном общении друг с другом. Известно, что в 30-е гг. русская община ежегодно устраивала в Бейруте т.н. Русский бал.

Среди русских эмигрантов-офицеров, бежавших от большевиков, была и семья Александра Серова, сына известного русского живописца Валентина Серова. Семья Серовых до сих пор живет в том же старинном здании, который они занимали в 40-е гг. – дом в западном районе Бейруте, в одном квартале от Американского университета. Григорий Серофф, внук Валентина Серова, преподает в Университете архитектуру и слывет известным в Бейруте живописцем-акварелистом. В прошлом году В.В. Путин вручил Г.А. Сероффу и его жене Флоранс (француженке по происхождению) медали за вклад в распространение русской культуры в Ливане. Рассуждая о своей национальной самоидентификации, Г.А. Серофф замечает: «Когда я приезжаю в Москву, я говорю, что за 80 лет жизни в Бейруте я на сто процентов остался русским, но и на сто процентов стал ливанцем».

В 1927 г. в Бейруте был основан приход РПЦЗ. Он имел свое помещение до 1960 г., затем здание было реквизировано, и церковь функционировала в частном доме. Вскоре по многим причинам приход был вынужден закрыться.

С течением времени число русских православных в Ливане стало достаточно велико, так что при наличии большого количества православных приходов Антиохийского патриархата, возникла необходимость учреждения прихода РПЦ, где службы велись бы не на арабском, а на церковно-славянском языке. Такая возможность представилась после относительной оттепели в религиозной политике сталинского правительства СССР сразу после Великой Отечественной войны.

Подворье Московского патриархата в Ливане было основано в мае 1946 г. после визита на Ближний Восток Патриарха Московского Алексия I (Симанского). Это решение было принято с

учетом горячего желания русских жителей ливанской столицы иметь свой православный храм. На канонической территории Антиохийского Патриархата – Бейрутской митрополии – для русского православного подворья был выделен правый придел во имя свт. Николая бейрутской Благовещенской церкви. Этот приход стал центром притяжения для русской православной общины – религиозным, духовным, и своего рода культурным центром, в котором отмечались не только церковные, но и другие памятные для русских православных в Бейруте даты.

Показательна судьба одной их старейших, но активных деятелей русской диаспоры в Ливане – Ирины Алексеевны Жабер, которая уже долгое время исполняет обязанности старосты прихода подворья Московского Патриархата в Ливане. В самом начале 30-х гг. ее семья с маленькой дочерью Ириной выехала из России. Несмотря на долгие годы жизни за рубежом, Ирина Алексеевна сохранила знание русского языка и любовь к России. Она является автором многих публикаций о судьбах русских в Ливане, активно участвует в мероприятиях российских соотечественников, которые проходят, в том числе, в *Российском центре науки и культуры в Бейруте*. Осенью 2009 г. Ирина Алексеевна Жабер отметила свой 80-й юбилей, с которым ее поздравили, среди прочих, сотрудники посольства РФ в Бейруте, представительства *Россотрудничества* в Ливане, члены *Ассоциации российских соотечественников*.

Известная ученая православного Баламандского университета в Ливане, историк и искусствовед с мировым именем, проф. Суад Слим до брака носила фамилию Абу аль-Рус. Ее дедушка был выходцем из России, в начале XX в. обосновавшийся в Ливане и женившийся на ливанке. Безусловно, сама уважаемая профессор не может считаться членом русской диаспоры, но ее случай наглядно демонстрирует т. с. механизм единичных иммиграций и давние тесные связи русских с Ливаном.

Еще один вид иммиграции русских в Ливане, имеющий свое начало еще в советской эпохе и активно развивающийся в настоящее время – т. н. иммиграция «русских жен». Большое число студентов и аспирантов из арабских стран, в частности, из Ливана, обучались и обучаются в военных и гражданских учебных заведениях Советского Союза (в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове-на-Дону, Харькове и др. городах), а теперь и России. Многие из них образуют российско-ливанские браки и с удовлетворением отмечают хорошие душевные качества, красоту и надежность своих русских жен. Нужно отметить, что сами ливанцы не акцентируют внимание на том, из России или из Украины происходит их избранница, и считают всех русскоязычных в Ливане русскими. При этом, зачастую не играет роли различие в вероисповеданиях мужа и жены. Иногда это происходит оттого, что жены принимают веру мужа-ливанца, а есть ряд случаев, когда муж (например, выходец из шиитской общины) является сторонником коммунистической идеи и не заботится о конфессиональном единстве семьи. «Русских жен» в Ливане объединяет созданный в Бейруте *Женский клуб*, который в настоящее время возглавляет Наталья Самаан.

Дети от смешанных браков нередко имеют двойное гражданство, и большинство из них может говорить по-русски. В основном, все из них изредка приезжают на историческую родину к своим родственникам и, в принципе, достаточно знакомы с русской культурой. Такие дети, как правило, обучаются в ливанских школах и колледжах, многие поступают в университеты – учитывается при этом обычно не религиозная принадлежность университета (к примеру, иезуитский Университет св. Иосифа, маронитский Университет Св. Духа, протестантский Американский университет в Бейруте и т.д.), а только качество и стоимость образования.

Проживают в Ливане и российские специалисты – строители, врачи, преподаватели, представители других профессий, работающие по контракту. Дети таких семей могут посещать как частные школы и колледжи, так и русскоязычные учебные заведения, создаваемые российскими государственными организациями.

В Бейруте при *Российском центре науки и культуры* существует русская школа для юных соотечественников, а также русскоязычных граждан ряда стран СНГ – Украины, Белоруссии и Казахстана, постоянно проживающих в Ливане. В школе обучается несколько десятков учеников разных возрастов, объединенных в пять классов. Кроме того, детские группы по изучению русского языка действуют при филиалах Центра в ливанских городах Триполи, Набатыйя и Баальбек.

По заказу *Правительственной комиссии по делам соотечественников* был издан комплект новых учебных пособий (а также словарей русского языка, аудиоматериалов, дидактических и методических пособий) – «Кабинет русского языка и литературы», который был передан в *Российский центр науки и культуры в Бейруте*.

Российский центр науки и культуры в Бейруте существует уже около 60 лет. Он представляет собой как образовательное, так и культурное учреждение: сейчас в ЦРНК располагаются классы школы русского языка, балетные классы, а также досуговый центр для представителей русской диаспоры. В отдельные трудные периоды войн и вспышек насилия в Ливане подвал здания был переоборудован и исполнял функции бомбоубежища. По словам директора ЦРНК, Мансура Хасанова, для укрепления своего влияния на Ближнем Востоке России необходимо уделять большее внимание информационным средствам, пропаганде русской культуры и литературы - переводить на арабский язык наиболее интересные новинки научной и художественной литературы, как это было в советскую эпоху.

В Ливане, как, к сожалению, и в ряде других стран, имеет место нелегальная иммиграция русскоязычного «живого товара». Этот факт в значительной степени подрывает имидж России, несмотря на то что большая часть этого потока молодых женщин – из Украины. Наносится колоссальный урон образу нашей страны в глазах ливанцев, и вообще арабов, зачастую сводятся на нет усилия по пропаганде в Ливане русской художественной и бытовой культуры. Пока еще

этот негативный феномен, как представляется, не дошел до «точки невозврата», однако, его масштабы и постоянство заставляют с тревогой глядеть в будущее российско-ливанских культурных отношений.

Для укрепления имиджа России и распространения русского языка и культуры в странах мира в 2008 г. по инициативе президента РФ было создано *Федеральное агентство Россотрудничество*, которое имеет свое представительство и в Бейруте. В подчинении Россотрудничества находится 72 культурных центра во многих странах мира. Работа нового агентства была высоко оценена и с прошлого года ее финансирование возросло примерно в полтора раза. По словам замглавы Агентства Михаила Кожохина, «Ближний Восток является одним из приоритетных геополитических регионов, в которых следует укреплять авторитет России. ...Ближний Восток традиционно входит в сферу интересов России. Огромное количество людей в Палестине, Ливане, Сирии и Иордании получили высшее образование в Советском Союзе – сейчас они занимают высокие посты в правительстве, бизнесе и науке. И они, и русские специалисты, проживающие в этом регионе, ждут укрепления российского присутствия на Ближнем Востоке».

Культурные центры ведут свою работу, опираясь на существующие русские диаспоры, учитывая особенности и потребности даже таких малоизвестных очагов русской культуры, как в Бейруте. Входящие в подчинение *Россотрудничества* культурные центры существуют и в Дамаске (около 500 чел.), и в Аммане (открыт два года назад).

В декабре 2009 г. за вклад в развитие русской культуры почетными грамотами *Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом РФ* были награждены три деятеля культуры русской диаспоры в Ливане: председатель *Ассоциации российских соотечественников* Вера Эдуардовна Джурди, руководитель хора приходской общины Русской православной церкви в Бейруте Вера Никитична Ганем и руководитель детской танцевальной школы при РЦНК в Бейруте Наталья Викторовна Семаан.

Во время визита ливанского президента М. Слеймана в Россию в феврале 2010 г. состоялась его встреча с патриархом Московским Кириллом. Обращаясь к президенту Ливана, патриарх в частности сказал: «Русские люди, живущие в Ливане, внесли свой вклад в становление государственности вашей страны, в систему образования и культуру Ливана. И сегодня в Ливане проживает большая русская диаспора, насчитывающая от семи до десяти тысяч человек». Патриарх Кирилл выразил благодарность муниципалитету Бейрута за решение о выделении участка земли для русского кладбища и выразил озабоченность проблемой растущей безработицы среди представителей русской диаспоры в Ливане.

На ноябрь 2010 г. была запланирована поездка патриарха Кирилла в Сирию и Ливан в рамках канонического визита в Антиохийский патриархат. В качестве одной из целей поездки

планируется подписание соглашений о развитии паломничества из России в Ливан, которое, по мнению патриарха, может существенно возрасти и составить до миллиона российских паломников в год.

Опара Оксана Борисовна
(Оклендский технический университет, Новая Зеландия)

Российская диаспора в Новой Зеландии

В докладе анализируются реальные возможности для изучения русской общины в стране. К сожалению, среди вопросов, содержащихся в заполняемых при переписи населения листах, отсутствует определение национальности, а ответы о месте рождения или о родном языке могут дать ошибочные сведения для идентификации человека, как принадлежащего к русским. Численность русской общины, таким образом, может быть указана с вероятной степенью погрешности.

Погадаев Виктор Александрович
(Университет Малайя, Куала-Лумпур)

Российская диаспора в Малайзии

Российская диаспора в Малайзии начала формироваться в 1990-е годы с появлением свободы выезда за границу из России. В настоящее время, по разным оценкам, ее численность составляет от 2 до 2,5 тыс. человек. Это главным образом жены российских и иностранных граждан, работающих в международных компаниях, жены малайзийских граждан (учившихся в России), российские бизнесмены и их семьи (в туристическом и газонефтяном бизнесе), ученые и преподаватели, работающие в местных вузах (русский язык, точные и естественные науки), спортивные тренеры. Практически все россияне сохраняют российское гражданство, ибо процесс получения малайзийского гражданства невероятно сложен, и к тому же Малайзия не признает двойного гражданства. Женщины-россиянки редко выходят замуж за малайцев, ибо это влечет за собой принятие ислама, и образуют семьи с местными китайцами или выходцами из Индии. Большую работу среди диаспоры ведет *Российский центр науки и культуры*, который организует встречи и празднования российских праздников, а также молебны с приглашением православных священников из Сингапура. Некоторые россияне регулярно посещают имеющуюся в Куала-Лумпуре православную сирийскую церковь. Представители диаспоры активно общаются друг с другом и через специальный сайт в Интернете «Русские в Малайзии».

Рудникова Елена Викторовна
(Институт истории, археологии и этнографии,
г. Владивосток, Дальневосточное отделение РАН)

Русские в Новой Зеландии: история присутствия

Тема является одной из самых малоизученных тем в историографии русского зарубежья. В докладе рассматриваются основные периоды российской миграции в Новую Зеландию и их содержание. Российские граждане были здесь уже среди первых европейских переселенцев. В 1845 г., всего через пять лет после официального объявления страны колонией Великобритании, статус ее постоянного жителя получил Иван Золотаревский, уроженец Смоленска. К 1914 г. в Новой Зеландии проживало уже не менее тысячи бывших россиян. Следующие две немногочисленные волны переселенцев были связаны с революцией 1917 г. (беженцы, солдаты и офицеры белой армии, "семиреченские казаки" и др.) и второй мировой войной (россияне, жившие в Европе после Октябрьской революции; "перемещенные лица" и др.). К 1956 г. в Новой Зеландии насчитывалось уже 740 человек – выходцев из России и СССР. Далее было два потока религиозных беженцев из Китая (1958 и 1965 гг.). В 1970–80-е гг. сюда переехали примерно 300 этнических евреев из Советского Союза. С начала 1990-х гг. начался постсоветский период эмиграции, в результате которого к настоящему времени в Новой Зеландии проживает на постоянной основе не менее пяти тысяч человек только этнических русских - бывших российских граждан.

Архипов Всеволод Яковлевич
(ИБ РАН)

Впечатления о русской диаспоре в Китае в 1950 г.

Впечатления о русской общине в Китае основаны на наблюдениях во время стажировки в 1950 г. в г. Тяньцзине. Хотя главным притяжением русской эмиграции в Китае был Харбин, большее количество русских проживало и в Тяньцзине, где они преимущественно были связаны с операциями по внешней торговле. Местные русские получили советские паспорта специального образца, не дающие им право беспрепятственного въезда в СССР. Некоторые люди особо патриотического настроения все же добивались права на въезд, но потом всякая связь с ними прерывалась. Многие русские в Тяньцзине были объединены в так называемый *Клуб советских граждан*. Генеральное консульство СССР курировало деятельность клуба. Частью его деятельности были культурные мероприятия. С местными русскими могли поддерживать контакты только уполномоченные на то сотрудники консульства, студенты же (их вместе со мной было шестеро), такими привилегиями, к сожалению, наделены не были.

Николай Рерих и русская диаспора в Харбине

В трагический этап своей судьбы известный художник и общественный деятель Николай Рерих, столкнувшись с военно-пропагандистской машиной Японии, был вынужден покинуть сначала Харбин, а потом и всю территорию Китая. 30-е гг. XX в. – годы оккупации японскими войсками территории Китая и установления тотального контроля над диаспоральными объединениями бывших подданных Российской империи. Николай Рерих невольно был втянут в противостояния групп российских эмигрантов, во время своей Второй Центрально-Азиатской экспедиции, которую он осуществлял при финансовой поддержке Министерства земледелия США. Японская пропагандистская машина надеялась использовать Николая Рериха в качестве лидера Восточной ветви российских эмигрантов, однако Рерих не захотел вступать в союз с фашистскими организациями, которые поддерживали японские оккупационные власти. Именно это несогласие послужило толчком для того, чтобы вся пресса, контролируемая японцами, обрушилась с резкой критикой и изобличениями в адрес Николая Рериха. Эхо от этих публикаций не только дошло до США и привело к финансовому краху американских организаций Н.К. Рериха, но и в наше время многие журналисты перепечатавают сфабрикованные японскими спецслужбами обвинения считая их подлинными.

Хохлов Александр Николаевич
(ИВ РАН)

Положение русских беженцев в Турции 1918–1919 гг. (по архивным материалам)

Положение русской эмиграции в Турции, где в 1920 г. осела значительная часть беженцев-россиян, покинувших родину после эвакуации российских войск под командой Врангеля из Крыма, рассмотрено на основе архивных данных. Показан противоречивый характер опубликованных сведений (в т. ч. в газетах) относительно численности российских эмигрантов – гражданских и военных лиц. Особенно интересным источником для раскрытия рассматриваемого сюжета оказался доклад бывшего обер-прокурора А.В. Карташева (1875–1960) «Впечатления о поездке в Галлиполи», прочитанный им 23 декабря 1921 г. на заседании Лондонского отдела Национального Союза.

Российская диаспора в Японии в конце 20-го – начале 21-го века.

Российская колония в Японии никогда не выделялась своей многочисленностью, особенно в сопоставлении с количеством проживавших здесь граждан других западных держав. Несмотря на то, что именно Россия, наряду с США, оказала в свое время наибольший дипломатический нажим на Японию извне (посольство Е.В. Путятин), результатом чего стало прекращение политики самоизоляции, которой эта страна придерживалась в течение более чем двух веков, формирование здесь сколько-нибудь заметной колонии россиян отодвинулось почти на полвека после заключения первого двустороннего договора (Симодский трактат, 1855). Достаточно сказать, что, например, в 1869 г. в Иокогаме, ставшей к тому времени главным торговым портом Японии, не только не было никаких дипломатических или торговых представительств Российской империи, но и не проживало постоянно ни одного российского подданного. Данная ситуация не изменилась и после открытия посольства России в Токио (с 1874 г. – Генеральное консульство; статус посольства получен в 1908 г.) и нескольких консульств в разных частях страны.

Размеры российской колонии стабильно сохранялись на уровне примерно 100 человек (включая дипломатов и членов их семей) вплоть до начала 1910-х годов, когда Первая мировая война и две революции 1917 г. резко изменили облик и классовый состав проживавших в Японии россиян. Уже в начале 1918 года в стране появились первые беженцы из Советской России, число которых неуклонно возрастало по мере того, как Белая армия отступала на восток под натиском «красных» частей. В начале 1920-х годов в Японии проживало более полутора тысяч «белых русских» эмигрантов (в то время в данную категорию местные власти обычно заносили практически всех уроженцев бывшей Российской империи поляков, евреев, татар, украинцев и т.д., не делая различий между ними и собственно этническими русскими); примерно столько их числилось и в дальнейшем, вплоть до конца Второй мировой войны. После восстановления дипломатических отношений с постреволюционной Россией (в 1925 г.) в Японию начинают прибывать представители СССР, и две России – старая и новая – какое-то время сосуществуют, правда при почти полном отсутствии между их гражданами прямых контактов, при этом численность русских эмигрантов временами «в разы» превышает количество «большевиков». В то же время, как указано выше, общее число «всех русских» (как это происходило с уроженцами Российской империи, отныне в категорию «русские» в Японии помещают всех граждан СССР независимо от национальности, в случае же эмигрантов применяется термин «лица без гражданства»), одновременно проживающих в стране, вплоть до начала в СССР «перестройки» (в 1985 г.) редко выходило за пределы двух-трех тысяч человек, и сколько-нибудь заметной роли во внутренней жизни Японии русская колония не играла. Уже с конца 1950-х годов настоящих

эмигрантов из России в Японии почти не осталось люди уходили из жизни в силу возрастных причин, кто-то уезжал в Австралию, США и другие страны, некоторые репатриировались в СССР.

В 1985 году в Японии советских граждан проживало 322 чел.; десять лет спустя эта цифра возросла почти в десять раз, а в 2004 г. Японию посетили примерно 30 тыс. граждан России, при этом количество проживавших здесь россиян (имеются в виду те, кто находился в стране не по туристической визе) достигло 6 734 чел. В данном случае речь идет только о гражданах Российской Федерации, без учета ставших по итогам распада СССР (в 1991 г.) отдельными государствами территорий бывшего Советского Союза. Тогда же, в 2004 г., российскую среднюю общеобразовательную школу при посольстве РФ в Токио регулярно посещали 215 детей (эти данные, в свою очередь, включают не только российских граждан, но также детей, чьи родители - один или оба - являются гражданами других государств, но при этом готовы платить за обучение по русской программе и на русском языке). В 1993 г. в Токио возник «Русский клуб», который сразу же обрел популярность среди выходцев из бывшего СССР. К этому времени уже было ясно, что распуск Советского Союза – не временное явление, и руководство молодых, а также вновь провозглашенных республик стало активно заботиться о подготовке национальных кадров. Этот процесс совпал со встречным стремлением японского руководства установить более тесные контакты с потенциальными партнерами и новыми соседями в Азии, результатом чего стало появление в Японии значительных групп молодежи из разных стран СНГ помимо России. При этом открытие новых посольств зачастую откладывалось на неопределенный срок, поэтому дипломатические представительства РФ нередко выполняли функции поддержки и помощи в решении тех или иных вопросов для граждан новых государств, а роль объединителя «по интересам» и координатора культурных программ играл «Русский клуб» в Токио. Впрочем, эта идиллия продолжалась недолго, ибо кроме ведомственных ограничений, регулирующих работу посольства, среди русских за границей центробежные силы традиционно преобладают над центростремительными, и вскоре единый «Русский клуб» распался на несколько самостоятельных клубов, каждый из которых имеет в настоящее время свой интернет-сайт, свои программы мероприятий (как правило, такие мероприятия проходят один раз в неделю/месяц, в заранее определенном месте, информация о котором заблаговременно вывешивается на сайте) и даже свои альтернативные школы для русскоязычных детей, либо курсы русского языка и отдельных предметов из программы начальной школы. Наиболее массовым мероприятием, нередко объединяющим представителей разных клубов, является детское празднование Нового года (проводится в последних числах декабря), сопровождаемое театрализованным представлением и костюмированным балом участников.

К концу первого десятилетия нового века российская диаспора в Японии перешагнула десятитысячный рубеж. Основными центрами концентрации россиян и выходцев из других стран

бывшего СССР, как и прежде, остаются район Большого Токио (примерно треть от общего числа); район Хокурику на побережье Японского моря, где традиционными местами проживания русских являются города Ниигата, Тояма, Канадзава, остров Хоккайдо (здесь «русскими» считаются города Саппоро и Хакодате – в последнем уже свыше десяти лет существует японский филиал Дальневосточного университета с полным курсом обучения и выдачей дипломов установленного государственного образца – случай уникальный среди российских вузов, так как речь идет не об учебе за границей российской «золотой молодежи», а о получении российского образования студентами из страны, традиционно предпочитавшей собственные учебные стандарты), и район Кансай, где ряд университетов в городах Киото, Осака, Окаяма заключили ещё в советские времена соглашения о научном и студенческом обмене с российскими вузами, что во многом определяет особенности возрастного и социального состава местной российской диаспоры.

Скоробогатых Наталья Сергеевна
(ИБ РАН)

Роль РПЦЗ в сохранении культурно-религиозного единства русской диаспоры в Австралии

История распространения православия в Австралии уходит корнями в XIX в., когда на территории континента появились сами носители этой религии. Первая литургия была отслужена в Сиднее в 1820 г. русским священником Дионисием, а в 1898 г. началось строительство первого православного храма в честь Св. Троицы для русских, греческих и арабских прихожан. Священников для постоянного пастырского служения в Сиднее и Мельбурне прислал Иерусалимский Патриархат [4].

В XX в. по мере постепенного становления общин развивалась и структура церковной организации, однако до второй мировой войны влияние православия в Австралийском Союзе (АС) было невелико и возросло лишь после массовых волн европейских иммигрантов по ее окончании. В результате за послевоенные десятилетия православное население увеличилось приблизительно в 70 раз, а в течение последних 30 лет православие по численности выросло в этой стране пропорционально больше, чем любая другая христианская деноминация. Большую часть православного населения составляют этнические общины греков, сербов, русских, каждая из которых имеет свои епархии. В настоящее время это Австралийская архиепископия Константинопольского патриархата (имеет 118 церквей и приходов и 7 монастырей), Австралийско-Новозеландская епархия Сербской православной церкви (38 церквей и приходов, 2 монастыря и 2 скита), Австралийская и Новозеландская епархия РПЦЗ (31 церковь и приход, 5 монастырей и 2 скита), архиепископия Австралии и Новой Зеландии Антиохийского патриархата (25 церквей и приходов и 1 женский монастырь). Кроме того, 7 приходов содержит Румынская православная церковь, 3 прихода – Русская православная церковь Московского патриархата (РПЦ

МП), 3 прихода - Болгарская православная церковь, 2 прихода – Православная церковь в Америке, 1 приход – Польская православная церковь. Итого в Австралии 228 православных церквей и приходов разных юрисдикции, 15 монастырей и 4 скита. Монастыри здесь небольшие: редко где число насельников превышает 2-3 чел., а общее количество монашествующих – около 50 чел.¹.

В АС имеются и общины русских старообрядцев. В интервью для русскоязычной газеты «Единение», издающейся с 1950 г. в АС, приехавший сюда в 2010 г. из России митрополит Корнилий выразил свою радость по поводу общения со старообрядческой общиной при Успенском храме в Сиднее, которую возглавляет прот. Тимофей Овчинников (подчиняется Румынской митрополии): «Несмотря на многие десятилетия и многие тысячи километров, отделяющие Австралию от России, прихожане сохранили горение веры, любовь к молитве, общение, церковное пение, наше, старообрядческое». Однако, как и в России, старообрядцы держатся по-прежнему особняком: «В службе нет мелочей. Нужно делать все так, как делали наши предки. Мы менять ничего не будем, как бы трудно ни было». Постепенно, но очень медленно преодолеваются былые разногласия с РПЦ: в 1971 году на Соборе РПЦ двоеперстие признано равноспасительным и отменены клятвы на дораскольские обряды. «Но инерция отчуждения сохраняется. А об объединении сейчас нет и речи... с обеих сторон созданы комиссии для участия в диалоге. Так что диалог начат, но сколько он продлится – сказать трудно» [5].

В последнем десятилетии XX в. доля приверженцев православия в АС оставалась примерно на одном уровне и была невелика по сравнению с другими христианскими деноминациями. По переписи 2001 г., в общей массе населения в АС католики составляли 26,4%, англикане – 20,5%, различные протестантские деноминации – 17,68%, православные – 2,82%, буддисты – 1,9%, мусульмане – 1,5%, прочие – 1,2%, неопределившиеся – 12,7%, неверующие – 15,3%. Численность православных в Австралии составляла 529,4 тыс. человек. Однако, по оценкам специалистов, реальное число их выше, поскольку далеко не все из православных иммигрантов приняли участие в переписи [4]. Среди православных численно преобладали греки – 263,7 тыс. чел., македонцы – 72 тыс. чел. и сербы – 49,2 тыс. чел. [15, p. 146].

Как следует из приведенных данных, РПЦЗ в АС – примерно третья по значимости из православных церквей в этой стране. История ее становления самым непосредственным образом связана с историей русской иммиграции в Австралию, ибо русские православные люди и привозили с собой свою религию, и строили свою жизнь, опираясь на веру отцов. Особую роль она играла для тех, кто был с детства воспитан в православной вере – для воцерковленных иммигрантов двух массовых волн: а) беженцев из советской России; б) перемещенных лиц из

¹ Есть еще приходы так называемой Македонской Православной Церкви и греческого старостильного «Синода Противостоящих» (туда ушла часть приходов Австралийской архиепископии Константинопольского Патриархата в результате раскола 1991 года), а также украинские приходы не совсем ясной юрисдикции.

Европы и из районов русского расселения в Манчжурии в период «культурной революции» в КНР, составивших костяк русской диаспоры в АС.

Все исследователи истории русской диаспоры в Австралии (А.Ю. Рудницкий, А.С. Петриковская, Г.И. Каневская, не говоря уже об авторах многочисленных публикаций, происходящих из среды русских австралийцев) подчеркивали весьма важную роль РПЦЗ в жизни эмигрантов из России, прибывших на Зеленый континент после Октябрьской революции. По сути дела, вольно или невольно сама церковная организация выполняла в АС целый ряд задач.

Самая первейшая, естественная и основная из них заключалась в духовном окормлении русских людей: сохранении православной веры, ее таинств и обрядов, воссоздании церковной жизни в новом окружении. Первые службы состоялись в Брисбене, - одном из наиболее крупных центров поселения русских, где в 1925 г. была построена первая русская церковь; их вел о. Александр Шабашев. До наших дней в Австралии с благоговением хранится память о недолгом служении одного из первых священников, приехавших в АС в 1924 г. о. Адриана Турчинского, который «завоевал уважение и любовь русской общины в Брисбене, где он выполнял на редкость двойную роль священника и фермера», помогая отцу Александру Шабашеву. Именно о. Адриан организовал первую русскую школу для детей при созданной им же церкви Казанской Божьей Матери в одном из пригородов Брисбена и сам учил их Закону Божию; а порой и подкармливал тех своих прихожан, которым трудно было обосноваться на новом месте, в буквальном смысле слова, окормляя их и духовно, и физически [9, июнь 1991, № 6, с. 7-8]. В 1936 г. здесь же был возведен первый на австралийской земле русский православный храм во имя св. Николая, который ныне внесен в список национального наследия Австралии. Спустя три года архимандрит А. Шлемин начал проводить богослужения в Сиднее, где с 1920-х гг. они совершались в помещении *Русского дома* [2, с. 221].

После второй мировой войны ситуация в РПЦЗ в АС была сложной. В результате установления коммунистических режимов в Восточной и Южной Европе, и затем и в ряде стран Азии нарушились связи с руководством в Белграде и в Пекине. Два существовавших на территории АС русских православных прихода временно вошли под покровительство греческого Митрополита Австралии и Новой Зеландии Тимофея. В 1948 г. в Австралии была учреждена епархия с присвоением возглавляющему ее священнику сана Епископа Сиднейского и Австралийского (правлящим архиереем стал еп. Феодор, в миру Александр Порфирьевич Рафальский). Впоследствии к ней была присоединена и паства Новой Зеландии, и общая епархия получила название Австралийско-Новозеландской. 30 января 1950 г. в Сиднее состоялся съезд духовенства, на котором было создано временное епархиальное управление. Возглавил новую епархию епископ Афанасий, прибывший в Австралию 12 июля того же года, в день памяти свв. апостолов Петра и Павла. В 1951 г. состоялась закладка Петропавловской церкви в Стратфилде –

одном из пригородов Сиднея. В 1953 г. храм был освящен и стал кафедральным собором епархии. Сюда же была перенесена и резиденция главы епархии [2, с. 221].

Ныне резиденция правящего архиерея располагается в Кройдоне (район Сиднея), где находится и новый храм во имя Всех Святых в земле российской просиявших. Всего в Сиднее и его пригородах насчитывается четыре храма, а в соседнем с ним Ньюкасле с 1951 г. существует Свято-Никольский приход. С 1964 г. община молится в новопостроенном храме, а до этого она ютилась в домовых церквях, а еще раньше – в англиканском храме.

Все обозреватели подчеркивали, что до 1948 г. русская православная паства в АС была очень малочисленной и в основном сосредотачивалась на востоке страны. В двух приходах - в Брисбене и в Сиднее – служили всего 4 священнослужителя. В помощь им вместе с перемещенными лицами, которых принимало австралийское правительство, приезжали и другие представители духовенства, начинавшие свое служение здесь, в лагерях для перемещенных лиц. С расселением русских по стране православные храмы и приходы появились во всех крупных городах. После установления в Китае власти коммунистов новые массы эмигрантов² стали создателями своих православных приходов на далеком материке. Общеизвестна роль послевоенной иммиграции как «эмиграции религиозной», «сыгравшей миссионерскую роль в утверждении церковности в своей среде» [3, с. 192]. Вслед за их расселением в 1950-х гг. православные храмы возникают и в более мелких населенных пунктах. Быстро росло и число клириков: в 1952 г. паству окормляли 2 архипастыря (правлящий и викарный) и 24 священнослужителя разного ранга.

Строительство храмов в те годы велось главным образом за счет самих прихожан и осложнялось порой отсутствием у них свободных средств. На помощь приходили активисты, устраивавшие благотворительные балы и спектакли, сборы от которых шли на создание церковных зданий. Проблем была масса: от материальной необеспеченности храмов и клира, быстрой ассимиляции русской молодежи, уходившей иногда от веры и культуры родителей, до споров внутри РПЦЗ в АС, ставивших ее порой на грань раскола [3, с. 162-163, 169-172, 179-181, 192].

В Австралии они получили весьма специфическое определение – «китайские русские».

Тем не менее, РПЦЗ удалось не просто выстоять, но занять достойное место в жизни страны в целом. В наши дни ее приходы и храмы можно найти практически во всех городах, где живут потомки русских иммигрантов 1920-х и 1950-х гг.: в Мельбурне с 1949 г. существует русская община, владеющая Покровским собором; в соседнем с ним городе Джилонг построен изящный храм в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость»; в Аделаиде в 1949 г. освящен храм во имя свт. Николая Чудотворца; в городе Перт первое богослужение пошло в день памяти св. апостолов Петра и Павла в 1950 г. В те же годы в административном центре

острова Тасмания городе Хобарте появился русский приход, хотя храм был сооружен только в 1964 г. К слову сказать, существующая здесь Крестовоздвиженская община выстояла благодаря покровительству англиканского епископа Крансвика, любезно разрешившего совершать православные богослужения во всех англиканских церквях штата [1].

В 1954 году в пригороде Брисбена Рокли на средства благочестивой семьи русских эмигрантов Шишковых была построена православная церковь в честь Владимирской иконы Божией Матери, действующая и поныне. Второй приход в Брисбене назван во имя прп. Серафима Саровского. Именно здесь яркий след в своем пастырском служении оставил один из столпов РПЦЗ о. Филарет (Г.Н. Вознесенский): в 1962 г. прибыв сюда из Харбина, в 1963 г. он стал епископом города Брисбена, а спустя год был избран главой РПЦЗ и приезжал в АС уже с пастырскими визитами. Последний пост он занимал до самой своей смерти в 1985 г. [7, с. 2-3].

В столице Австралии – Канберре в 1961 г. появился небольшой русский православный приход во имя св. Иоанна Предтечи [1]. Всего в 1986 году в АС действовали 24 русских православных храма, большинство из которых находились под патронатом архиепископа РПЦЗ. Главные храмы в Канберре и в Сиднее проводят богослужения еженедельно: в субботу и в воскресенье (литургия). При них действуют приходские школы, в которых занятия проходят по субботам в первой половине дня [16].

Пропаганда и разъяснение смысла православного вероучения стали одной из главных задач церковной периодики в Австралии. Так, в журнале *«Православная Русь»* прибывший в АС о. Ростислав Ган регулярно печатал свои статьи по литургике [7, с. 4-5]. Журнал *«Церковное Слово»*, издающийся в Сиднее с 1960 г., на своих страницах всегда публиковал как пастырские проповеди, так и статьи о сути диаконского служения, о проскомидии (приготовлении к литургии), о таинствах церкви, о смысле и правилах соблюдения поста, исповеди и т.п. [9, июнь 1991, № 6, с. 3-7, 14-17; март 1987, № 3, с. 2-4].

Постоянно ведется просветительская работа с верующими. Так, в начале 1991 г. в Сиднее при кафедральном соборе силами прихожан и священников были проведены семинары для лиц среднего и старшего возраста, темой которых стала вера и ее исповедания. С докладами выступали главным образом представители местного духовенства и приехавшие из СССР священнослужители РПЦЗ [9, январь 1991, № 1, с. 23-24].

В результате удалось сохранить православие как одну из основных составляющих уклада жизни русской диаспоры. Для верующих естественно соблюдение церковных праздников и соответствующих им традиций; при крещении имена даются по святцам даже в 3-м и 4-м поколениях русских иммигрантов, обязательны причастие по воскресеньям после литургии, венчание, отпевание по православному обряду. Интересно отметить, как со временем происходит наложение на православную и русскую основу местных новаций: замена новогодней елки на

австралийскую сосну; освящение винограда на Сретение (15 февраля – сезон его созревания в Австралии) и т.п.

Со временем для некоторых вера стала самой сутью жизни – появились первые монастыри. По времени создания Иоанно-Предтеченский скит в Кентлине (НЮУ), является одной из старейших православных обителей Австралии: в 1956 г. архиепископ Савва благословил иером. Димитрия (Обухова) основать здесь монастырь, определив ему в помощь трех послушников. Однако в 1959 г. отца Димитрия перевели на приход в г. Джилонг, двое послушников вернулись в мир, а третий целиком был занят трудами на свечном заводе, построенном рядом со скитом. В 1960 г. здесь поселился монах Гурий (Демидов), прибывший в Австралию как беженец из Харбина. Подражая житию древних отцов, он нашел пещеру недалеко от скита, где проводил много времени в отшельничестве. Эта пещера – место его духовных подвигов – ныне является местом паломничества. В 1988 г. по телесной немощи о. Гурий переселился в близлежащий монастырь «Новое Шамордино», а умер в 1992 г., в 98 лет. После его кончины жизнь в монастыре надолго замерла до прибытия сюда иером. Иоакима (Росса).

По соседству расположен монастырь в честь Казанской иконы Божией Матери «Новое Шамордино» в Кентлине, основанный в 1959 г. русскими монахинями, вынужденными покинуть Китай из-за репрессий пришедших там к власти коммунистов. В 1983 г. была построена новая Казанская церковь. В старой церкви совершает богослужения иеромонах Иоаким (Росс) из соседнего Иоанно-Предтеченского скита. Всего в обители 15 монахинь.

Свято-Преображенский мужской монастырь находится в том же штате, в Бомбале, в Снежных горах к югу от Канберры. В начале 80-х гг. его основал иером. Алексей (Розентул), уроженец Австралии (ныне архимандрит и настоятель монастыря), приехавший из Святой Земли, где он трудился несколько лет в Русской духовной миссии в Иерусалиме. Настоятель известен как хороший иконописец. Его монастырь украшен великолепно расписанным храмом в честь Преображения Господня, часовней в честь Рождества Пресвятой Богородицы, братскими корпусами, мастерскими и большой гостиницей. В настоящее время в обители живут шесть насельников. Одно из основных направлений служения монастыря – духовное окормление паломников. Престольный праздник всегда привлекает большое количество богомольцев, для которых после освящения плодов предлагается обильная трапеза на монастырском дворе [17].

В Австралийско-Новозеландской епархии к 2004 г. насчитывались 21 церковь, 2 мужских монастыря, 1 женская обитель, 6 православных общин, 3 часовни. То есть, она была одной из самых крупных в РПЦЗ епархий, продолжая играть весьма значительную роль в среде русской диаспоры.

Особо важным в условиях эмиграции аспектом деятельности РПЦЗ стали объединение людей и сохранение уничтожавшейся большевиками русской православной культуры, и в этом

процессе роль РПЦЗ была, пожалуй, решающей. В книге *«История русских в Австралии»*, подчеркивается: «Для малочисленной русской иммиграции, разбросанной по обширной территории Австралии, объединяющая роль РПЦ была исключительно важной. Перед духовенством стояла задача помочь своей пастве не только выжить, но и сохранить тот уровень духовности, который позволил бы иммигрантам остаться русскими православными людьми и сберечь свои традиции и обычаи». По инициативе духовенства при православных храмах создавались хоры, кружки, школы, сестричества, молодежные организации («витязи», скауты и др.), библиотеки, дома для престарелых, типографии, свечные заводы. Под руководством священников проводились съезды православной молодежи и певческие съезды. По словам одного из первоиерархов РПЦЗ, «где есть православный храм, там есть и Россия» [2, с. 221-222], а значит, усилиями ряда поколений русских иммигрантов и их потомков было сохранено слияние православия и дореволюционной русской культуры. Именно это до сих пор и отличает их от остальных австралийцев.

Объединение разбросанных по миру людей, сохранение их чувства национального самосознания было особо важным для изгнанных из отчизны людей. Уже упоминавшийся отец Адриан Турчинский и члены его семьи активно поддерживали все возможные связи с представителями русской культуры: у них гостила Анна Павлова, они покровительствовали художественным постановкам, дочери-музыкантши участвовали в концертах [9, июнь 1991, № 6, с. 8].

Священники активно участвовали в общественной жизни страны, являлись издателями журналов, участвовали в полемике, развернувшейся среди различных групп русской иммиграции в АС, пытаясь примирить порой мало сходные взгляды [13, р. 639, 641].

В 1930–1940-х гг. в Сиднее вел свою миссионерскую и просветительскую деятельность о. Иннокентий Серышев, издававший журналы на русском языке и считавший, что иммигранты обязаны изучать страны, куда их забросила судьба, и знакомить их жителей с русской культурой для будущего сближения народов ради сохранения мира на земле. Его культурно-просветительская деятельность была высоко оценена как его современниками, так и нынешними исследователями [10, с. 228-229; 11, с. 154-157].

Нужно отметить особое влияние на русскую диаспору в Австралии, которое оказала эмиграция из КНР рубежа 50-60-х гг. Дело в том, что русские в Китае лучше сохранили дореволюционные обычаи, чем это было в других местах рассеяния. Отчасти это объясняется тем, что там существовал большой контраст между русской православной культурой и местной китайской – буддийской и конфуцианской. Поэтому при их появлении в Австралии казалось, что как будто они приехали из России. Именно в их среде нашлось большое число людей, оказавших серьезное влияние на культурную жизнь континента в целом, в том числе и светских ученых,

которые не мыслили свою жизнь вне церкви и немало потрудились, чтобы сохранить культурные традиции России во всем их многообразии. Хотелось бы отметить имена математика и педагога П.И. Опарина, одного из организаторов Епархиальной библиотеки и благотворительного Братства Св. Креста; преподавателя русского языка П.А. Казакова, помогавшего в работе русских литературных кружков и обществ и одного из основателей журнала «Церковное Слово»; юриста и автора учебников и хрестоматий для преподавания русского языка М.А. Серебрякова, сотрудничавшего со многими газетами и журналами русской диаспоры в АС, а в 1947 г. избранного делегатом на Всезарубежный Собор РПЦЗ в Джорданвилле (США) [7, с. 14, 24, 25]. На страницах церковных изданий публиковались стихи русских поэтов из числа иммигрантов в АС, посвященные различным сюжетам русской церковной и государственной истории [9, июнь 1991, № 6, с. 3, 9-11; октябрь 1990, № 10, с. 2-3].

Важно подчеркнуть, что часто именно церковь становилась хранителем памяти русских в Австралии: в местах их захоронения поставлены часовни, при закрытии старых кладбищ местные администрации передают оставшиеся без присмотра памятники церковным общинам. Так, в г. Хобарт (Тасмания) возле православного храма стоит памятник с надписью «Раб Божий, Григорий Белавин, баталер корвета, болярин, сконч. 25 мая 1870 г.» [9, март 1987, № 3, с. 16].

В 1988 г. в Австралии прошли торжества, посвященные 1000-летию крещения Руси. По инициативе архиепископа Сиднейского и Новозеландского Феодосия в конце 1970-х гг. был создан Комитет по подготовке празднования этой даты. В результате усилий его членов и их преемников в 1988 г. во всех городах АС, где существовали на тот момент русские общины, были не только отслужены торжественные службы и молебны, но и проведены целые циклы докладов, концертов, выставок, конкурсов и торжественных банкетов, основным мотивом которых было значение православия для России и ее судеб [2, с. 234-256].

Благодаря всем этим людям, церковному руководству удалось не только сохранить главенствующую роль РПЦЗ в деле сохранения русской культуры среди своих прихожан, но и завоевать признание правительства АС, которое награждало священников РПЦЗ государственными наградами. Так, прот. Михаил Протопопов, благочинный штата Виктории, Тасмании, Канберры, Южной и Западной Австралии, стал первым русским, удостоенным королевой Елизаветой II *Ордена Австралии* за заслуги перед общественностью [12, с. 89-90]. Человек удивительной широты кругозора, педагог, юрист и богослов, он вел активную общественную деятельность, являясь главой множества организаций: от председательства в благотворительных обществах до членства в Беженском Комитете Епархии РПЦЗ и Австралийского Института по административным наукам [9, август 1991, № 8, с. 20-21].

Еще одной составляющей деятельности русского духовенства в АС в первые годы его служения стало моральное противостояние Советской власти. В 1927 г. после издания Декларации

митрополита Сергия о полной лояльности русского духовенства по отношению к Советской власти РПЦЗ провозгласила одной из своих задач «вести борьбу с богоборческим коммунизмом» [2, с. 221]. Роль митрополита Сергия и его сторонников до сих пор неоднозначно оценивались и оцениваются в церковной среде [8]. Но особенно возмущали беженцев из России явно лживые уверения советских властей о том, что в СССР никогда и никаких гонений не было. «Против этой вопиющей к небу клеветы всегда возвышала свой голос Русская Зарубежная Церковь», а также против «сотрудничества возглавителей Московской патриархии, сотрудничества рабского и безответного, с богоборческой советской властью», – говорил архиепископ Павел в Сиднее в 1991 г. [9, июнь 1991, № 6, с. 1].

Сам вопрос об отношении к СССР и признанной Вселенским патриархом Московской патриархии надолго стал причиной расхождений в рядах православных русских в АС. Внимательно следя за развитием событий на оставленной ими Родине, члены русской диаспоры активно отзывались на все события, происходившие там. Порой это приводило и к серьезным трудностям в работе храмов. Так, например, в годы войны службы в русском православном храме св. Николая в г. Брисбен совершались нерегулярно из-за того, что его настоятель прот. Валентин Антоньев был интернирован как антисоветчик австралийскими властями и возвратился только в 1944 г. [3, с. 162-163].

Публикации на тему российской истории и современности, письма прихожан из СССР, воспоминания мигрантов из Советской России помещались на страницах русской православной прессы [9, октябрь 1990, № 10, с. 15-16]. В воскресных школах преподавание велось далеко не по советским программам. При личной встрече в приходской школе Сиднея в 1991 г. одна из ее учителей достаточно резко спросила меня: «Что вы вообще можете знать о российской истории?». Отношение к советским гражданам было как минимум настороженное: в доме престарелых женщины относительно благожелательно, но с ужасом вспоминали свои случаи общения с властями СССР в 1930–1950-х гг., а один из постояльцев просто бросил: «Что, на белогвардейцев пришли посмотреть?»

Наученные собственным горьким опытом, люди пытались и хоть как-то воздействовать на советское руководство, чтобы помочь гонимым. Так, в 1980 г. они обратились к правительству М. Фрейзера с просьбой о защите о. Дмитрия Дудко, отца Глеба Якунина и других преследовавшихся в тот момент в СССР священнослужителей [2, с. 234]. По сути дела, окончилась эта борьба только с падением Советской власти в 1990-х гг. Впрочем, половинчатое, по мнению многих прихожан и клириков РПЦЗ, признание Московской Патриархией преступлений, совершенных в годы советской власти против верующих, а также ее компромиссная позиция по отношению к сергианству, вызывала озабоченность в австралийских православных приходах [9, июнь 1991, № 6, с. 11-13].

Возможно, именно такая принципиальность РПЦЗ стала причиной перехода в нее части священников из Московской Патриархии, продолжавших свое служение на территории СССР, несмотря на гонения, которым они подвергались за это со стороны властей и МП [9, январь 1991, № 1, с. 14-17]. Главной причиной такого решения, по словам протоиерея Льва Лебедева, была «невероятная, тотальная лживость, которой проникнуто в этой Патриархии все: образ служения и поведения епископата и большей части духовенства, их взаимоотношения, отношения к верующему народу, к власти имущим, наконец, к правде Божией» [9, август 1991, № 8, с. 3].

В начале XXI века произошел существенный перелом в отношениях между двумя русскими православными церквями. Участились паломнические поездки представителей РПЦЗ в Россию. В одной из псковских газет было опубликовано интервью с архиепископом Сиднейским и Австралийско-Новозеландским Илларионом, в 2004 г. посетившим святыни Псковской земли. Он был глубоко взволнован увиденным и отметил, что «в лицах молящихся было столько трепета и веры, что было понятно, что с тотальным неверием в России покончено» [6].

Принятый в 2007 г. *Акт о каноническом общении между РПЦЗ и Московским патриархатом* положил конец расколу и разногласиям между двумя ветвями русского православия. Однако на персональном уровне далеко не все прихожане РПЦЗ в Австралии восприняли этот шаг как положительный, и часть их не признала этого объединения.

Еще одним важным направлением деятельности РПЦЗ в Австралии стала благотворительность. В первую очередь усилия представителей русского духовенства были направлены на поддержку тех членов диаспоры, кто в силу обстоятельств оказался в трудном положении.

В штате Новый Южный Уэльс уже более шестидесяти лет существует благотворительное общество, цель которого – оказание помощи пожилым, одиноким, немощным, пенсионерам и нуждающимся в помощи людям, в основном, русского происхождения. Эта *Русская ассоциация помощи св. Сергия Радонежского* первоначально, в период своего создания в Кабраматте в 1945 г. называлась *Комитет помощи русским в Европе и Азии*. В 1957 г. она получила свое нынешнее название, в настоящее время в ее ведении находятся всевозможные виды служб по уходу за пожилыми и больными людьми. Общий патронаж осуществляет РПЦЗ, но приветствуется сотрудничество со священниками других деноминаций. Цели Ассоциации: создание домашней атмосферы для всех подопечных «с соблюдением религиозных праздников и других русских традиций и культуры»; обеспечение «качества их жизни на самом высоком уровне»; установление добрых отношений между пациентами и персоналом. Особенно это касается организации домов для престарелых, построенных после отъезда русских из Китая на средства прихожан при самом активном участии духовенства.

В 1955 г. в Мельбурне было создано *Русское благотворительное общество им. св. Иоанна Кронштадтского*, которое занималось обустройством жизни престарелых беженцев из коммунистического Китая. Возглавляемое высшими иерархами РПЦЗ в АС и работающими на добровольных началах членами правления, оно действует и в наши дни, практикуя регулярный сбор средств на нужды малоимущих членов диаспоры. Наряду с постоянной работой с местными властями и представителями правительства АС проводятся, например, благотворительные акции: так, в день памяти св. Иоанна Кронштадтского в ноябре 1990 г. в Данденонге (Мельбурн) был организован пикник с питанием для всех желающих. Собранные в этот день средства пошли на расширение больницы и старческого дома в Данденонге [9, январь 1991, № 1, с. 22-23]. Помимо ухода обитатели построенных там комплексов получают возможность жить в «атмосфере, отражающей русскую этническую этику»: они общаются на русском языке между собой и с обслуживающим персоналом, смотрят концерты и кинофильмы на русском языке, программы российского телевидения. Русская кухня к услугам всех ее любителей. Общество также проводит широкий круг программ, нацеленных на помощь людям, нуждающимся в уходе, но проживающих в своих домах. Специальные служащие Общества помогают также и вновь прибывшим иммигрантам из России устроиться на новом месте. При Обществе действует сеть клубов по интересам, библиотека и центры профессиональной подготовки для нужд Общества, изучения английского языка и компьютерной подготовки, информационное бюро. Ежемесячник «У нас» освещает все основные события жизни местной русской общины.

При женской обители «Новое Шамордино» в Кентлине основанное в начале 1960-х гг. *Братство Святого Креста* содержит русский православный поселок и дом для престарелых. Сначала здесь был открыт дом по уходу на 29 проживающих, оборудованный всем необходимым. В дополнение к нему в конце 60-х гг. организована деревня для пенсионеров, где в начале XXI в. существовало 59 блоков для проживания пожилых. Патронаж над этими учреждениями осуществляет монастырь Казанской иконы Божьей Матери.

Во всех этих начинаниях РПЦЗ выступала как инициатор и координатор работы по благотворительности и обеспечения социальных служб для русской общины в масштабе всей страны: в 1997 г. были создана *Федерация русских организаций социальной службы в Австралии*. В числе ее учредителей – диоцез РПЦЗ в Австралии и Новой Зеландии, Братство Святого Креста в НЮУ, Русское социальное общество св. Иоанна Кронштадтского, Русская ассоциация по помощи св. Сергия Радонежского в НЮУ, Русская добровольная ассоциация домов для престарелых в Квинсленде, Православная благотворительная ассоциация свв. Марфы и Марии в Западной Австралии.

Последняя из названных организаций это некоммерческая организация, основанная в 1994 г. в Перте прихожанами православного храма свв. Петра и Павла. Добровольцы,

сотрудничающие в ней, оказывают социо-экономическую и психологическую помощь больным и нуждающимся членам общества всех возрастов и религиозных убеждений, как давним эмигрантам, так и вновь прибывшим. Одно из подразделений по уходу за престарелыми используется как представителями русской, так и сербской общин и совместно с Ассоциацией курируется также сербским духовенством [17].

Благотворительные акции РПЦЗ неоднократно проводила в целях помощи бывшим соотечественникам. Так, в 1991 г. по призыву церкви были проведены акции сбора одежды для детей в России, в помощь пострадавшим от Чернобыльской катастрофы и другие. В Воззвании арх. Павла подчеркивалось, что изменения периода перестройки в СССР дали возможность «помочь духовному возрождению русских православных людей на территории России» и то, что «эта помощь предполагается быть постоянной» [9, июнь 1991, № 6, с. 23-24]. Впрочем, доклад на эту тему С.А. Прудкогляд, представленный на конференцию, позволяет мне, не раскрывая более данный сюжет, ограничиться констатацией огромной роли РПЦЗ в этой сфере деятельности русской общины.

С самой сутью общественного служения РПЦЗ неразрывно связано и воспитание молодежи. В процессе быстрой ассимиляции русских, наблюдаемой в третьем и следующих поколениях иммиграционных волн, сохранение православия в ее среде – неперемное условие продолжения существования самой РПЦЗ и русской диаспоры как таковой. Поэтому работе с подрастающим поколением уделяется особое внимание.

С 1955 г. действуют дружины русских скаутов [12, с. 90]. Под патронажем священников РПЦЗ проходит работа *Австралийского округа Витязей* – молодежной организации, воспитывающей молодежь в духе русских православных традиций. Для них созданы центры и лагеря в Голубых Горах, которые регулярно посещают их пастыри [9, март 1987, № 3, с. 16]. Так, духовниками австралийского отдела *Организации российских юных разведчиков* были прот. Михаил Протопопов и прот. Дмитрий Симонов – очень уважаемые в русской диаспоре люди [9, август 1991, № 8, с. 21, 22-24].

В штате Новый Южный Уэльс при спортивном центре в Брокен-Бэй для детей от семи лет и старше регулярно устраивается детский церковный лагерь. Существует также русская спортивная ассоциация, занимающаяся организацией всевозможных состязаний и строительством спорткомплексов. В настоящее время предполагается строительство Русского спортивного центра [1].

Второй по значимости проблемой является защита юношества, да порой и лиц старших поколений от вездесущих пороков человечества. При этом порой ситуация складывается достаточно напряженная, как, например, при обсуждении вопросов этики. 3 марта 2010 г. в Данденонге состоялось совещание духовенства южного округа Австралийской епархии, которое

возглавил прот. Михаил Протопопов. В начале программы состоялась презентация проекта для борьбы с алкоголем в русской общине Австралии, который представила его руководитель Ирина Васеленко от Русского этнического представительства в Мельбурне. Цель проекта донести до русской молодежи понятие о том, что чрезмерное употребление алкоголя опасно и как с этим бороться. Обсуждалась и роль молодежи в церковной жизни. Было решено привлекать больше молодежи к ответственным должностям в структуре приходов и повсеместно активизировать работу с подрастающим поколением, а также организовать весенний лагерь для подростков 8-15 лет с участием всех приходов благочиния.

Важным был и вопрос об укреплении дружбы между приходами. Все священники подчеркнули необходимость проводить престольные праздники при участии всех приходов. Они убеждены, что чем чаще миряне увидят соборное служение духовенства, тем больше это укрепит единодушие всего благочиния.

Если вопросы, касавшиеся внутриобщинной жизни, воспринимались без особых возражений, то проблемы, выходявшие за рамки диаспоры не всегда встречали столь единодушное одобрение. Священник Джеффри Харви от Антиохийской Церкви также принял участие в богослужении и выступил с докладом, в котором представил на обсуждение проект нового государственного закона, запрещающего любые формы осуждения (включая проповеди) людей с нетрадиционной половой ориентацией. Это означает фактически введение запрета и на чтение в храмах тех мест из Священного писания, где эта тема поднимается. Прот. Михаил Протопопов, являясь членом комиссии при премьер-министре штата Виктория по межрелигиозным вопросам, собирался поднять протест от имени всех православных церквей, указывая, что по учению Церкви «нужно любить грешника, но не давать повод к распространению греха» [17]. Такой подход в условиях пока никем не отмененной политкорректности может поставить РПЦЗ в нелегкое положение, если учесть тот факт, что Сидней, например, в конце XX века был признан мировой столицей секс-меньшинств.

Особое место в социальном служении РПЦЗ занимает ее миссионерская деятельность, включающая как распространение православия, так и борьбу с искажениями христианства (в частности, с сектантством), а также споры с католиками (особенно при попытках последних развивать пропаганду своих взглядов среди православных) [9, июнь 1991, № 6, с. 11-13].

Зачастую эта сторона деятельности пересекала границы АС. Насколько было возможно, предпринимались попытки миссионерства в СССР: в ответ на многочисленные жалобы советских верующих о нехватке православных книг на страницах журнала «Церковное слово» неоднократно помещались просьбы к читателям пожертвовать на посылку духовной литературы в Россию. Там же публиковались и письма из Советского Союза с благодарностью за присланные книги религиозного содержания [9, октябрь 1990, № 10, с. 16; август 1991, № 8, с. 18-20].

Но главные усилия сосредоточены, конечно, на работе среди своей паствы, и в этих усилиях объединяются силы всех православных конфессий. В 1979 г. была организована *Конференция канонических православных церквей Австралии* (ССОСА), которая позволяет представителям разных православных юрисдикции вместе решать общие вопросы церковной жизни на Австралийском континенте. В стране действуют православные школы и высшие учебные духовные заведения, издательства, общественные центры, выходят книги о православии, а также периодика (например, журнал «*The Voice of Orthodoxy*»), существуют православные радиопередачи, созываются конференции. В Мельбурне работает *Институт православно-христианских исследований*, в котором учатся студенты разных юрисдикций. В некоторых храмах есть святыни, иногда сообщается о чудесах, происходящих по молитвам верующих у чтимых икон. Однако, по словам одной из активных участниц этого процесса м. Феодоры (Хатчинсон), «что касается распространения православия в Австралии, то мы сейчас находимся в самом начале пути» [4].

Все крупные христианские церкви в большей или меньшей степени предпринимают усилия по распространению своей веры на континенте, однако нельзя сказать, что они приносят значительные плоды. Достаточно отметить, что в первой половине 1990-х гг. число прихожан в англиканских и пресвитерианских церквях сократилось почти на 3 и 8 %; на их фоне динамика роста числа православных в АС в последние десятилетия очень стабильна. В 1991–1996 годах их численность возросла на 4,7%, что сравнимо с другими христианскими деноминациями и несопоставимо с ростом численности буддистов (42,9%), индуистов (54,4%) и мусульман (36,2%) [14, р. 108]. Те же тенденции наблюдались и во второй половине последнего десятилетия XX века: среди христиан росло число католиков (на 4%), баптистов (на 5%), православных (на 6,5-7%). Но гораздо быстрее увеличивалось число буддистов (на 79%), индуистов (на 42%) и мусульман (на 40%) [14, с. 144-145]. В определенной мере эти цифры отражают главные тенденции в иммиграционной политике страны; но и доля миссионерских усилий православного духовенства здесь тоже играет свою роль.

Присутствие Православной церкви в Австралии заставляет задуматься некоторых представителей западных конфессий о возвращении к древним истокам. Большой кризис переживает англиканская церковь в связи с введением женского священства (включая епископов), рукоположением открытых гомосексуалистов и появлением других новшеств. Все это отвращает взгляд традиционалистов от англиканства и обращает их к Православной церкви. Результатом стало появление в АС новых обителей РПЦЗ, основанных пришедшими в православие австралийцами и представителями других конфессий. Так, именно усилиями новообращенных возродилась жизнь в Иоанно-Предтеченском скиту в Кентлине. Недостроенное здание скита пустовало более десяти лет, пока в 1999 г. сюда не пришел иеромонах Иоаким (Росс)

– православный австралиец, восстановивший там монашескую жизнь и начавший миссию среди соотечественников. Он, в частности, издавал православный журнал на английском языке «*The Voice*» и планировал завершить строительство скита, начатое еще при отце Гурии.

Судьба основанного в 1995 г. в Южной Австралии монастыря во имя пророка Илии складывалась непросто: с 1998 по 2003 гг. он находился в юрисдикции Антиохийской митрополии, в 2004 г. вернулся в РПЦЗ. В наши дни монастырь совершает пастырское служение для Православной миссии в Мельбурне, его настоятелем является иеромонах Вениамин (Форбс). В обители сейчас подвизается два иеромонаха, и одна монахиня – в миссии. Все они – обратившиеся в православие австралийцы [17].

Единственный православный монастырь св. Петрока на о. Тасмания основан в 1992 г. в городе Хобарт прибывшим из Англии о. Михаилом (Мэнсбридж-Вуд) и назван в честь святого подвижника VI в., родившегося в Уэльсе. Изначально это был католический монастырь, но в 1997 г. его основатель, о. Михаил, перешел в православие и был принят в Австралийскую епархию РПЦЗ. Монастырь ведет миссионерскую работу, цель которой – привлечение к православию людей англо-саксо-кельтского происхождения. Для этого, в частности, совершаются богослужения «по западному обряду», с использованием древних литургических текстов, созданных на Западе до его отпадения от православия. Обитель устроила несколько миссий на острове и часовню при Университете Тасмании, где служит о. Баррий (Джеффрис). Издается специальный журнал, посвященный православию западного обряда. Во всех перечисленных обителях богослужения совершаются на английском языке.

Два англиканских священника Михаил и Баррий, знакомясь с православным вероучением, с его историей и практикой, пришли к выводу, что только в православии находится полнота истины. Принятие в православие бывших англиканских священников состоялось в августе 1997 г., а над о. Михаилом к тому же был совершен монашеский постриг. Новообращенные, став клириками РПЦ, вели миссионерскую работу, особенно среди тех христиан, которые отошли от англиканства, но не знали о духовном богатстве православия. В доме о. Михаила создана скромная монашеская община, посвященная св. Патрику Ирландскому, которая занимается миссионерской деятельностью [1].

Однако, несмотря на то что наряду с австралийцами англосаксонского происхождения, перешедшими в православие из англиканства или баптизма, есть даже примеры обращения аборигенов и появились особые миссионерские приходы, ориентированные на австралийцев, число новообращенных пока невелико.

О. Джеф (Харви), до своего прихода в православие 20 лет служивший англиканским пастором, считает, что одна из серьезных причин того, что православие так и не стало частью австралийской культуры – замкнутость национальных общин и богослужение на национальных

языках, непонятных австралийцам. Из-за этого для них оказалась закрыта возможность понять красоту литургии: «Если вы хотите посетить греческую православную службу на английском языке, вам проще будет лететь в Афины: греки проводят такие службы там, но не в Австралии». Поэтому, по мнению многих, в Австралии многими православие воспринимается как сугубо этническая форма христианства, что также не способствует миссии.

Впрочем, не следует забывать и о факторах иного порядка. Так, архиепископ Илларион в одном из интервью предположил, что большому успеху миссии препятствует высокий уровень жизни общества, способствующий секуляризации и самодостаточности многих австралийцев. С оценками владыки Иллариона согласен и священник Александр Фильчаков, отметивший, что «во многом это от сложившейся жизни и ментальности: здесь все сводится к потреблению материальных благ и расслаблению. Проблем практически не возникает. В Австралии можно не работать и при этом хорошо жить, получая пособие плюс льготы. И проблема миссии не в английском языке. У католиков и англикан все служится на английском, а храмы почти пустые» [4].

Современное положение русской диаспоры в Австралии диктует новые условия литургической жизни. Это, в частности, касается перехода к богослужению на английском языке. Особенно это актуально в тех местах, где проживает много потомков мигрантов первой волны, а также сербов, македонцев, болгар, румын, австралийцев, которые ходят в русские храмы, но не понимают русского языка. Поэтому постепенно приходится переходить на английский. В русских православных монастырях уже сейчас, как правило, богослужение совершается на английском и церковнославянском языках. Что же касается замены церковнославянского языка русским, то такой проблемы в Австралии вообще не существует: подобного требования никто не выдвигал и не выдвигает [1].

Но, несмотря на существующие трудности, руководство РПЦЗ ожидает, что миссионерские усилия, прилагаемые пастырями и паствой самой быстрорастущей на континенте христианской конфессии, в будущем принесут обильные плоды.

Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что роль РПЦЗ оказалась гораздо большей, чем чисто религиозного института одной из живущих в АС этнических групп. Русское православное духовенство, не оставляя трудов по помощи нуждающимся соотечественникам, сохраняет не только религиозные, но и культурные традиции русских людей, поддерживает тесные контакты с другими славянскими диаспорами в АС и привлекает к православию всех, кто ищет традиционных христианских ценностей. Для представителей двух первых массовых волн русской иммиграции в АС можно уверенно сказать, что роль РПЦЗ приобрела ярко выраженный характер одного из этнообразующих элементов в жизни русской диаспоры на пятом континенте. В условиях неизбежного процесса ассимиляции среди потомков первых мигрантов

послереволюционных волн именно принадлежность к РПЦЗ стала основной отличительной чертой их этнической принадлежности. До наших дней православные приходы для воцерковленных слоев русских общин – центры их объединения и сплочения.

В этом плане напрашивается некая параллель с историей Русского Православия в целом. В допетровской Руси церковь выступала по отношению к государству как независимый духовно-нравственный и этнокультурный институт. С начала XVIII века и до падения советского строя она была превращена в часть государственного аппарата, практически лишившуюся былого авторитета среди верующих. Однако в странах русского рассеяния, в Австралии, в частности, к ней вернулась та исконная роль, которая и составляет суть пастырского служения, – роль самостоятельной духовной силы, которая признана как ее прихожанами, так и государственной властью.

Библиография

1. *Владимир Голубцов*. Православная Церковь в Австралии // <http://ricolor.Org/rz/avstralia/mp/2/>
2. История русских в Австралии. Т. 1. Сидней, 2004.
3. *Каневская Г.И.* «Я бездомный, но зато на воле...». Австралийские перемещенные лица в Австралии (1947–1954 гг.). Владивосток, 2005.
4. Православие в Австралии // <http://www.pravoslavie.ru/put/070118140118.htm>.
5. Продолжение диалога. Интервью с главой русской православной старообрядческой церкви митрополитом Корнилием, посетившим Австралию // <http://www.russkiymir.ru/publications>
6. Псковская Правда, 28.07.2004.
7. Русские харбинцы в Австралии. Сидней, 1998.
8. Церковный Вестник, 2010, № 8 (429).
9. Церковное Слово, март 1987, № 3; октябрь 1990, № 10; январь 1991, № 1; июнь 1991, № 6; август 1991, № 8
10. *Петриковская А.С.* Культура Австралии XIX–XX вв. М., 2007.
11. *Петриковская А.С.* Российское эхо в культуре Австралии. М., 2002.
12. GEO, 1998, № 7.
13. The Australian People. An Encyclopedia of the Nation, Its People and Their Origins. Ed. by Jupp J. Cambridge, 2001.
14. Year Book 2002 Australia. № 84, Canberra, 2002.
15. Year Book 2003 Australia. № 85, Canberra, 2003.
16. <http://www.orthodoxy.org.au/images/churchbig.jpg>.
17. <http://www.rocor.org.au>.

Тимофеева Оксана Эдуардовна
(Иркутский госуниверситет)

Советские специалисты во Вьетнаме в 1965–1975 гг.: вклад в победу вьетнамского народа и участие в послевоенном развитии страны

В сентябре 1945 г. мир узнал о провозглашении независимого государства в Юго-Восточной Азии – Демократической Республики Вьетнам. Тогда же Временное правительство ДРВ опубликовало коммюнике, в котором перечислило основные внешнеполитические

приоритеты только что родившегося государства. Его лидер Хо Ши Мин кратко, но достаточно емко охарактеризовал внешнеполитический курс ДРВ: «Побольше друзей, поменьше врагов». В коммюнике также говорилось о том, что «Вьетнам будет поддерживать отношения дружбы и искреннего сотрудничества со всеми великими державами и странами антигитлеровской коалиции» [2, с. 72]. В свете событий, впоследствии имевших место в отношениях Вьетнама и зарубежных стран, этот внешнеполитический курс кажется наивным, поскольку великие державы не просто не установили с ДРВ дружеских отношений: они развернули против республики агрессивные войны. Сначала, в 1946 г., во Вьетнам вторглась французская армия, в неокOLONиалистских планах которой было воссоздание Французского Индокитая. А 8 марта 1965 г. в порту Дананг высадились американские морские пехотинцы, целью которых было сдерживание коммунизма, недопущение его проникновения в ЮВ и другие страны региона. Американская армия обрушила на ДРВ всю мощь своего сверхсовременного оружия. Но что могла противопоставить им северовьетнамская армия? ВС США превосходили вьетнамские по всем показателям, за исключением одного – численности армии. Здесь преимущество было на стороне обороняющейся стороны. Однако на вооружении у этой армии были лишь малоэффективные зенитные орудия да пулеметы, в то время как Соединенные Штаты перебросили в Индокитай значительное число единиц бронетехники и военных судов. Во вьетнамском небе действовала доблестная американская авиация на «Фантомах» и «летающих крепостях» – бомбардировщиках Б-52. Силы были явно не равны, и именно тогда Ханой и обратился за помощью к Москве.

О помощи Советского Союза ДРВ до сих пор ходят легенды. Некоторые специалисты, например, вьетнамский генерал Чан Ван Куанг, утверждают, что помощь СССР ограничивалась поставками в СВ военной техники и проведением инструктажа по пользованию этой техникой. *«В вопросы стратегического и дипломатического характера, – рассказывал Чан Ван Куанг, – а также в выработку плана ведения войны советские специалисты (в отличие от американцев в их отношениях с РВ) не вмешивались»* [5, с. 2]. Но американская сторона была уверена, что ее солдат под каждым деревом в джунглях поджидали русские снайперы. В свое время даже была знаменита военная песня о событиях тех лет – «Мой «Фантом», в которой американский летчик требует показать ему «того русского, что сбил его». Никаких русских американцам, разумеется, не демонстрировали, однако и эта версия не лишена оснований [5, с. 2].

Итак, СССР решил откликнуться на призыв руководства КПВ об оказании помощи борющемуся народу республики, тем самым показав себя решительным союзником ДРВ. В 1961 г., одновременно с началом политики Дж. Кеннеди по наращиванию присутствия США в ЮВ, в северную часть страны стали прибывать советские военные специалисты. С июля 1965-го по декабрь 1974 гг. во Вьетнам было направлено 6359 советских генералов и офицеров, всего же за период войны в стране работали 24 тыс. военных и 15 тыс. гражданских специалистов из СССР

[1, с. 51]. В 1965 г. в Северный Вьетнам прибыл председатель Совмина А.Н. Косыгин. На совместной советско-вьетнамской конференции было принято решение об оказании Вьетнаму материальной помощи, а также решение о создании Группы советских военных специалистов по разным типам войск. Любопытно, что советским офицерам порой даже не сообщали, куда их отправляют. Говорили лишь, что нужно «ехать в командировку в южную страну с тропическим климатом, где идут военные действия», но отечественные специалисты и без этих намеков понимали, что отправляются во Вьетнам – одну из «горячих точек» тех лет [5, с. 2].

СССР, кстати, и прежде оказывал военную помощь южновьетнамским партизанам трофейным немецким оружием. Но теперь, когда речь шла уже о прямом нападении американцев на независимую республику Вьетнам, было принято решение о привлечении к вьетнамскому конфликту высокотехнологичного советского вооружения. За годы Вьетнамской войны Москва поставила в ДРВ всю систему ПВО страны, истребительную авиацию и артиллерию [4, с. 34]. Так была открыта новая страница противостояния советского и американского оружия, которым характеризовался продолжительный отрезок истории, именуемый «холодной войной».

Помимо программы поставок вооружений, советскими специалистами была развернута и широкая программа по подготовке вьетнамских военных к работе с советской военной техникой. Обучение вьетнамцев осуществлялось по принципу «делай, как я»; это в первую очередь объяснялось сроками, в которые необходимо было подготовить вьетнамских специалистов. Но поначалу военные действия велись силами советских сокращенных расчетов, а вьетнамцы выполняли функции дублеров. Как отмечают участники Группы советских специалистов, этот факт поначалу отталкивал вьетнамцев – истовых борцов, делал их менее сговорчивыми. Вьетнамские воины жаждали боя и огорчались, если им не удавалось сбить ни одного вражеского «Фантома». Тем не менее, вьетнамцы быстро учились у советских товарищей и вскоре смогли заменить их на всех позициях [5, с. 2]. Отечественные специалисты искренне восхищались силой духа вьетнамцев, их стремлению учиться у советских товарищей. «Вьетнамский народ очень трудолюбивый, очень терпеливый народ; ведь в условиях войны жить так скромно, как они [вьетнамцы] жили, едва ли кто-то сможет», – отмечал Г. Белов, руководитель Группы военных специалистов СССР во Вьетнаме. Советские военные также отмечали, что «люди во Вьетнаме совершенно другие»: «во-первых, вояки до мозга костей; во-вторых, исключительно добросовестные люди». Вьетнамцы желали в кратчайшие сроки обучиться всем премудростям ведения боя с применением советского оружия. Для этого они вставали рано утром, без завтрака, и сразу же брались за занятия. Вьетнамцы принимали пищу всего 2 раза в день. Потом в течение всего дня брали уроки военного мастерства у советских офицеров, а после их ухода вновь самостоятельно тренировались. Сумасшедшая самоотдача, страстное желание изгнать захватчиков со своих земель стали в итоге определяющими в победе вьетнамского народа. За годы эскалации, а

после и «вьетнамизации» войны в небе над ДРВ был сбит 4 181 американский самолет (включая бомбардировщики Б-52 и др.). Через Вьетнам прошли десятки тысяч советских военных специалистов, а потери были ничтожно малы, во многом благодаря тому, что вьетнамские солдаты воевали самоотверженно и в пылу сражения не боялись прикрывать советских офицеров, даже ценой собственной жизни. Этот пример показывает, насколько высоко вьетнамцы ценили помощь, оказываемую им Советами. Но на достижении победы советско-вьетнамский тандем, однако, не остановился: мало было добиться независимости - необходимо было восстановить страну после трех подряд разрушительных интервенций! В действительности, роль СССР в экономическом и технологическом развитии трудно недооценить. Например, до 1991 г. подавляющая часть секторов тяжелой промышленности и электроэнергетики были построены при непосредственном участии советских специалистов, не говоря уже об общем объеме инвестиций и высоких технологий, привнесенных Советским Союзом в экономику Вьетнама [1, с. 51]. Активная инвестиционная и инновационная политика СССР в отношении Вьетнама начала 80-х гг. дала старт 52-м экономическим проектам, которые осуществляются во Вьетнаме и по сей день, когда уже не существует государства под названием «Советский Союз». Силами советских инженеров, строителей и других специалистов было построено 5 учебных заведений (в том числе Ханойский политехнический институт), 12 объектов энергетики, 4 – горной промышленности, 13 предприятий машиностроения и металлообработки и более 50 объектов химической, нефтяной и пищевой промышленности, объектов сельского хозяйства, транспорта и связи [1, с. 51]. Не будет излишне нескромным подчеркнуть, что приток советских инвестиций, внедрение новейших технологий и строительство предприятий в промышленной сфере заложили основу вьетнамской экономики, и практически все, чем пользуются вьетнамцы сегодня, было создано именно в те годы при помощи СССР. Экономическое, научно-техническое и гуманитарное сотрудничество между Вьетнамом и современной Россией продолжается и по сей день, однако в настоящее время приоритетной сферой сотрудничества все же можно назвать сферу энергетики. Еще при непосредственном участии СССР во Вьетнаме было построено несколько нефтедобывающих предприятий, главным из которых является «Вьетсовпетро». Это крупнейшее совместное российско-вьетнамское предприятие, учрежденное межправительственным соглашением 1981 г. о сотрудничестве в геологической разведке и добыче нефти на континентальном шельфе южной части страны. Соглашение это действует вплоть до 2010 г., а это значит, что в нынешнем году сторонам предстоит встретиться и обсудить условия дальнейшего сотрудничества. Соучредителями предприятия являются 2 компании: российская – РВО «Зарубежнефть» и вьетнамская – Государственная компания «Петровьетнам». Компания «Вьетсовпетро» располагается в г. Вунгтау и имеет всю необходимую для разработок геофизическую и ремонтно-восстановительную базу [3, с. 29]. В период с 1986 г. и по сей день усилиями предприятия было

добыто свыше 90 млн. тонн нефти. Таким образом, «Вьетсовпетро» является одной из основ российско-вьетнамского экономического сотрудничества [4, с. 34]. Именно наличием такого крупного совместного предприятия и объясняется изменение миграционной ситуации в отношениях двух стран: если миграция из Вьетнама в Россию остается преимущественно трудовой и образовательной, то из России в индокитайское государство прибывают в основном бизнесмены, нефтяники и техники, специализирующиеся на ремонте нефтегазового оборудования.

Таким образом, оказание Советским Союзом всесторонней (экономической, военно-технической и даже моральной) помощи борющемуся Вьетнаму в годы Второй войны Соппротивления послужило началом укрепления советско-вьетнамского сотрудничества во всех сферах деятельности. Более того, можно сказать, что отклик Советского Союза на трагедию Вьетнама, его помощь стране, борющейся с одной из двух мировых сверхдержав, обладающей огромной военной и экономической мощью, чьи ресурсы ведения войны были практически неисчерпаемы, – все это заложило надежный фундамент советско-вьетнамской дружбы, и именно на этом фундаменте отношения Вьетнама и нашей страны основываются до сих пор.

Библиография

1. Миграция между Россией и Вьетнамом: история, современные тенденции и роль в социально-экономическом развитии стран. Материалы международной научно-практической конференции / под ред. Д. Рязанцева / ИСПИ РАН, РУДН. М.: МАКС Пресс. 236 с.
2. *Огнетов И.А.* Признание ДРВ / И.А. Огнетов // Восток: Африканско-азиатские о-ва: история и современность. № 3, 2004, с. 69-84
3. *Поляков А.* Россия-Вьетнам: от стратегического интереса к стратегическому партнерству / А. Поляков, В. Климов // Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 3, с. 19-30
4. *Потапов А.* Старый друг – надежный друг // Азия и Африка сегодня. 2002, № 7, с. 31-35
5. *Тимофеева О.* Американская агрессия во Вьетнаме: преступление и наказание // <http://revolution.allbest.ru/international/00058614.html>

Антошин Алексей Валерьевич
(Уральский государственный университет)

Политические объединения российских эмигрантов в Австралии в период «холодной войны»

История русских в Австралии уже неоднократно становилась предметом специального изучения. Однако, наряду с теми аспектами, которые давно привлекают внимание исследователей, существуют и достаточно слабо изученные сюжеты. К их числу относится и политическая история российской диаспоры в Австралии в эпоху «холодной войны». В данной небольшой статье автор ставит своей задачей освещение лишь основных проблем, связанных с этой весьма сложной и многогранной темой.

Как известно, именно после Второй мировой войны повышается значимость Австралии как центра Российского зарубежья. На далекий континент отправляются как новые эмигранты «второй

волны», так и некоторые из тех, кто, проведя 1930-е – начало 1940-х гг. в Китае, вынужден был покинуть страну после прихода к власти КПК. Так, Е.И. Софронова в своих мемуарах отмечала, что большинство представителей российской диаспоры в Синьцзяне были поставлены перед выбором: эмиграция в Бразилию или в Австралию. Было известно, что в Бразилии «жизнь тогда была трудной». Первоначально Австралия так же не была привлекательной, так как многие считали, что «жить на каком-то островке не совсем бы их устраивало» [16, с. 210]. Однако в условиях, когда отсутствовала реальная альтернатива, значительная часть иммигрировала в Австралию через Гонконг. Известно также, что Австралия в 1947–1954 гг. приняла около 170 тыс. «ди-пи» из Европы [19, с. 65].

Естественно, что для большинства новых иммигрантов на первом плане находилась проблема адаптации к условиям жизни на «пятом континенте». Первые годы были заняты борьбой за выживание, поисками приемлемой работы, устройством семьи на новом месте. Об этом ярко свидетельствуют многочисленные мемуары иммигрантов [14, с. 143-155; 15, с. 144-203]. Силы на то, чтобы заниматься эмигрантской политикой, оставались у очень немногих. К тому же некорректным, на наш взгляд, является и представление о том, что вся эмиграция была настроена антисоветски. Плен, угон на работы в Германию и другие трагические страницы Второй мировой войны обусловили тот факт, что за пределами своей Родины оказались и некоторые из тех советских граждан, кто не имел четкого антикоммунистического мировоззрения. Источники свидетельствуют, что в Австралии, как и в других центрах Российского зарубежья, выделялись два лагеря, находившихся в состоянии ожесточенного политического противоборства, своеобразной «холодной войны», которая расколола не только мир, но и российские диаспоры на разных континентах. Неслучайно в 1962 г. группа эмигрантов в Австралии обратилась к русской колонии с призывом бойкотировать просоветски настроенных товарищей: «В нашей среде нашлись люди, которые обманули австралийское правительство, прибыв сюда не только с советскими паспортами, но и внутренне оставаясь «советскими», для чего они, установив связь с советским посольством в Канберре, пролонгируют свои советские паспорта и даже афишируют свое советское нутро» [10].

Наиболее активны в эту эпоху были антисоветские эмигрантские организации. На правом фланге традиционно находились монархисты. В кругах российских монархистов после Второй мировой войны достаточно влиятельной была концепция «народной монархии», у истоков которой стоял известный монархический публицист И.Л. Солоневич. Его последователи стремились подчеркнуть необходимость обновления российского монархизма, невозможность реставрации политической и социально-экономической системы дореволюционной России, важность в современных условиях поиска новых духовных основ для монархической идеи. Среди структур, созданных сторонниками И.Л. Солоневича, было Российское народно-монархическое

движение (РНМД), которое поддерживало великого князя Владимира Кирилловича, воспринимавшегося частью монархической эмиграции как законный наследник Российского престола, глава Дома Романовых. Организации РНМД функционировали и в Австралии. Монархические объединения, ориентированные на Владимира Кирилловича, существовали в 1960-е гг. в Джилонге, Нью-Кэстле, Брисбене, Аделаиде, Мельбурне, Ярвуне [9]. О поддержке Владимира Кирилловича многими российскими монархистами в Австралии свидетельствуют и материалы периодического издания «Русская правда», издававшегося в Мельбурне в 1960-е гг. [11].

Говоря об организационной структуре российского монархизма, следует указать на монархические настроения значительной части российского офицерства. Многие лидеры военной эмиграции одновременно входили и в состав руководства монархических объединений. Например, начальник Австралийского округа Корпуса императорской армии и флота капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин являлся заместителем председателя Общемонархического объединения в Австралии. Одновременно лидер объединения полковник А.Н. Стафиевский был членом Корпуса [8].

Особое место среди политических организаций российской эмиграции в годы «холодной войны», безусловно, занимал Народно-трудовой союз (НТС). В годы Второй мировой войны лидеры НТС были тесно связаны с РОА генерала Власова, работали в германских учреждениях на оккупированных территориях, разделив с нацистами ответственность за оккупационную политику в СССР. В условиях начавшейся «холодной войны» у них появились возможности для активизации антисоветской деятельности. Усилению деятельности Австралийского отдела Союза способствовал приезд из Европы в конце 1940-х гг. группы известных солидаристов (О.В. Перекрестов, Ю.К. Амосов, В.П. Комаров). С 1950 г. они стали издавать здесь еженедельник «Единение». История деятельности членов НТС в Австралии подробно освещена в монографии Г.И. Каневской [20]. Исследовательница отмечает, что самой крупной по численности после войны была мельбурнская группа НТС, значительные организации существовали в Брисбене и Сиднее. Что же касается Перта и Аделаиды, то здесь жили лишь отдельные солидаристы. Особую роль среди деятелей НТС в Австралии играл С.А. Зезин (1909–1998), оставшийся председателем Австралийского отдела НТС до конца своих дней.

При этом следует учесть, что наибольшие возможности для ведения антисоветской деятельности в те годы существовали в Европе, прежде всего в Германии, где Запад и Восток непосредственно соприкасались между собой (что было особенно заметно во время Берлинского кризиса 1948–1949 гг.). Это приводило к тому, что в печати НТС Европа получила название «фронт», а остальные регионы именовались «тылом», что порождало различную психологию, противоречия между деятелями НТС на разных континентах. Австралия, естественно, была «тылом». В 1950 г. руководство Германского отдела НТС заявляло, что рост численности

организации в Австралии был вызван ее «психологическим удобством»: «там уже нет сомнений, что это тыл» [7]. Естественно, такое фактически прямое обвинение в стремлении уйти от опасностей «холодной войны» не могло не вызвать ответной реакции, негативного отношения к «европейцам» у деятелей Австралийского отдела НТС. Все это создавало противоречия и привело к расколу НТС в 1950-е гг.

Деятельность НТС в Австралии в 1960–1970-е гг. обстоятельно изложена в упомянутой выше работе Г. И. Каневской, при этом нельзя не упомянуть, что исследовательница привлекла и материалы своего богатого личного архива, в частности, переписку с Н.И. Коваленко, его очерк истории НТС в Мельбурне и т.д. [20, с. 224-227]. НТС в те годы пытался установить тесные контакты с представителями развивавшегося в Советском Союзе диссидентского движения. Некоторые из советских инакомыслящих в результате оказывались за рубежом, и включались в борьбу российской эмиграции против существовавшего в СССР политического режима. Особое место среди них занимал Е. Вагин – один из руководителей Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН). Привлеченные нами документы из Архива Научно-исследовательского института Радио «Свободная Европа» – Радио «Свобода», хранящиеся в Будапеште, показывают, что точка зрения Е. Вагина часто отличалась от высказываний многих диссидентов, ориентировавшихся на идеалы западной демократии. Е. Вагин в интервью западным СМИ указывал, что в советских лагерях происходил «религиозный ренессанс», который проявлялся в активизации и православных, и католиков, и протестантов [1]. Неслучайно, поэтому, что многие газеты и журналы, издававшиеся представителями «старой» эмиграции, уделяли освещению взглядов Е. Вагина особое внимание. Так, заявления Е.А. Вагина в защиту советского инакомыслящего И.В. Огурцова печатались в парижской «Русской мысли» [13]. Большое внимание уделял Е. Вагину и НТС. Издававшийся Народно-трудовым Союзом журнал «Вольное слово», например, публиковал материалы об истории ВСХСОН и суде над ним [12]. А в 1978 г. по приглашению Австралийского отдела НТС Е. Вагин прибыл в Австралию. В 1979–1980 гг. Австралию по приглашению солидаристов посетили такие известные писатели «третьей волны» советской эмиграции, как В. Максимов и В. Некрасов.

Особое место в политической палитре Российского зарубежья играли объединения бывших власовцев. Наиболее крупным из них являлся Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР). Всплеск его активности пришелся на конец 1940-х – начало 1950-х гг. Не случайно в это период выходили журнал «За Родину» (1949, 4 номера), «Информационный листок» Австралийского отдела СБОНР (1954, 4 номера) и др. В Сиднее в середине 1950-х гг. издавался журнал «Богатыри», который СБОНР выпускал совместно с Австралийским отделом Союза воинов освободительного движения (СВОД), другой власовской структуры. На страницах этих изданий пропагандировались антисоветские идеи, отстаивалась непримиримость по отношению к

коммунистам [3-5]. Впрочем, анализ публикаций в журнале «Богатыри» показывает, что на его страницах выражалось отрицательное отношение к иностранной интервенции как методу ликвидации коммунистического режима в СССР. Критикуя, как и вся антикоммунистическая эмиграция, советскую политику «мирного сосуществования», публицисты сиднейского журнала вместе с тем подчеркивали: «Коммунизм в войне победить нельзя. Единственный путь к предотвращению атомной войны – революционное свержение коммунистической диктатуры» [4, с. 5]. Таким образом, многие эмигранты осознавали недостаточность только военных методов борьбы с существовавшим в СССР политическим режимом. Кроме того, внимательно следя за ситуацией в странах Юго-Восточной Азии, проживавшие в Австралии эмигранты не могли не видеть того, что успехи коммунистической пропаганды в этом регионе зачастую были связаны с нерешенностью социальных проблем во многих странах. На это обращал внимание, в частности, известный публицист «Единения» и «Богатырей» Б. Домогацкий, отмечавший, что Малайя и Индокитай стали «очагами коммунистического брожения» не случайно. Такая ситуация явилась результатом «вековой антinationальной корыстной политики держав, владевших этими государствами... Нужно иметь мужество это признать и найти общий язык с народами цветных рас» [3, с. 9].

Однако постепенно происходило снижение активности СБОНР. Многие бывшие власовцы отходили от политики, занятые заботами о своем материальном благополучии. Начался процесс распада отдельных местных организаций СБОНР, выхода из них некоторых членов. Это касалось и Австралийского отдела СБОНР. Нельзя не отметить тот факт, что в 1960-е гг. в состав Австралийского отдела Союза входили такие известные власовцы, как походный атаман казачьих войск власовской армии генерал-майор И.Н. Кононов и полковник И.К. Сахаров. Биографии обоих обстоятельно проанализированы известным исследователем истории РОА К.М. Александровым. Приведенные им высказывания известных эмигрантов-антикоммунистов показывают, насколько неоднозначно относились к И.Н. Кононову в зарубежье. Отторжение у многих вызывало поведение руководимых им частей в годы войны, нередко отличавшихся «жестоким расправой с партизанами, безобразным отношением к местному населению, у которого казаки отбирали все, что им попадалось на глаза, грабя кладовые, а то и карманы» [18, с. 505]. Начальник 2-го отдела Русского общевойскового союза (РОВС) полковник Е.В. Кравченко в личном письме генерал-майору А.А. фон Лампе в 1954 г. характеризовал Кононова как «отвратительного типа, к сожалению, генерал-майора» [18, с. 510]. И.Н. Кононов прибыл в Австралию в 1953 г. Поселился в штате Южная Австралия, жил в Аделаиде. С 1964 г. являлся членом Австралийского отдела СБОНР.

Не менее яркой и известной была личность И.К. Сахарова – полковника власовской армии. Он являлся сыном известного деятеля Белого движения К.В. Сахарова. Выбрав карьеру военного,

Сахаров-младший в первой половине 1930-х гг. служил в армиях Аргентины, Уругвая и Китая. Наибольшую известность получило его участие в Гражданской войне в Испании на стороне Ф. Франко. Какое-то время И.К. Сахаров даже командовал у франкистов батальоном, стал членом Фаланги. В годы Великой Отечественной войны активно сотрудничал с сотрудниками штаба группы армий «Центр», участвовал в операциях Абвера. После войны в начале 1950-х гг. И.К. Сахаров также переехал в Австралию, в середине 1960-х гг. жил в Брисбене.

Сравнение реконструированных К.М. Александровым биографий И.Н. Кононова и И.К. Сахарова позволяет сделать любопытное наблюдение: выясняется, что оба они погибли в автомобильных катастрофах при невыясненных обстоятельствах [18, с. 500, 743].

Безусловно, советские пропагандисты стремились преуменьшить влияние антикоммунистических организаций. Однако, на наш взгляд, следует прислушаться к словам заместителя председателя Комитета по связям с соотечественниками за рубежом К. Никитова, отмечавшего, что к началу 1970-х гг. в Австралии «пять или шесть» членов СБОНР «не без труда» вели борьбу за сохранение своей организации [17, с. 129]. Эта оценка, на наш взгляд, верно отражает основную тенденцию – постепенное затухание деятельности объединения бывших власовцев в Австралии на протяжении послевоенного периода.

Тем не менее, в 1970-е гг. продолжали проводиться некоторые мероприятия СБОНР. В 1977 г. прошел очередной, Восьмой съезд Союза. Сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации материалы показывают, что в итоге в работе съезда смогли принять участие 39 делегатов, представлявших, в том числе, и организации в Австралии. На съезде прозвучали оценки состояния крупнейшей власовской организации во второй половине 1970-х гг. Даже сами лидеры Союза не могли не признавать, что по сравнению с 1950-ми гг. организация численно уменьшилась [2, л. 16]. Заявлялось, например, что деятельность Австралийского отдела сдерживалась большими расстояниями между группами и «трудностью личных встреч», а также нехваткой видных деятелей Союза в этом регионе. Основная работа происходила в Мельбурне, другими центрами были Сидней, Брисбен и Перт [2, л. 18]. В 1982 г. Австралийский отдел СБОНР был представлен на Девятом съезде Союза, однако вскоре после этого форума организация окончательно распалась [6, с. 1].

Таким образом, несмотря на удаленность Австралии от основных «фронтов» холодной войны, здесь существовали филиалы ведущих эмигрантских антисоветских организаций, которые пытались активизировать пропаганду своих идей среди проживавших в стране россиян.

Библиография

1. Open Society Archives (HU OSA). 300\80\7. Box 63. Folder «Е.А. Вагин».
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10015, оп. 1, д. 912.
3. Додогацкий Б. На темы дня // Богатыри (Сидней). 1955. № 1.

4. Богатыри. 1955. № 2.
5. Богатыри. 1955. № 3.
6. Борьба (Лондон, Онтарио). 1982. № 183-186.
7. За Россию (Франкфурт-на-Майне). 1950. № 2.
8. Знамя России (Нью-Йорк). 1963. № 230.
9. Наша страна (Буэнос-Айрес). 1969. 29 июля; 1970. 1 сентября.
10. Наше время (Сан-Франциско). 1962. 25 августа.
11. Русская правда (Мельбурн). 1964. № 5.
12. Вольное слово. Франкфурт-на-Майне. 1976, № 22, с. 5-108.
13. Русская мысль. Париж, 1979. 4 января.
14. Дичбалис С. Зигзаги судьбы. Воспоминания. М., 2003.
15. История русских в Австралии. Сидней, 2004. Т. 1.
16. Софронова Е.И. Где ты, моя Родина? М., 1999.
17. Герэн А. Коммандос «холодной войны». М., 1972.
18. Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. М., 2009.
19. Леперваниш М., де. Иммиграция в Австралию в 1947–1979 гг. // Советская этнография. 1981. № 4.
20. Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX – вторая половина 80-х гг.). Владивосток, 2010.

Массов Александр Яковлевич
(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)

Деятельность русских нештатных консулов по защите подданных Российской империи на начальном этапе формирования российской диаспоры в Австралии (1857–1894 гг.)

Вторая половина XIX в. стала временем бурного развития английских переселенческих колоний в Австралии. Открытие золота в 1851 г. и последовавшая затем «золотая лихорадка» привели к быстрому росту численности населения пятого континента, стали мощным стимулом развития экономики переселенческих колоний. Начинают вызревать политические процессы, которые в конечном итоге приведут к объединению отдельных колоний в федерацию и созданию в 1901 г. Австралийского Союза. Стремительное социально-экономическое и политическое развитие австралийских переселенческих колоний побуждает иностранные государства со все более пристальным вниманием следить за положением дел в Австралии. Во весь рост также встает задача обеспечить защиту своих граждан, ставших новыми иммигрантами и пополнивших население пятого континента. В столицах большинства австралийских переселенческих колоний учреждаются иностранные консульства. Не стала исключением в этом отношении и Россия. Решение об учреждении русских внештатных консульств в Мельбурне и Сиднее (столицах колоний Виктория и Новый Южный Уэльс) было принято в конце 1856 г., и уже в марте 1857 г. были назначены первые русские консулы [1, л. 1-2об., 7-7об.]. Ими стали местные коммерсанты Дж. Деймион в Мельбурне и Э.М. Поль в Сиднее. С 1857 по 1875 г. они являлись нештатными вице-консулами, затем – нештатными консулами России в Виктории и Новом Южном Уэльсе. Дж. Деймион занимал свой пост до начала 1894 г., Э.М. Поль – до 1913 г. Выбор, сделанный

русским министерством иностранных дел при назначении первых российских консулов в Австралии, оказался очень удачным. И Дж. Деймион, и Э.М. Поль отличались честностью и добросовестностью, оба хорошо относились к России. Дж. Деймион при этом мог говорить, читать и писать по-русски. В молодости он занимался предпринимательской деятельностью в России, где специально изучал русский язык. С этой целью он поселился на несколько месяцев в деревне «на хлеба» к священнику, преподававшему русский язык иностранцам [13, с. 482].

Для русских нештатных консулов забота об оказавшихся в Австралии российских подданных стала одним из главных направлений их деятельности. К середине XIX в. в Австралии было уже довольно много русских или, точнее сказать, выходцев из России. В 1863 г. побывавший со своим кораблем в Австралии мичман российского корвета «Богатырь» П.С. Муханов отмечал, что «в Мельбурне трудно пройти по улице, не встретив кого-нибудь, говорящего по-русски», и указывал, что в городе «довольно много» поляков, немцев и евреев из западных российских губерний [9, л. 63]. И если первоначально выходцы из Российской империи попадали в Австралию в числе британских каторжников – как например встреченные русскими моряками в Хобарте в 1823 г. Иван Потоцкий (Джон Патаски) и еще трое лиц, говоривших по-русски [8, с. 65-66; 6, с. 3-7], то во второй половине XIX в. выходцы из России пополняли, в основном, ряды золотоискателей. Вспомним в этой связи вошедшую в австралийский фольклор легенду (несомненно, имеющую под собой реальные основания) о некоем Русском Джеке – старателе на приисках Западной Австралии, работавшем там в 80-е гг. XIX в. [14]. Среди выходцев из России было немало дезертиров, бежавших с русских кораблей – как торговых, так и военных, заходивших в порты пятого континента. Причины бегства были различны. Чаще всего моряки-дезертиры стремились попасть на золотые прииски, соблазненные надеждой на быстрое обогащение и ослепленные блеском жизни в австралийских портовых городах. На это обстоятельство в 1971 г. обращал внимание командир клипера «Гайдамак» капитан-лейтенант М.Е. Колтовский, сообщая об исчезновении с клипера унтер-офицера Ларионова и матросов Белицкого и Брагина. [10, л. 514об.-515; 11, л. 51]. Многие среди оказавшихся в Австралии русских принадлежали к людям авантюрного склада или к тем, кого обычно называют «перекати поле» (подробнее о выходцах из России, оказавшихся в Австралии во второй половине XIX в., см. [15, с. 116-141; 16, с. 54-80]).

Следует подчеркнуть, что почти до самого конца XIX в. появление русских в Австралии не было следствием сколько-нибудь целенаправленной эмиграции в эту страну, а являлось, скорее, конечным итогом жизненных передраг и приключений. Однако это, происходившее пока достаточно спонтанно, но уже заметное увеличение количества российских подданных в австралийских колониях, можно расценивать как начало формирования российской диаспоры в

Австралии. В целом в австралийских переселенческих колониях по переписи 1891 г. насчитывался 2881 эмигрант из России [2, л. 34].

Работа с русскими подданными, которую проводили российские нештатные консулы, была многообразна. Консулы продлевали паспорта и выдавали новые документы взамен утраченных. В 1863 г., например, с просьбой восстановить российский паспорт к Дж. Деймиону обратился российский подданный армянин по национальности Аредян (в архивном документе на английском языке его фамилия передается как Aredoan). В том же году о продлении российского паспорта консула просил некто В. Кноп [4, л. 27, 28]. Консулы выступали посредниками в установлении контактов россиян, оказавшихся в Австралии с теми или иными русскими государственными учреждениями (см., например, переписку о предоставлении права на въезд в Россию проживавшему в Австралии российскому подданному поляку Ю. Вагнеру в 1859 г. [3, л. 4]). Участвовали консульские представители России и в розыске людей. Так по просьбе, поступившей от Императорского российского консульства в Лондоне, Дж. Деймион участвовал в поиске некоего Пелиховского, видимо, одного из золотоискателей, который в итоге нашелся в Новой Зеландии. «Эти люди, – жаловался в этой связи Дж. Деймион, – не имеют постоянного места жительства, и их подчас очень нелегко найти» [4, л. 12]. Не редки были случаи, когда консулы должны были выправлять бумаги, связанные со смертью россиян (дело о смерти в 1859 г. моряка-финна и русского подданного Ф. Энберга, члена команды одного из торговых судов, находившихся в Австралии [3, л. 19 и сл.]). Дж. Деймион, писавший, как уже отмечалось, по-русски, помогал в подготовке писем в Россию. В 1863 г., например, он написал и отправил по консульским каналам письмо в Архангельскую губернию для отца некоего И. Шорина. Этот Шорин оказался в Австралии после 12 лет скитаний по разным странам и, как с удивлением отмечает русский консул, уже изрядно подзабыл свой родной язык [4, л. 45].

Особой заботой консулов было участие в поимке дезертиров и определении их дальнейшей судьбы. В 1863 г. русскому консульскому представительству пришлось вызволять из сиднейской тюрьмы и помочь в отправке в Россию О. Антонова, осужденного на три месяца за квартирную кражу. Этот бывший военный моряк дезертировал с корвета «Гридень» еще в 1857 г. во время посещения русским кораблем Южной Африки. В Австралию О. Антонов попал в 1860 г., успев побывать до этого в Англии и Америке. Дезертиром с торгового судна являлся и В. Артемов, уроженец Саратовской губернии, который обратился за помощью в российское консульство в Мельбурне в 1867 г. [4, л. 22-24, 44-44об.; 5, л. 189об.]. Не без помощи консулов были возвращены на корабль беглецы с клипера «Гайдамак» уже упоминавшиеся унтер-офицер Ларионов и матросы Белицкий и Брагин [10, л. 514об.-515; 11, л. 51].

Живейшее участие в своих делах находили со стороны российских нештатных консулов в Мельбурне и Сиднее приезжавшие в Австралию русские путешественники, специалисты, ученые.

Так, в 1881 г. Дж. Деймион помог русскому писателю-путешественнику Э.Р. Циммерману посетить парламент Виктории и тюрьму в Мельбурне [13, с. 482-485]. Демократические институты власти, успешно работавшие в Австралийских переселенческих колониях, всегда вызывали пристальный интерес россиян. Это же относится и к пенитенциарным учреждениям: по понятным причинам тема содержания заключенных и каторжников всегда очень интересовала русских. С благодарностью отзывался о помощи Дж. Деймиона русский горный инженер М.А. Шостак, побывавший в Австралии в служебной командировке в 1884 г. [12, л. 49об.]. Консул в Сиднее Э. Поль поддерживал дружеские отношения с Н.Н. Миклухо-Маклаем и даже предоставил ему для временного проживания свой дом, когда в 1878 г. русский ученый и путешественник приехал в Сидней. В 1880 г. Э.М. Поль передал Н.Н. Миклухо-Маклаю собранные для него в России по подписке деньги (4 500 рублей), предназначенные для продолжения исследований русского ученого [7].

С начала 90-х гг. XIX в. начинается целенаправленная систематическая эмиграция русских в Австралию, ставшая важным этапом в формировании уже не столько российской, сколько собственно русской диаспоры в Австралии. Большинство эмигрантов этой, первой волны были крестьянами и главной причиной, по которой они стремились попасть в австралийские переселенческие колонии, была нехватка свободных земель в России при их наличии на пятом континенте. Нагрузка на консулов в части их работы с русскими подданными заметно увеличилась. Однако работу с ним будет проводить уже профессиональные русские дипломаты. В 1894 г. нештатное консульство в Мельбурне будет преобразовано в штатное, в консульский округ которого со временем войдет территория всех австралийских переселенческих колоний, а после 1901 г. – территория Австралийского Союза.

Библиография

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 184, оп. 520, д. 137.
2. АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 820.
3. АВПРИ. Ф. 256, оп. 555а, д. 1146.
4. АВПРИ. Ф. 256, оп. 555а, д. 1264.
5. АВПРИ. Ф. 256, оп. 555а, д. 1322.
6. *Говор Е.* Судьба превратного счастья или тайна Джона Потоцкого // Австралиада. 1996, № 7.
7. *Голос*, 23.03.1880.
8. *Лазарев А.П.* Плавание вокруг света на шлюпе «Ладог» в 1822, 1823 и 1824 годах. Шлюпом начальствовал лейтенант Андрей Лазарев. СПб., 1832.
9. *Муханов П.С.* Австралия. Описание плавания в Австралию с историческим очерком ее. – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 608 (Помяловский И.В.), оп. 1, д. 3031.
10. Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 410, оп. 2, д. 3063.
11. РГА ВМФ. Ф. 870, оп. 1, д. 9752л.
12. Российский государственный исторический архив. Ф. 468, оп. 21, д. 1114.

13. *Циммерман Э.Р.* Путешествие по Австралии и Океании // Отечественные записки. 1882. Т. 265, № 12. 1882.
14. *Bridge P.J.* Russian Jack. Perth, 2002.
15. *Govor E.* Russians in Australia, 1804–1920: Convicts, Swagmen and Anzacs // Encounters under the Southern Cross. Two Centuries of Russian-Australian relations 1807–2007. Adelaide, 2007.
16. *Price Ch.* Russians in Australia: A Demographic Survey // Russia and the Fifth Continent. Aspects of Russian-Australian Relations. Ed by J. McNair and T. Poole. Brisbane, 1992.

Говор Елена Викторовна
(Колледж Азиатско-Тихоокеанских исследований
Австралийского национального ун-та)

История русских в Австралии: электронные ресурсы для поиска информации

Австралия занимает одно из ведущих мест в мире в области оцифровки своих архивных материалов в различных областях, в том числе в области культуры, военной и семейной истории, иммиграции. Доступ к оцифрованным материалам открыт, как правило, через сайты архивных учреждений, в которых хранятся эти документы. Кроме того, существует ряд интернетных баз данных для поиска информации о лицах, жизнь которых была связана с Австралией. Эти электронные ресурсы могут оказать неоценимую помощь исследователям, занимающимся историей русских в Австралии.

Главным архивным учреждением Австралии является Национальный архив Австралии (National Archives of Australia). Кроме основного архивохранилища в Канберре, столице Австралии, имеются филиалы архива в столицах штатов. Архив содержит документы, созданные федеральными, общенациональными, учреждениями Австралии со времени образования Австралийского Союза в 1901 году. Кроме материалов общеисторического характера, здесь находятся такие документы об отдельных лицах как

- разрешение на въезд или иммиграцию в Австралию;
- регистрация иностранных подданных в Австралии (alien registration);
- натурализация или получение гражданства;
- личные досье военнослужащих (service records);
- досье, созданные службами национальной безопасности.

В электронный каталог Национального архива Австралии можно войти через вебсайт архива <http://naa.gov.au/>, выбрав 'Record Search', а затем 'Search now – as a guest user' (при желании можно зарегистрироваться и стать постоянным пользователем). Попав на страницу 'General Search', в поисковом поле 'Keywords' надо напечатать фамилию искомого человека.

Здесь сразу надо оговориться, что при поиске россиян, приехавших в Австралию до 1970-х годов, надо учитывать, что написание их фамилий и имен чаще всего не соответствует нынешним нормам транслитерации русских букв. Так русская буква «и» может быть передана английскими

буквами 'i', 'e', 'ee', 'ie', русская буква «у» - 'u', 'oo', 'ou', «к» - 'k', 'c', 'ck', «ч» - 'ch', 'tch', 'tsch', 'cz', буква «в», особенно на конце слов, может превращаться в 'ff' и 'w'. В некоторых случаях фамилии и имена могут быть записаны фонетически (напр. Casloff, т.е. Козлов), и, наконец, в фамилиях могут быть пропущены буквы или сделаны описки, а имена записаны на английский лад, а у перемещенных лиц, прибывших из Европы после войны, - на польский или немецкий. Поэтому при поиске лучше всего вводить только первые буквы фамилии, сопровождаемые знаком*. Так, при поиске материалов о священнике Иннокентии Серышеве, запрос на Serysh* не дает результатов, однако при поиске на Serish* выходят три досье о Серышеве, причем в одном случае его фамилия ошибочно написана как Serishey.

Найдя интересующие вас документы в архиве, можно заказать их оцифровку (digital copy) и помещение на сайт архива. Первоначально эта услуга архивом выполнялась бесплатно, однако в последнее время введена плата в размере \$16 за досье (см. <http://naa.gov.au/about-us/publications/fact-sheets/fs51.aspx>). Но, надо отметить, что архив по своему плану оцифровывает группы документы, пользующиеся особым спросом, например, досье военнослужащих, документы о натурализации или въезде в Австралию, и помещает их на свой сайт. Это направление работы архива настолько популярно, что отделения архива в столицах штатов сократили дни работы, т.к. исследователи предпочитают работать с архивными документами дома, а не в архиве. Чтобы посмотреть уже оцифрованные документы, связанные с Россией и русскими, можно в поле поиска набрать Russia* (что дает документы, в названии которых входят слова Russia, Russian, Russians). Полученные 20 тыс. документов можно рассортировать так, чтобы были показаны в первую очередь оцифрованные досье (Sort order: Digitised images first); таковых на настоящий момент свыше двух тысяч. При нажатии на линк 'View digital copy' около соответствующего документа открывается само архивное досье, которое можно просматривать страница за страницей.

Кроме Национального архива имеется сеть архивов штатов, где хранятся документы, связанные с пребыванием русских в этих штатах. Их адреса можно найти на странице <http://naa.gov.au/records-management/help/states.aspx#section1>. Они содержат ряд баз данных, например пассажирские списки и данные загсов штатов.

Ценные коллекции, в том числе личные архивы, хранятся в отделах рукописей Национальной библиотеки Австралии и центральных библиотек штатов. С сайта Национальной библиотеки <http://nla.gov.au/> можно открыть ее каталог <http://catalogue.nla.gov.au/>, который отражает и рукописи. При поиске в каталоге на слово Russia или Russian, выбрав формат 'Manuscripts', можно увидеть все рукописные фонды, в которых содержится информация о русских, а выбрав формат 'All digitised material', можно увидеть свыше трех тысяч оцифрованных документов о России и русских, в том числе специальные коллекции о гастролях русских

балетных трупп в Австралии. В 2004 году в Национальную библиотеку был передан архив русских иммигрантов Австралии <http://catalogue.nla.gov.au/Record/880139>, составляющий 52 ящика документов. Он не оцифрован, но в Национальной библиотеке многие издания, в том числе и рукописи, можно заказывать по программе 'Copies direct' – библиотека за умеренную плату копирует нужный вам материал, который можно скачать в формате PDF. Замечательным ресурсом Национальной библиотеки являются оцифрованные австралийские газеты <http://newspapers.nla.gov.au/>; основные газеты уже оцифрованы с начала издания до середины 1950-х годов.

Аналогичным образом можно осуществлять поиск материалов о россиянах в центральных библиотеках штатах, их адреса можно найти на странице <http://www.naa.gov.au/services/family-historians/resources/index.aspx#section6>.

Австралийские электронные ресурсы позволяют осуществлять поиск сведений о пребывании в Австралии русских иммигрантов по следующей, разработанной мною методике. Первым шагом должно быть выяснение формы написания фамилии иммигранта. Для этого лучшей поисковой базой является 'Record Search' упомянутого выше Национального архива, причем поиск рекомендуется осуществлять только по начальным буквам фамилии, используя все возможные варианты написания «проблемных» букв. Документы, связанные с иммигрантами, особенно с теми, кто въезжал в Австралию в 1910–1960-х годах, представлены здесь довольно полно.

Например, поиск документов о Константине Хотимском (Constantine Hotimsky), первом историке русской эмиграции в Австралии, выявляет восемь документов, из них один оцифрованный. Документы представляют собой запрос о въезде в Австралию (1938 г.), декларацию, заполненную при въезде (1939 г.), регистрацию его в Австралии как иностранного подданного (1939 г.), два документа, связанные с его службой в Австралийской армии во время второй мировой войны, досье о натурализации (1944–1945 гг.), которое содержит детальные биографические сведения, и, наконец, два приглашения, оформленные им для въезда в Австралию его друзей или родственников (1946 г.). Из этих документов следует, что он поселился в штате Новый Южный Уэльс.

Обратившись к электронной базе заглавного этого штата (<http://www.bdm.nsw.gov.au/familyHistory/search.htm>), которая отражает сведения о родившихся до 1909 г., о вступивших в брак до 1959 г., и об умерших до 1979 г., мы, однако, не обнаруживаем сведений о Хотимском. В этом случае полезно использовать также 'The Ryerson Index' (<http://ryerson.arkangles.com/notices.php>) - поисковую базу, составленную на основе объявлений в газетах о смерти и доведенную до сегодняшнего дня. Ядром этой базы являются газеты Нового Южного Уэльса, однако географический охват ее постоянно расширяется. Здесь мы находим два

газетных сообщения о смерти Hotimsky – в 1987 г. умерла Stella, а в 1990 г. – Constantine. Вернувшись к базе данных загса и осуществив поиск брака по именам, Stella и Constantine, мы находим сведения об их браке в 1943 г., причем фамилия Хотимского ошибочно указана как Hotinsky (такие досадные ошибки в именах русских иммигрантов часто встречаются в австралийских поисковых базах). На сайте загса можно за умеренную плату заказать копию свидетельства о смерти или браке. Такие документы в Австралии обычно содержат ценную биографическую информацию – имена родителей, их род деятельности, место рождения иммигранта, имена и возраст детей, место жительства и т.п. Имена детей можно также выяснить, обратившись к извещениям о смерти родителей в газетах, указанных в 'The Ryerson Index'; газеты Австралии, как уже отмечалось, постепенно оцифровываются. Координаты ныне живущих иммигрантов и их потомков можно найти в электронном телефонном справочнике <http://whitepages.com.au/>. Здесь нужно выбрать поиск по месту жительства 'Residential' и производить поиск одновременно по всем штатам.

Электронные базы загсов других штатов находятся в разной стадии разработки. Их адреса можно найти на странице <http://www.nla.gov.au/collect/genealogy/bdm/>.

Новым, быстро развивающимся источником, являются электронные базы кладбищ <http://www.rootsweb.ancestry.com/~nswsdps/others.htm/>, иногда даже с фотографиями русских могил.

Дополнительным источником может служить поиск по сайту <http://ancestry.com.au/>. Хотя большинство баз данных этого сайта платные, на нем бесплатно можно получить предварительные результаты поиска, в частности по спискам избирателей до 1936 года. В этих списках зарегистрированы иммигранты, натурализовавшиеся в Австралии. Списки избирателей являются ценным источником для выяснения местожительства иммигрантов, копии списков хранятся в Национальной библиотеке, однако в электронном виде они пока недоступны. В результате массового увлечения на Западе генеалогией информация о российских иммигрантах и их семьях может быть помещена на генеалогические сайты, например на <http://ancestry.com/>.

Можно отметить еще несколько ценных коллекций, связанных с историей русских в Австралии. Например, коллекция историков Томаса Пула и Эрика Фрида, хранящаяся в Fryer Library Университета Квинсленда, состоит из 36 ящиков бумаг. Это копии архивных документов, опубликованных и неопубликованных работ. С ее описанием можно познакомиться в интернете: UQFL 336 Poole-Fried Collection <http://www.library.uq.edu.au/fryer/ms/uqfl336>.

Большой архив собран редакцией журнала «Австралиада. Русская летопись», посвященного истории русских в Австралии. С его редакцией можно связаться через вебсайт журнала <http://australiada.googlepages.com/>. Мною составлены детальные указатели к журналу за первые пять лет его издания (1994–1999), в том числе проведена именная и предметная роспись всего

текста журнала. Эти указатели имеются в интернете:
<http://members.iimetro.com.au/~elgovor@iimetro.com.au/elenagovor/Avstraliadaindex.pdf>.

Готовится к открытию новый сайт альманаха «Австралийская мозаика»
<http://www.australianmosaic.net/>, содержащий очерки о россиянах в Австралии.

Архив аудиоматериалов, рассказывающих и об истории, и о современной жизни россиян в Австралии, находится на сайте австралийского радио SBS
<http://www.radio.sbs.com.au/language.php?news=archive&language=Russian&page=1/> и доступен в формате MP3.

Имеется несколько вебсайтов, посвященных истории русских в Австралии. Отметим вебсайт Владимира Крупника «Россия-Австралия: военно-исторические связи»
<http://www.argo.net.au/andre/>, мой сайт с публикациями об истории русских в Австралии
<http://elena.id.au/> и сайт «Русские Анзаки» <http://russiananzacs.elena.id.au/>. Последний сайт, созданный в дополнение к моей книге «Российские анзаки в австралийской истории», содержит свыше тысячи отдельных страниц, посвященных каждому российскому иммигранту, вступившему в австралийскую армию в годы первой мировой войны. Страницы включают сведения биографического характера, портреты и ссылки к документам из австралийских архивов, многие из которых оцифрованы и могут быть открыты непосредственно с сайта. Подобный банк данных готовится мною и обо всех российских иммигрантах, приехавших в Австралию до революции.

Таким образом, современные технологии успешно преодолевает расстояния и помогают вести исследования российской диаспоры даже в самых отдаленных от России уголках земли.

Массов Александр Яковлевич
(Санкт-Петербургский государственный морской технический университет)

Завершение деятельности российского генерального консульства в Мельбурне в декабре 1917 – январе 1918 гг. (по материалам австралийских архивов)

Консульские учреждения Российской империи появились в австралийских переселенческих колониях еще в 1857 г.: в Мельбурне и Сиднее начали работу нештатные вице-консулы Дж. Деймион и Э. Поль. Ко времени первой мировой войны русская консульская служба в Австралийском Союзе охватывала уже весь австралийский континент. В Мельбурне работал штатный генеральный консул России – этот пост с 1911 г. занимал А.Н. Абаза. В Сиднее, Аделаиде, Брисбене, Хобарте, Дарвине, Ньюкасле, Перте, Порт-Пири и Фримантле осуществляли свою деятельность нештатные консульские работники, в основном, из числа местных коммерсантов.

В качестве одной из главных задач русского консульского корпуса рассматривалась работа с русской эмигрантской общиной. Российская диаспора, по данным генерального консульства в

Мельбурне, насчитывала примерно 11 тыс. чел. [3, с. 20] После русской революции 1905–1907 г. в Австралии появилась немногочисленная (не более 500 человек), но отличавшаяся радикализмом взглядов и необычайной политической активностью группа эмигрантов-революционеров. Консул А.Н. Абаза с тревогой наблюдал за усилением влияния политэмигрантов среди далеких от политики рядовых членов русской диаспоры. Именно с попыткой по возможности нейтрализовать это влияние связаны так и не принятые русским правительством предложения А.Н. Абазы увеличить число штатных русских консульств в Австралии. «Наше консульское представительство в Австралии, – писал в этой связи А.Н. Абаза в феврале 1914 г. в российское министерство иностранных дел, – далеко уже не удовлетворяет современным потребностям и не отвечает непрерывно возрастающим житейским вопросам... Нельзя не видеть, что разбросанное на протяжении... Австралии... многотысячное русское население имеет всего-навсего одно место, а именно консульство в Мельбурне, куда оно может обратиться за советом, помощью и защитой». «Результатом подобного положения, – продолжал А.Н. Абаза, – является то, что лишённые возможности своевременной поддержки со стороны отечественных властей многие русские принимают, даже против желания, австралийское подданство, между тем как другие – и таких сотни – подпадают под пагубное влияние бежавших из России политических преступников и в скором времени превращаются из мирных верноподданных переселенцев в ярых социалистов и анархистов» [1].

Борьба генерального консула А.Н. Абазы с радикальными организациями русских эмигрантов шла с переменным успехом. В 1911 г. по поручению русских консульских представителей полиция Квинсленда проверяла «на лояльность» *Русское общество взаимопомощи в Брисбене* [5]. В том же 1911 г. А.Н. Абаза энергично, но безуспешно протестовал против избрания председателем Союза русских эмигрантов (СРЭ) большевика Ф.А. Сергеева (Артема). Более успешной была его борьба против печатных органов СРЭ. В 1912 и 1916 г. с подачи русского генерального консула австралийские власти закрыли издания этого союза «Эхо Австралии» и «Известия Союза русских эмигрантов» [4].

После февральской революции в России активность русских радикалов в Австралии заметно усилилась. Революционная пропаганда при этом тесно переплеталась с пропагандой антивоенной. Для того чтобы разобраться в положении дел и по возможности найти пути умиротворения русской общины, в конце октября – начале ноября 1917 г. А.Н. Абаза совершил инспекционную поездку в Брисбен. 1 ноября он встречался с лидерами русских эмигрантов, председателем Русской ассоциации Мельбурна Н. Леонардом-Каневским и редактором брисбенской газеты «Рабочая жизнь» большевиком П. Симоновым. Никаких результатов встреча не принесла, и при этом, как сообщал в своем донесении сотрудник секретной службы австралийского министерства обороны, «обе стороны проявили нескрываемую враждебность по

отношению друг к другу» [6, ВР4/1, 66/4/2072]. По итогам поездки в Квинсленд выяснилось, что большинство русских резидентов в Брисбене сочувствуют анархо-синдикалистам из организации «Индустриальные рабочие мира», а их печатные издания публикуют статьи «нежелательного характера» [6, ВР4/1, 66/4/2072].

Практически одновременно с поездкой русского генерального консула в Брисбен, в ноябре 1917 г. в Австралию пришли сообщения об октябрьском перевороте в России. Стало известно, что большевистское правительство объявило о своем намерении выйти из первой мировой войны. А.Н. Абаза, в свое время спокойно принявший февральскую революцию, но категорически не желающий принимать революцию октябрьскую, совершил, может быть, эмоционально оправданный, но явно непродуманный шаг. 3 декабря 1917 г. на бланке консульства он отправил официальное письмо премьер-министру Австралийского Союза У.М. Хьюзу, где объявил, что он «категорически отмежевывается, как в качестве официального лица, так и в личном плане, от банды предателей и анархистов, которые, как кажется, в настоящее время контролируют судьбы моей несчастной страны». «До тех пор и пока, – продолжал генеральный консул, – не будет сформировано признанное русское правительство, которое будет скрупулезно выполнять обязательства России перед союзниками», он сможет выполнять свои обязанности в Мельбурне, представляя лишь «тех из [российских] граждан, кто всецело предан союзникам». «Я говорю не только от своего имени, – писал в заключение письма А.Н. Абаза, – но и от имени каждого сотрудника» консульства [6, А981, CONS 241].

Письмо А.Н. Абазы поставило австралийские власти в затруднительное положение: стало непонятно, кого именно и какое государство представляет российский генеральный консул. 14 декабря 1917 г. австралийцы отдали распоряжение не признавать документы и паспорта, выдаваемые А.Н. Абазой [6, А981, CONS 241]. 18 декабря секретарь премьер-министра Австралии М.Л. Шепард обратился к генерал-губернатору Австралийского Союза с просьбой запросить министерство колоний в Лондоне о том, «какую позицию следует занять по отношению к русским делам и следует ли признавать документы, выдаваемые генеральным консулом» России [6, А2 1918/142]. Это были не праздные вопросы. Во-первых, сотни русских, стремившихся покинуть Австралию и вернуться домой, нуждались в действующих и признаваемых паспортах. Во-вторых, заметно усилилось революционное брожение в среде русских австралийцев, и властям Австралийского Союза нужно было иметь какого-либо приемлемого для них и признанного самими русскими иммигрантами представителя, способно выражать интересы русской диаспоры.

В самой русской общине сразу же после октябрьских событий в России развернулось движение за смещение «царского консула» и избрание комитета, члены которого должны будут отныне представлять интересы русских в Австралии. Еще 5 декабря 1917 г. председатель Русской ассоциации Мельбурна Н. Леонард-Каневский обратился с письмом к секретарю премьер-

министра Австралии М.Л. Шепарду с просьбой побеседовать с представителями ассоциации по «очень значимому для них вопросу» [6, А981, CONS 241]. Как сообщал наавтра, 6 декабря, М.Л. Шепард премьер-министру У.М. Хьюзу, русские объявили ему, что «генеральный консул г-н Абаза никоим образом не представляет их интересов» и якобы собирается в ближайшем времени покинуть Австралию. Русские попросили М.Л. Шепарда не признавать никого из тех, кого Абаза оставит вместо себя в качестве консула. М.Л. Шепард заявил в ответ, что в отсутствие «прочного правительства в России» признание кого-либо в качестве консула невозможно, и предложил членам русской общины избрать комитет, который «мог бы претендовать на выражение интересов русских резидентов в Австралии и представлять интересы русских, если таковые возникнут» [6, А981, CONS 241].

12 декабря 1917 г., фактически с подачи М.Л. Шепарда, прошел митинг русских резидентов в Мельбурне, где был избран комитет из 5 членов и 2 кандидатов. Комитет получил полномочия от участников митинга «представлять интересы русских перед федеральными властями и властями штата Виктория». Резолюция митинга с примерно полусотней подписей была направлена М.Л. Шепарду [6, А981, CONS 241]. Информацию о собрании русских в Мельбурне немедленно опубликовала выходившая в Квинсленде газета «Рабочая жизнь», сопроводив ее призывом провести такие же митинги в Брисбене и Сиднее. В газете утверждалось также, что делегация русских Мельбурна попросила федеральное правительство Австралии закрыть русское консульство и получила согласие на выборы комитета для представления русских интересов до назначения нового правомочного консула России [6, А981, CONS 241].

Возмущенный А.Н. Абаза 18 декабря пишет премьеру У.М. Хьюзу письмо с требованием разъяснений. «Я просто не могу поверить, – еле сдерживает ярость российский генеральный консул, – что федеральное правительство могло занять такую позицию по отношению к консульству» [6, А981, CONS 241]. Наавтра А.Н. Абаза получил весьма уклончивый ответ за подписью премьер-министра, но подготовленный, судя по документам, М.Л. Шепардом. В ответе говорилось, что никаких распоряжений относительно закрытия российского консульства в Мельбурне правительство Австралии не давало, но, поскольку в русской общине существует убеждение в скором отъезде Абазы из Австралии, русским было предложено избрать комитет для защиты своих интересов. «Однако совершенно ясно, – на успокоительной ноте завершали свои разъяснения авторы ответа, – что любой комитет такого рода ни в коем случае не будет рассматриваться как наделенный статусом консульского представительства» [6, А981, CONS 241].

В эти же дни А.Н. Абазу ожидал новый удар. Видимо, 21-22 декабря в его распоряжение попала бумага по делу Петра Харитонова, русского подданного и ветерана АНЗАК, получившего ранение на фронтах первой мировой войны. Некий майор секретной службы генерального штаба Хоган ходатайствовал перед военно-морскими властями в Мельбурне о разрешении Харитонову

покинуть Австралию на борту одного из уходящих кораблей. Харитонов не может сделать этого без особого разрешения: он «не в состоянии получить паспорт», поскольку «русский генеральный консул в Австралии в настоящее время не признается как законный представитель русского народа» [6, А981, CONS 241]. 22 декабря А.Н. Абаза пишет новое письмо У.М. Хьюзу, где «официально выражает решительный протест» против попыток австралийских властей «отрицать или ставить под вопрос» его полномочия как генерального консула. «Моя экзекватура не была аннулирована..., – язвительно продолжает русский дипломат, – до тех пор, конечно, пока Вы, сэр, не отдадите распоряжение своим подчиненным обращаться со мной таким образом. Я рассчитываю, однако, что этом случае Ваша вежливость побудит Вас заранее уведомить меня о появлении таких инструкций». «Имею честь просить Вас о срочном ответе», – уже совсем недипломатично заканчивает письмо генеральный консул [6, А981, CONS 241]. Ответ премьер-министра в архивах обнаружить пока не удалось. Однако, думается, А.Н. Абазе все стало ясно и так. Он принимает решение о прекращении своей деятельности в качестве представителя России и завершении работы генерального консульства.

26 декабря 1917 г. А.Н. Абаза пишет письмо послу российского Временного правительства в Лондоне К.Д. Набокову, в котором сообщает о своем решении оставить службу в Мельбурне с 27 января 1918 г. «Считаю невозможным оставаться на службе при сложившихся обстоятельствах. В отсутствие центрального правительства, компетентного принять мою отставку, я решаюсь проинформировать посольство о том, что я оставляю консульство с 14/27 января 1918 г.» [6, А981, CONS 241].

А.Н. Абаза начинает подготовку к закрытию генерального консульства в Мельбурне и консульских учреждений в других городах Австралии. 8 января 1918 г. он извещает секретаря премьер-министра об увольнении им со службы нештатных русских консулов в Хобарте, Перте, Дарвине, Ньюкасле, Порт-Пири [6, А981, CONS 248]¹.

А русская община Австралии тем временем под водительством революционных элементов продолжает реализацию идею «самоопределения» русской диаспоры. 14 января 1918 г. состоялся многочисленный митинг выходцев из России в Брисбене. Он был организован, судя по всему, наиболее радикальными большевистскими элементами из числа русских жителей Квинсленда. На митинге, по мельбурнскому образцу был создан комитет из 5 членов и 3 кандидатов, призванный «представлять интересы русских перед лицом федерального правительства и властей штата». В состав избранного комитета вошли известные своим радикализмом П. Симонов, Н. Лагутин, В. Воеводин, Б. Розенберг. Резолюцию митинга, которую подписали более 100 чел., в виде письма направили уже упоминавшемуся М.Л. Шепарду. Характерно, что в письме прямо говорилось о

¹ Еще раньше, 30 ноября 1917 г. был уволен консул в Брисбене Ж.С. Абрамович-Томас. См. NAA: А981, CONS 241.

том, что комитет выбран «в соответствии в Вашим советом, который Вы сочли возможным дать» русской делегации Мельбурна [6, А981, CONS 241].

Сам факт проведения митинга в Брисбене и его резолюция, апеллирующая к австралийским властям, видимо, лишь подтвердили решимость А.Н. Абазы закрыть консульство. Работа по ликвидации дел была продолжена. 23 января 1918 г. А.Н. Абаза официально уведомляет У.М. Хьюза об увольнении почетного вице-консула России в Мельбурне Г. Слея [6, А981, CONS 245]. 26 января специальным письмом, адресованном премьер-министру Австралийского Союза А.Н. Абаза сообщает что с 27 января он «более не является генеральным консулом, но всего лишь частным лицом» [6, А981, CONS 241]. Архив консульства А.Н. Абаза передал бывшему нештатному вице-консулу Г.С. Слею. Шифры и кодовые книги подлежали уничтожению.

Закрытие генерального консульства в Мельбурне означало, по сути дела, завершение целой эпохи в истории консульских отношений между Россией и Австралией. Попытки советского правительства назначить в качестве консула РСФСР известного своей революционной активностью члена русской диаспоры в Австралии большевика П. Симонова успехом не увенчалась. Австралийские власти отказались признавать его в качестве консульского представителя. В межгосударственных отношениях двух стран наступила долгая пауза. Она завершится лишь в 1942 г., когда СССР и Австралия, в то время – союзники по антигитлеровской коалиции, установят между собой дипломатические отношения.

До сих пор, к сожалению, неизвестна судьба архива императорского российского генерального консульства в Мельбурне. Дважды, в 1926 и 1996 гг. представители соответственно советского посольства в Лондоне и российского министерства иностранных дел безрезультатно пытались разыскать его следы. Австралийский историк Т. Пул считает, однако, что шансы обнаружить архив сохраняются. Не исключено, что Г. Слей, которому А.Н. Абаза передал архив консульства и который в 20-е гг. XX в. исполнял обязанности консула Финляндии в Мельбурне, передал русские бумаги финскому министерству иностранных дел. Возможно также, что архив консульства вывез в 1919 г. на русский Дальний Восток, занятый в то время белыми, бывший сотрудник русской консульской службы в Австралии Ж.С. Абрамович-Томас. Все это лишь более или менее обоснованные гипотезы, однако попытки поиска консульских бумаг в Хельсинки или в архивах Приморского края представляются отнюдь не лишены смысла [2]. Во всяком случае, совершенно очевидно, что обнаружение документов российского генерального консульства в Мельбурне предоставит в распоряжение историков немало новых интересных материалов по истории отношений России и Австралии начала XX в.

Библиография

1. АВПРИ. Ф. 184, оп. 520, д. 1506, л. 57.
2. Аксенов Ю.Д., Массов А.Я. О судьбе архива генерального консульства Российской империи в Мельбурне // Россия в глобальном мире, № 11. СПб., 2006.
3. Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...» История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в - вторая половина 80-х гг. XX в). Владивосток, 2010, с. 20.
4. Fried E. The First Consul: Peter Simonoff and the Formation of the Australian Communist Party // Russia and the Fifth Continent. Ed. by J. McNair and T. Poole. Brisbane, 1992, с. 112.
5. Fried-Poole collection on Russians in Australia (Queensland University, Brisbane). Box 8, folder 3.
6. National Australian Archives (NAA).

Подалко Петр Эдуардович
(Ун-т Аояма Гакуин, Япония)

Всеяпонская Ассоциация по изучению Восточной ветви Русского Зарубежья (краткий исторический очерк)

Ассоциация возникла в 1978 году по инициативе профессора Накамура Ёсикадзу (Университет Хитоцубаси) и профессора Ясуи Рёхэй (Университет Васэда), первоначально – как небольшой кружок учёных, представляющих различные, зачастую не слишком соприкасающиеся между собой области научного знания, которых объединял на тот момент (и продолжает объединять по сей день, при том что количество членов выросло за эти годы в несколько раз, и сфера изучаемых ими проблем ещё более расширилась), пожалуй, единственный фактор – интерес к русской культуре и её связь с японской культурной традицией.

Главный постулат, определяющий деятельность нашей Ассоциации и направление научных поисков её членов, можно выразить следующей цитатой, автором которой является многолетний почетный председатель профессор Накамура:

«Модернизация Японии, берущая своё начало в середине 19-го века, после многовековой изоляции, проводилась в основном по западной модели, но при рассмотрении сущности и особенностей хода этой «вестернизации», как правило, большинство авторов ограничивается разбором объема и степени усвоения Японией культурных достижений таких западных стран, как Англия, США, Франция, Германия, Голландия и другие, недооценивая культурное воздействие на Японию со стороны славянских народов. В действительности же, история культурных связей между нашей страной (т.е., Японией – П.П.) и странами Восточной Европы, прежде всего – Россией, насчитывает несколько столетий, и нельзя упускать из виду значение, которое имели эти связи и контакты, в особенности, начиная со второй половины 19-го века» (см. Сборник статей «Россия и Япония» № 2, 1990 г., Предисловие).

Наличие общих взглядов на проблему и стоящие перед исследователями конкретные задачи позволило уже со второго года работы Ассоциации приступить к публикации материалов полевых исследований, данных, полученных в ходе проводимых интервью, а также редких документов и

материалов, касающихся истории становления и развития российско-японских культурных контактов. Хотелось бы подчеркнуть, что деятельность Ассоциации регулярно пользовалась и продолжает пользоваться финансовой поддержкой правительства Японии, через посредство различного рода грантов по линии Министерства образования и науки, что помогает частично финансировать исследовательские программы, выпускать печатные издания и периодически командировать членов Ассоциации на проведение полевых исследований как внутри страны, так и за рубежом.

В числе первых объединенных публикации следует назвать вышедший в 1980 году сборник статей «Историческое изучение следов азиатского влияния на русскую литературу и философию и изменения в восприятии россиянами Азии», и опубликованный через четыре года (1984) сборник «Фактологическое исследование азиатского влияния на русскую литературу и философию и двустороннее культурное взаимодействие» (оба – на японском языке). Благодаря финансовой поддержке различных грантов, полученных в 1985–86 гг., уже в 1987 году удалось подготовить и издать первый большой объединенный сборник статей членов Ассоциации под общим названием «Япония и Россия» (ответственный редактор – профессор Р. Ясуи, факультет литературы и языка университета Васэда). Данный сборник был высоко оценен как профессионалами, так и широкой публикой, что позволило выпустить его в марте 1990 года отдельным изданием в книжной фирме «Наука» (Токио) под названием «Япония и Россия. Объединенный исследовательский сборник. Выпуск 1-й».

В последующие годы деятельность Ассоциации постоянно активно развивалась, привлекая всё новых и новых исследователей. Как результат этой деятельности, уже в 1990 году выходит сборник «Россия и Япония. Выпуск 2-й» (ответственный редактор – профессор Ё. Накамура, факультет социальных наук университета Хитоцубаси). Некоторое изменение названия (с выведением на первое место слова «Россия») было связано как непосредственно с содержанием основных материалов, включенных в названный сборник, так и с необходимостью облегчить библиотечный поиск читателям, что, по сути, являлось косвенным признанием уже во многом сформировавшегося авторитета изданий этой серии.

Если даже просмотреть только оглавления упомянутых сборников, становится очевидным, что диапазон научных тем и представленных в них материалов невероятно широк, и, по сути, охватывает не только Россию, но и весь славянский мир в его культурном взаимодействии с Японией. Следует особо обратить внимание на то, что понятие «культура» здесь трактуется не только в узком, литературно-философском значении, но гораздо шире, как любое проявление интеллектуальной человеческой деятельности, а многообразие освещаемых проблем заметно отличает работу членов Ассоциации от других подобных объединений ученых-исследователей.

Ассоциация хорошо известна зарубежным коллегам, с которыми она давно и плодотворно сотрудничает. Здесь можно назвать Центр Русских исследований имени Дж. Кеннана (США), по предложению которого уже в 1991 году была совместно проведена международная научная конференция под девизом «Российско-японские культурные связи в 1868–1926 гг.»; различные организации русских эмигрантов и их потомков в Австралии, Америке, Канаде; исследовательские центры в Польше, Чехии; Институты РАН в Москве, Петербурге, Сибирском и Дальневосточном отделениях, и много других организаций и отдельных выдающихся ученых из разных стран мира.

В 1992 году был издан очередной сборник «Россия и Япония. Выпуск 3-й» (ответственный редактор – профессор Ё. Накамура, факультет социальных наук университета Хитоцубаси). В подготовке этого сборника впервые приняли участие зарубежные коллеги из Республики Корея и СССР, чьи статьи были включены в итоговую публикацию. После выхода третьего сборника, по ряду причин деятельность исследовательского кружка было приостановлена; при этом активно продолжались индивидуальные исследования его членов, выходили новые монографии, статьи в специализированных университетских изданиях и т.д.

В начале 1990-х годов на фоне многочисленных политических, экономических и социальных изменений в странах Восточной Европы, самым значительным из которых был распад Советского Союза, в мире обнаружился необычайный интерес к событиям недавней истории и их культурно-историческим последствиям, в частности – к феномену массовой эмиграции из множества стран на всем протяжении двадцатого века, начало которому положили Первая мировая война и последовавшая за ней революция в России, вызвавшая невероятную по своим масштабам и численности эмиграцию практически из всех регионов бывшей империи. Не осталась в стороне и Япония, куда также устремилась часть русских беженцев, и где феномен эмиграции отличался своеобразием, непохожим на примеры большинства других стран. 6 декабря 1995 года состоялось учредительное заседание «Ассоциации по изучению Восточной ветви Русского Зарубежья в том виде, в каком она существует по сей день. Символично, что уже на первом заседании одним из основных докладчиков оказался Леонид Иоакимович Чугуевский, человек сложной судьбы, не понаслышке знакомый с жизнью российской диаспоры за рубежом.

В качестве первоочередной задачи была выдвинута необходимость произвести максимально подробный сбор статистических данных о численности и персоналиях русской эмиграции в Японию; поскольку предполагалось изучить не только конкретные примеры её культурного влияния на японское общество, но и выявить особенности повседневной жизни и деятельности эмигрантов, была поставлена задача собрать как можно более подробный фактический материал, в том числе и в ходе проведения интервью с последними оставшимися в живых на тот момент представителями трех волн русской эмиграции в Японии.

Параллельно продолжали выходить объединенные сборники статей по общим названием «Икё-ни икиру» («Жизнь на чужбине»); на данный момент издано 5 таких сборников, при этом каждый из них выходил в двух версиях: книга на продажу (в твердой обложке, с ярким наружным дизайном) и обычный сборник научных статей (в мягкой обложке). Кроме того, Ассоциация учредила свой периодический вестник «Икё» («Вторая родина»), выпускаемый, как и большинство сборников статей, при активном участии издательства «Сэйбунся», куда также открыт доступ всем людям, интересующимся российско-японскими культурными связями, и желающим напечататься по своей теме (в течение года выходит в среднем четыре выпуска «Икё»). Ежегодно Ассоциация проводит пять расширенных заседаний, заслушивая на каждом из них по три доклада с последующим их обсуждением.

В настоящее время Ассоциация состоит из полутора десятков постоянных членов, среди которых представлены как японские, так и российские ученые, и большого числа регулярных гостей, являющихся также полноправными участниками заседаний и обсуждений представленных на них докладов; многие также принимают деятельное участие в выездных конференциях, проводимых Ассоциацией один раз в два года в различных местах Японии, имеющих отношение к истории двусторонних контактов и русской диаспоры (за последние годы такие конференции прошли в городах Хакодате, Кобе, Нагасаки и Сэндай). Исполнительным директором (ответственным секретарем) Ассоциации с 2005 года является профессор Университета Аояма Гакуин, П.Э. Подалко; председателем Ассоциации состоит Наганава Мицуо, почетный профессор Университета Йокогама, известный специалист по истории православия в Японии.

Бакулина Анжелика Александровна
(ДВГУ, г. Владивосток)

Политико-правовой статус русских эмигрантов в Маньчжурии (1932–1945 гг.)

В статье освещаются вопросы, связанные с проживанием русских поселенцев в Маньчжурии в период с 1932 по 1945 гг., анализируются меры, принимаемые правительством Маньчжоу-го, направленные на осуществление контроля над жизнедеятельностью русской колонии на указанной территории, политико-правовой статус русских эмигрантов в данный период времени и причины его изменения по сравнению с предыдущим временным периодом.

Заселение российскими поданными Дальнего Востока Российской империи при отсутствии точной границы между Россией и цинским Китаем способствовало появлению с начала XVII в. русских в соседнем Китае. Пребывание первых русских поселенцев в Китае до конца XIX века носило временный, эпизодический характер. Строительство Китайско-Восточной железной дороги

(1898–1903 гг.) стало мощным фактором, способствовавшим заселению Маньчжурии и постепенному формированию российской диаспоры в Северо-Восточном Китае.

Уже с первых лет сооружения и работы КВЖД вследствие потребности в рабочих кадрах как во время строительства дороги, так и при ее эксплуатации, приток россиян постоянно увеличивался. По окончании строительства КВЖД на службе дороги насчитывалось 39 071 чел., из них 18 123 – русских и 20 948 – китайцев [4, с. 64]. Увеличение численности населения на территории строительства обусловило возникновение города Харбин, официальным днем рождения которого считается 23 апреля 1989 г. (6 мая по н.с.) [8, с. 116]. Русские эмигранты в Харбине занимали первое место как по абсолютному, так и пропорциональному числу иностранцев, проживавших в Китае. В 1912 г. они уже составляли 63,7% населения города (40 тыс. чел.). Окончание русско-японской войны обусловило подъем эмигрантской волны. Вторая волна переселения русских в Харбин, более многочисленная, чем первая, была связана с Октябрьской революцией в России, когда беженцы в зоне отчуждения КВЖД стремились найти не только работу, но и привычный русский уклад жизни. В 1922 г. русских в Харбине насчитывалось 105 тыс. чел. [7, с. 286].

С 1932 г. начинается новый период в истории русской колонии в Маньчжурии, связанный с оккупацией территории четырех северо-восточных провинций Китая Японией и созданием там марионеточного государства Маньчжоу-го. В данный период в Харбинской провинции российских эмигрантов насчитывалось 30 044, советских граждан – 26 663, японцев – 2 538 и китайцев – 173 человек. За последующие десять лет численность российских эмигрантов менялась незначительно, а советских подданных – сократилась в 10 раз (до 2590 чел., так как в СССР уехало около 21 тыс. чел.). Японцев в Харбине стало больше в шестнадцать раз, что было обусловлено проведением политики иммиграции японских граждан в Маньчжурию [5, с. 197].

Русская колония вызывала большой интерес у японских оккупационных властей как союзник в борьбе против СССР, однако согласие внутри русской колонии вследствие различного статуса эмигрантов («бесподданные»; русские эмигранты, принявшие китайское гражданство) и дифференциации их на категории по экономическому и политическому факторам, наличия разногласий между группировками и их лидерами, отсутствовало, несмотря на неоднократные предпринимаемые попытки изменить ситуацию.

Проблема консолидации российской эмиграции для усиления контроля над эмигрантами и объединения усилий антисоветски настроенных группировок была решена японскими оккупационными властями в административном порядке путем создания 28 декабря 1934 года указом правительства Маньчжоу-го Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), в функции которого входило «руководство во всех отношениях общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их

правовых, экономических и культурных интересов, урегулирование вопросов, возникающих между отдельными лицами и различными организациями, ведение статистического учета эмигрантского населения», [2, с. 105] причем регистрации в БРЭМе подлежали все русские, проживающие в Маньчжурии, независимо от гражданства.

В связи с практической реализацией данного указа правительства Маньчжоу-го структура Бюро развивалась с течением времени, усложняясь как по вертикали, так и по горизонтали. Во второй половине 30-х гг. XX века отделения и представительства Бюро функционировали во всех городах и других населенных пунктах, где проживали российские эмигранты. [2, с. 105]. Первым председателем БРЭМ был генерал-лейтенант В.В. Рычков, преемником которого стал генерал – лейтенант А.П. Бакшеев, затем – генерал от кавалерии В.А. Кислицын.

В целом же, как отмечал один из самых активных сотрудников Бюро К.В. Родзаевский, БРЭМ было «фактически русским отделом японской военной миссии», [1, с. 308]. Фактически этот орган был орудием в руках японцев, однако с течением времени эмигранты осознали значение этой организации в своей жизни: с появлением БРЭМ как признанного японскими властями русского общеэмигрантского центра они приобрели определенный правовой статус, своеобразное правительство, которое защищало их права и интересы перед властями в рамках, возможных в условиях оккупационного режима.

Японские оккупационные власти, используя указанный орган, взяли под контроль не только административные институты, но и военные эмигрантские организации, которых в 1935 году насчитывалось 18 [1, с. 312], и культурные учреждения, созданные русскими ранее. Как отмечает уроженец Маньчжурии, историк Л. Чугуевский «пугало и то, что второй (Культурно-просветительский) отдел Бюро, в ведение которого передавались все эмигрантские учебные заведения, будет способствовать внедрению японской идеологии в сознание российской молодежи» [8, с. 121]. Все русские учебные заведения находились под контролем БРЭМа, и осуществлялась японизация системы образования Маньчжурии. Так, «Положение о национальном образовании и воспитании в русской школе» предполагало кроме изучения предметов о России изучение правовых норм, быта, государственного устройства Маньчжурской империи и Японии, их истории и географии. Из-за сложности контроля в рамках реформы в Харбине были закрыты частные учебные заведения: в 1937 г. – гимназия Я.В. Дризуль и Объединенная гимназия, в 1939 г. – Первое реальное училище, а в 1941 г. – учебные заведения М.А. Оксаковской; в 1937–1938 гг. был закрыт ряд вузов [5, с. 200-201].

С 1939 г. при содействии БРЭМа в Харбине русские поселенцы в принудительном порядке посещали кружки для изучения японского языка, а с марта 1941 г. вся эмигрантская молодежь была обязана изучать государственный язык Маньчжоу-Ди-Го [5, с. 203].

В целом вся политика японского командования и зависимого от него правительства Маньчжоу-го на протяжении 1932 – начала 1935 гг. была подчинена вытеснению СССР с КВЖД. Ярко это стремление проявилось в массовых незаконных арестах советских граждан – служащих дороги для последующего назначения на их должности угодных японцам и местным властям эмигрантов.

В этой ситуации, когда провокации в зоне дороги начинали перерастать в советско-японский конфликт, а КВЖД стала убыточной, советское правительство решило пойти на переговоры с правительством Маньчжоу-го о продаже КВЖД для стабилизации обстановки на Дальнем Востоке.

Сложные переговоры завершились подписанием «Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги)» в Токио 23 марта 1935 года, которое очередной раз изменило жизнь КВЖД и статус российских эмигрантов, проживающих в регионе.

Соглашение ущемляло материальные интересы советских служащих КВЖД. Так, пенсионерам дороги или лицам, имевшим право на получение пенсии (работавшие более 10 лет на КВЖД), полагалось единовременное пособие, равное сумме, подлежащей ежегодной выплате в качестве пенсии, помноженной на 8,5 – вместо ежегодной пожизненной пенсии. Помимо этого, с 1 января 1937 года маньчжурские власти прекратили вовсе выплаты пенсий бывшим служащим КВЖД [1, с. 292].

В целом права советских служащих указанным Соглашением были ограничены, имущество дороги, созданное за 22 года ее практической деятельности, досталось правительству Маньчжоу-го за невысокую сумму. Выкупная сумма за КВЖД на 2/3 состояла из товаров, ассортимент которых был навязан Японией [1, с. 274-275].

Согласно статье III указанного Соглашения, все старшие должностные лица администрации КВЖД сразу же освобождались от своих обязанностей. Служащие КВЖД после их увольнения имели право оставаться в Маньчжоу-го в течение 2 месяцев для устройства личных дел. Указанное требование обусловило массовый выезд советских рабочих и служащих дороги, которых заменили японцы и русские эмигранты. Из-за вытеснения русского труда с КВЖД сложился большой контингент безработных.

Однако подписание Соглашения не помогло изменить характер советско-маньчжурских отношений: конфликтные ситуации продолжали периодически возникать, маньчжурские власти массово нарушали права советских железнодорожников, устраивали гонения над ними, в связи с чем советская сторона приняла решение закрыть движение на участке Гродеково-Пограничная. Маньчжурские власти также препятствовали открытию советской школы и больницы, переданных

согласно ст. V Соглашения для нужд советской колонии в Харбине, а впоследствии, после их открытия, 1 мая 1938 г. группа японцев и русских эмигрантов учинила погром в советской школе в Харбине [1, с. 290].

С началом «Великой Азиатской войны» (японо-китайской) вследствие военного положения жизнь в г. Харбине осложнилась. Были созданы «десятидворки» – организации соседской взаимопомощи, через которые японцам было легче управлять жизнью горожан, был установлен режим прописки, все культурные мероприятия русских согласовывались заранее, а тексты радиопередач предоставлялись в Японскую военную миссию в письменном виде [5, с. 198-199]. Условия повседневной жизни русских поселенцев ухудшились: была ужесточена налоговая политика, увеличены арендные платежи за проживание в муниципальных домовладениях, принят Гражданский кодекс Маньчжоу-Го (1 декабря 1937 г.), контролирующий процесс ценообразования на рынке жилья, что подрывало экономическую стабильность русских домовладельцев. Усугубилась проблема снабжения продовольствием русского населения.

Для идеологической обработки населения была создана организация Кио-Ва-Кай, главным направлением работы которой была антикоммунистическая деятельность. В феврале 1943 г. Кио-Ва-Кай выпустила «Генеральные тезисы» своей деятельности, где поставила перед эмигрантами задачу «стать лояльными подданными Маньчжой-Ди-Го» [2, с. 107].

Приход Советской Армии в Маньчжурию в 1945 г. положил начало качественно новому периоду в истории эмиграции, основное содержание которого – массовый исход белых русских из Китая. В результате после капитуляции Японии в 1946 г. советских и российских эмигрантов в Харбине насчитывалось только 29 522, а лиц без гражданства – 18 448. В 1948 г. в Бюро по делам российских эмигрантов зарегистрировалось всего 26 652 чел. [3, с. 255], что было обусловлено не только массовым выездом русского населения, но и арестами русских харбинцев сотрудниками управления контрразведки СМЕРШ [6, с. 123]. В целом отъезд русских из Харбина происходил постепенно и завершился только накануне «культурной революции».

Таким образом, КВЖД в качестве объекта международной напряженности стала причиной того, что статус русских эмигрантов в Китае напрямую зависел от изменения международно-правового статуса дороги: все важнейшие международные соглашения приводили к кардинальным изменениям положения русских в Маньчжурии. Установление Японией оккупационного режима в Маньчжурии и образование марионеточного государства Маньчжоу-го обусловили изменение политико-правового статуса русских эмигрантов, которые находились под контролем японских властей, создавших ряд идеологических организаций, регламентирующих все сферы жизнедеятельности эмигрантов, и принявших нормативные правовые акты, ухудшающих положение российских поселенцев в экономической, политической и социальной сферах, в

результате чего в период с 1932 по 1945 гг. окончательно завершился процесс перехода русских в Маньчжурии на положение «национального меньшинства».

Библиография

1. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М., 2004. 420 с.
2. *Аурилене Е.Е.* Русские в Маньчжурии: политико-правовой аспект (1932-1945 гг.) // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайской Восточной железной дороги и города Харбин. Хабаровск, 1998, с. 104-107.
3. *Василенко Н.А.* Китайские исследователи о харбинской ветви российской эмиграции // Россия и Китай на Дальних рубежах. Т. 2. Благовещенск, 2001, с. 253-256.
4. *Василенко Н.А.* Первостроители КВЖД. К 100-летию магистрали // Россия и АТР. 2003, № 4, с. 60-75.
5. *Дорофеева М.А.* К вопросу об адаптации русского населения в Маньчжурии при японской оккупации // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизации. Пятое Крушановские чтения. Владивосток: Дальнаука, 2008, с. 197-204.
6. *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е годы XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2008, № 2, с. 116-124.
7. *Лянглун Ж.* Краткий очерк о русских эмигрантах, проживавших в Харбине с 1917 по 1932 г. // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Материалы международной конференции, посвященной 60-летию Хабаровского края, 100-летию со дня начала строительства Китайской Восточной железной дороги и города Харбин. Хабаровск, 1998, с. 286-289.
8. *Чугуевский Л.* 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1998, № 3, с. 116-122.

Скородумова Лидия Григорьевна
(РГГУ)

Российско-монгольские литературные связи на современном этапе

В рамках межкультурного диалога следует рассматривать политические реалии нынешней Монголии, взявшей курс, с одной стороны, на возрождение древних национальных традиций, с другой стороны – на активную интеграцию с внешним миром.

Европеизации Монголии в XX веке способствовали тесные связи с бывшим Советским Союзом – несколько поколений современных монголов воспитывались на лучших образцах русской школы (с 1921 по конец 90-х гг. приблизительно 34 тыс. монгольских граждан по 300 специальностям получили высшее образование в вузах СССР). Выпускники советских и российских вузов, работающие на многих ключевых участках экономической, политической и общественной жизни Монголии и называющие себя “российским продуктом”, создают благоприятную среду для успешного развития российско-монгольского взаимодействия.

Монгольская литература, вставшая в 20-е годы прошлого столетия под знамя М. Горького, проповедуя завещанный им принцип активности, на протяжении многих десятилетий осваивала

богатый опыт русской советской классики. Монгольские писатели в своем творчестве ориентировались на лучшие ее образцы. Консолидация с литературой соседней страны, активное развитие литературных связей обогащает собственную литературу, приводит ее к новым достижениям. Огромный пласт в монгольской культуре XX века составляет переводная литература с русского языка. На монгольский язык переведены практически все значимые произведения русской и советской классики. По признанию самих писателей, современную монгольскую литературу с развитой системой жанров и стилистикой невозможно себе представить без ее связи с русской и советской литературой. Сама переводная литература ныне является органической частью собственной национальной словесности.

Современный литературный процесс унаследовал опыт и плеяду писателей, воспитанных на школе русского реализма. Многие либо оканчивали Литературный институт им. М. Горького в Москве, или учились на Высших литературных курсах. Монгольские писатели неизменно подчеркивают важную роль, которую сыграл этот уникальный вуз, как они называют «школа Горького» (*Горькийн сургууль*) в развитии, как индивидуального творческого мастерства, так и в развитии литературного процесса Монголии. К сожалению, приходится констатировать, что после 1990 г. живые связи монгольских писателей с Россией почти прекратились¹. За этот период только один поэт (Г. Аюурзана) закончил Литературный институт им. М. Горького (обучение в институте платное для иностранных граждан).

Ставшие классиками монгольской словесности XX в., замечательные прозаики и поэты С. Эрдэнэ, Б. Явуухулан, Д. Батбаяр и многие другие часто говорили о своем родстве с поэтикой и самим духом великой русской литературы, ставшей для них подлинной школой писательства. В творчестве почти всех видных писателей второй половины XX в. и начала XXI можно найти переключки, параллели на уровне текста, реминисценции. То есть связи между нашими литературами не только духовного свойства.

Литературные связи продолжают развиваться в новых исторических условиях, как важная составляющая часть двустороннего гуманитарного сотрудничества. Переключка эпох и диалог культур рожают новый сплав в искусстве слова молодых. В монгольской поэзии появляются тексты, напоминающие творческие искания Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, многих других представителей русского символизма. Реминисценции, ассоциативность, обилие метафор помогают осваивать эстетику европейского и русского модернизма. Поколение молодых литераторов начала XXI века живет в глобальном и распахнутом для восприятия внешней культуры мире. Освоение эстетических ценностей запада, теперь уже не только благодаря знанию русского языка, как это было еще десять лет тому назад, но и английского, в сочетании с

¹ Председатель Союза писателей Монголии, директор монгольского национального телевидения Ц. Энхбат в 2003 году встречался с председателем Союза писателей России в Москве, однако в силу финансовых причин, очевидно, не удалось достигнуть конкретных договоренностей.

национальными приемами письма, идущими от глубокого проникновения в традиционную художественную культуру – сегодня обязательное условие успеха на ниве изящной словесности в Монголии.

Сегодня в Монголии сохраняется стабильный интерес к русскому языку и к русской культуре, о чем свидетельствует большое количество школ с преподаванием на русском языке, активное участие в проводимых в столице и других монгольских городах конкурсов на лучший перевод русской поэзии. Можно сказать, что литература России сегодня востребована и писателями, и в целом монгольской культурой, она по-прежнему служит ориентиром в творчестве. После 1990 г. вышел ряд новых переводных книг с русского: сборники рассказов А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, стихи А. Ахматовой, С. Есенина, А. Бродского и т.д. В том числе, конечно, к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина в 1999–2000 гг. здесь было опубликовано сразу несколько книг поэта на монгольском языке. К этому следует добавить вышедший недавно блестящий перевод романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» – «Гэм зэм», выполненный известным дипломатом Ц. Гомбосурэнгом. Книга стала знаковым событием в культурной жизни страны. Известно, как труден для восприятия монгольским менталитетом Достоевский.

С 1995 по 2005 гг. в Улан-Баторе на базе РЦНК неоднократно проводили конкурсы переводов русской поэзии (стихи Н. Рубцова, Е. Евтушенко, Ф. Тютчева и др.). Стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого, А. Вознесенского на русском языке читали монгольские ученики российско-монгольской школы, студенты русских отделений столичных вузов.

Конкурсы показали, что вопреки сокращению преподавания русского языка в монгольских общеобразовательных школах, интерес монголов к русскому языку и литературе по-прежнему остается высоким.

Неоценимую роль в знакомстве монгольской аудитории с русской литературой играют библиотеки. За прошедшее десятилетие в Центральной государственной публичной библиотеке и городской библиотеке им. Д. Нацагдорджа¹ регулярно проводились выставки российской литературы, в дар библиотекам переданы сотни томов российских книг, в том числе столь необходимой учебной литературы. Вместе с тем, потребность монгольских библиотек в комплектовании книгами на русском языке не удовлетворяется полностью, как, отмечает, в частности, руководство библиотеки им. Д. Нацагдоржа.

¹ Городская библиотека им. Д. Нацагдоржа в г. Улан-Баторе была построена советскими специалистами в рамках технического содействия Монголии и сдана в эксплуатацию в 1981 году. Фонды содержат около 500 тыс. томов книг, в том числе, 60% – литература на монгольском, 35% – на русском языке, 5% – других языках. Имеет пять филиалов по городу. Ежегодно фонды пополняются на 6-8 млн тугр. Библиотека отвечает международным стандартам хранения и обслуживания читателей. Руководство городской библиотеки отмечает насущную необходимость в продолжении поступлений российской литературы в фонды.

Учитывая, что в Монголии по-прежнему сохраняется интерес к России и печатной продукции на русском языке, было бы целесообразным наладить книгообмен между нашими странами, помочь в выпуске дайджеста российской прессы на монгольском и русском языках, столь необходимого для работы русистов, переводчиков, преподавателей.

Сделаны некоторые шаги в направлении обмена научной литературой – во время ежегодных книжных ярмарок в Улан-Баторе, как правило, представлена литература на русском языке. Однако, насколько мне известно, пока не существует совместных издательских проектов, хотя представители российских частных издательств, прежде всего выпускающих учебную литературу («Слово», «Златоуст», «Муравей»), делали попытки наладить контакты с полиграфистами и специалистами системы образования Монголии.

Весьма полезным представляется расширение участия в издательской деятельности приграничных регионов России, привлечение заинтересованных учреждений, предприятий, предпринимательских структур, способных взять на себя финансирование части работ, а также целевое привлечение третьих стран к реализации отдельных российско-монгольских проектов. В условиях перехода к рынку, очевидно, необходимо обеспечить оптимальное сочетание научных и культурных связей с коммерческим интересом, что позволит обогатить формы двустороннего сотрудничества, сохранив его духовное содержание. Важным элементом здесь может стать спонсорство, прежде всего со стороны совместных предприятий. Поскольку наращивание сотрудничества с Россией отвечает коренным интересам Монголии, в том числе задаче ее интеграции в мировое сообщество, необходимо в полной мере использовать имеющиеся предпосылки для развития двусторонних связей и многостороннего взаимодействия в духовной сфере, чему будет способствовать сотрудничество в области книгоиздания и книгообмена.

Таким образом, подводя выводы, можно сказать, что современная духовная культура Монголии отражает продолжающийся процесс роста национального самосознания, реализацию национальной идеи, с другой стороны, наблюдается активное стремление к интеграции с мировыми цивилизациями при условии сохранения национальной идентичности.

На перекрестке оседлой и кочевой цивилизаций культурное взаимодействие продолжает оказывать решающее влияние на все области духовной жизни монгольского общества. Эклектичное сочетание западного рационализма и восточного прагматизма создает условия для формирования своего рода двойной идентичности. Может появиться новая социокультурная целостность, которая будет служить щитом против идеологической и культурной экспансии извне.

Возникла насущная потребность в переосмыслении отношения к культурному наследию в целом, где уже накоплены концептуальные схемы и обобщения, которые могут использоваться в современной культуре как мировоззренческие регулятивы и ориентиры в диалоге с реалиями настоящего. Такой диалог призван существенно оптимизировать процессы современного

социокультурного развития, создать новый способ мироотношения, который позволит выработать новые позитивные программы деятельности, новые связи человека, природы и космоса.

Библиография

1. *Гурбазар Р.* Переводы русской и советской литературы на монгольский язык и влияние на монгольскую литературу // Литературные связи Монголии. М., 1981, с. 390-400.
2. *Шархуу А.* Развитие современной монгольской прозы и проблемы литературных взаимосвязей // Литературные связи Монголии. М., 1981, с. 400-416.
3. Новые горизонты: Литературно-художественная критика в МНР / Сб. статей. Составитель К.Н. Яцковская. М., 1979.
4. Орчуулах эрдэм 2. Улаанбаатар, 1972, № 2, 1976, № 5, 1988.
5. *Даидаваа Д.* Орчуулгын тухай тэмдэглэл. Улаанбаатар, 1974.
6. *Даидаваа Д.* Орчуулгын зарим асуудал. Улаанбаатар, 1977.
7. *Тудэв Л.* Национальное и интернациональное в монгольской литературе. М., 1982.

Прудкогляд Светлана Анатольевна
(ДВГУ)

Благотворительная помощь русских австралийцев России

Русское зарубежье не просто сохранило традиции благотворительности дореволюционной России, но и сформировало новое направление своей филантропической активности – помощь исторической родине. Примером может служить деятельность русских австралийцев.

Первой благотворительной русской организацией, целью которой стало содействие соотечественникам, явилось созданное политэмигрантами в Брисбене Австралийское общество помощи политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам в России, просуществовавшее с 1912 по 1917 гг. В его задачи входило оказание материальной и моральной поддержки заключенным в России. Членские взносы, пожертвования, а также средства от проведения всевозможных мероприятий (концертов, лекций, спектаклей и др.) являлись основным источником финансов, идущих на осуществление благотворительной деятельности. В это же время подобные общества были созданы в Сиднее и Мельбурне [5, с. 37-40].

Во время Второй мировой войны был образован Русский комитет помощи родине, вошедший в качестве русской секции в австралийское общество «Медицинская помощь для России» (руководитель Дж. Стрит). Даже ненависть к советской власти не смогла перевесить чувства патриотизма у белоэмигрантов, которые в этот период составляли подавляющее большинство русской иммиграции в Австралии [4, с. 9]. Активно велась работа по сбору денег, медикаментов, одежды. Нашло поддержку у русских и развернувшееся в Австралии в это время движение «Овчины для России!», а занятые выделкой овечьих шкур рабочие были освобождены правительством от военной службы [6, с. 157, 175-176].

Всплеск благотворительной помощи русских австралийцев России наблюдался в 1990-е гг., что объясняется резким ухудшением социального положения россиян в связи с происходившими в стране политическими и экономическими событиями и желанием русских иммигрантов помочь своим соотечественникам.

Прежде всего, русские австралийцы с глубоким сочувствием откликнулись на трагические события, произошедшие в Чернобыле. В октябре 1990 г. был создан Национальный фонд помощи жертвам чернобыльской катастрофы Русского дома в Мельбурне, имеющий свои отделения в крупнейших городах Австралии (Сиднее, Нью-Касле, Брисбене, Аделаиде). Основные функции фонда – закупка продуктов питания, одежды, медицинского оборудования, игрушек (в 1992 г. в Россию был доставлен благотворительный груз на сумму 3 мл долларов), прием на отдых пострадавших в результате чернобыльской катастрофы детей. Кроме того, фонд организовал прохождение стажировки в Австралии медицинских бригад, специализирующихся в области пересадки тканей костного мозга, сроком не менее 8 месяцев, расходы – полностью за счет фонда. По словам вице-президента фонда Н.Н. Григоровича, делалось «все это... исключительно бескорыстно, от всей души» [2, № 7].

В 1991 г. в Сиднее начал действовать Комитет под общим названием «Помощь Австралии Чернобылю», ставящий своей задачей помогать детям и семьям, пострадавшим от радиоактивного поражения. Но на самом деле помощь оказывалась не только жертвам чернобыльской катастрофы. К 1998 г. комитет отправил 2 контейнера в Санкт-Петербург, 2 – в Белоруссию, 2 – в Челябинск, 1 – жертвам землетрясения в Нефтегорске. Вызов больных детей в Австралию на оздоровление за счет средств комитета также стал одним из важных мероприятий [1, 1998, № 16, с. 17-21].

В конце 1991 г. появилась Русско-Австралийская благотворительная организация, которую возглавила К.Н. Муценко-Якунина. По словам Ю.Г. Гурьева, русского австралийца, сопровождавшего груз с гуманитарной помощью для детей-сирот, инвалидов и престарелых в Россию в 1992 г., толчком к осуществлению такой благородной миссии именно в России послужил приезд известного русского путешественника Федора Конюхова, который рассказал о непростой жизни россиян. В короткие сроки были собраны медикаменты, продукты, одежда и отправлены контейнером на теплоходе «Пионер Приморья» для передачи их в детские дома, дома для престарелых и больницы Владивостока и Находки [2, № 6]. В 1993 г. К.Н. Муценко-Якунина организовала во Владивостоке благотворительный бал «Сидней–Владивосток», принесший огромную выручку и, как сказала сама Клавдия Николаевна, показавший, что «усердной и жертвенной работой более благополучная часть горожан может оказывать огромную помощь больным, старым, сиротам...». В 1994 г. организация расширила сферу своей деятельности, в частности стала принимать учеников из России на год обучения в австралийских школах [1, 2000, № 22, с. 23-25]. Помощь больницам Приморского края продолжается и в настоящее время.

К.Н. Муценко-Якунина стала инициатором проекта по финансированию ремонта и оснащения Краевой детской психиатрической больницы во Владивостоке. На ее призыв откликнулись некоторые читатели газеты «Единение» (Сидней) и организации, и в 2009 г. ремонт здания больницы и оснащение его мебелью, сантехникой и всем необходимым были завершены. Средства (17 413 дол.) были собраны организациями: «Русские матери» (Канберра), «Православное дело – Сидней», Общественный центр Аделаиды, Петропавловский собор. Пожертвования вносились и отдельными благотворителями, среди которых наиболее крупную сумму внесла ныне покойная З.Я. Филимонова. По словам главного врача больницы И.В. Гребенщиковой, «помощь русских австралийцев помогла хоть в какой-то степени облегчить нелегкую жизнь больных детей» [3, 2010, 19 февраля].

Широкую поддержку среди русских людей в Австралии получил проект «Надежда», начавшийся в Брисбене в 1993 г., когда семьей русских австралийцев была оказана помощь девочке из России в лечении мышечной дистрофии. После этого случая возникла идея организовать приезд русских врачей в Австралию, чтобы ознакомить их с методами лечения подобных заболеваний, для чего усилий одной семьи оказалось недостаточно, что и послужило толчком для создания проекта «Надежда» [3, 1998, 8 января]. Регулярный обмен знаниями в области лечения детей с нервно-мышечными заболеваниями между русскими и австралийскими врачами осуществляется на средства, собираемые участниками проекта. В задачи проекта также входит отправка медицинского оборудования для проведения операций, реабилитация детей в послеоперационный период [1, 2001, № 28, с. 51-52].

Активно продолжается благотворительная деятельность в пользу помощи больным детям государственной областной детской клинической больницы г. Омска. Начало было положено ещё в 1997 г. после того, как в Австралии в программе «Время» в октябре 1996 г. прошел сюжет об «уходящем ребенке», который умирал из-за элементарной нехватки медикаментов [3, 1998, 10 апреля].

При осуществлении благотворительных программ их организаторы часто сталкиваются с разного рода бюрократическими препонами и несовершенством российского законодательства в этой сфере. Так, например, при пересылке первой же партии лекарств в Омск в 1997 г. добровольцам пришлось преодолеть ряд трудностей, связанных с отсутствием договора между Россией и Австралией на поставку медикаментов, а также с сертификацией лекарств и другими бюрократическими реалиями. По признанию Н.Н. Шрейдер, «бывали моменты, когда руки опускались. Но мысль, что ты можешь помочь хотя бы одному ребенку,... заставляла отстаивать интересы детей» [3, 1998, 10 апреля].

Следует отметить и благотворительные мероприятия, устроенные в 2000 г. во время Олимпиады в Сиднее, например, Благотворительный бал, чистый доход от которого (800 дол) был пожертвован русским и австралийским паралимпийцам [1, 2001, № 26, с. 6-8, 52].

В периодике, издаваемой русскими австралийцами, часто встречается информация о благотворительных мероприятиях, устраиваемых нашими соотечественниками в Австралии в поддержку православных приходов и храмов в России (например, Русско-греческие вечера в поддержку прихода Св. Троицы Московского Патриархата, особенностью которых является соединение духовных и культурных традиций двух православных народов [1, 2002, № 31, с. 5; 2003, № 35, с. 45]. В 1989 г. в Австралии был организован Комитет по сбору средств на восстановление храма Христа Спасителя в Москве. Эти средства пошли на приобретение утвари для храма. Деятельность комитета даже была отмечена благодарственной грамотой, подписанной Патриархом Московским и всея Руси Алексием [3, 1997, 25 апреля].

Организация благотворительных концертов – одна из наиболее популярных форм осуществления благотворительной деятельности. Регулярно проходят концерты, устраиваемые организацией «Австралийская помощь жертвам Чернобыля» [1, 2003, № 35, с. 47]. Хорошо известный в Австралии женский ансамбль «Русская песня» из Сиднея большую часть сборов от концертов всегда отдавал на благотворительные цели [1, 2002, № 33, с. 51]. Русская организация «Православное дело – Сидней», помогающая больным детям и сиротам в России [1, 2005, № 44, с. 49], Благотворительный фонд Святителя Николая (конкретно – для оказания помощи больным детям из Омска) [1, 2006, № 46, с. 16] также регулярно проводят благотворительные концерты.

В заключение можно сделать вывод, что русские австралийцы не остаются равнодушными к тому, что происходит в России и считают своим долгом помочь соотечественникам, особенно детям и старикам. Наиболее развита общественная форма благотворительности, хотя нередко встречается и частная. Живя вдалеке от России и проявляя сострадание к своим соотечественникам, русские австралийцы сохраняют православные традиции, что всегда считалось признаком русскости.

Библиография

1. Австралиада. Русская летопись. Сидней, 1997–2006.
2. Голос Родины. М., 1992.
3. Единение. Сидней, 1997–1998, 2010.
4. Каневская Г.И. «Мы ещё мечтаем о России...»: История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010.
5. Савченко А.И. Пресса русских эмигрантов об Австралийском обществе помощи политзаключенным в России // Россия и страны Южных морей: историко-культурные связи: тезисы докладов XXI научной конференции по изучению Австралии и Океании. М.: ИВ РАН, 1995.
6. Стрит Дж. В поисках правды. М.: Прогресс, 1967.

Русские в Китае в эпоху монгольского владычества, XIII–XIV вв.

Завоевание Китая монголами и превращение этой страны после распада мировой Монгольской державы в часть новой монгольской империи Юань, образовавшейся на руинах Великого Монгольского Улуса, как никогда открыло его другим народам и цивилизациям Евразии. В Китай устремились выходцы из разных стран Азии и Европы, среди которых были и восточные славяне – выходцы из древнерусских княжеств, в 1237–1241 годах, завоеванных монголами. Они, вместе с представителями других стран, лежащих к западу от Китая, так называемыми «сэму» или «цветноглазыми» по-китайски: персами, таджиками, арабами, тангутами, тибетцами, индийцами, тюрками – уйгурами, кыпчаками, канглы, карлуками, кавказцами-асами, а также сирийцами, армянами, западноевропейцами – итальянцами являлись привилегированным сословием, уступавшим в правах лишь монголам и стоявшим по статусу над коренным населением завоеванного Китая – китайцами, составлявшими подавляющее большинство поданных монгольской империи Юань.

После распада мировой Монгольской державы и фактически переноса ее столицы из Каракорума в Монголии в Ханбалык в Китай на месте современного Пекина, можно наблюдать присутствие русских в Китае. Русские, жившие в Китае в эпоху Юань – во время монгольского владычества были в основном воинами императорской гвардии великих монгольских ханов – императоров династии Юань, правивших тогда в этой стране. В 1330 г. по распоряжению юаньского правительства русских воинов собрали вместе и сформировали из них гвардейскую часть. Сколько в ней было воинов сказать трудно, в китайских и иных источниках на это нет указаний. Хотя некоторые исследователи предполагают даже наличие 10-тысячного контингента гвардии, сформированного из русских. Сотня русских гвардейцев была дислоцирована около Ханбалыка, где им были пожалованы монгольским императором Тогонтимуром земли во владение [1].

Юаньская империя – монгольское государство в Китае унаследовала от Монгольской державы, созданной Чингиз-ханом и его первыми наследниками, ее этническое и религиозное разнообразие, представленное столь отличными друг от друга цивилизациями, где все было в брожении и становлении, сталкивались и взаимно обогащались разные религии и культуры, чему способствовала политика монгольских правителей, потомков Чингиз-хана, выполнявших его завещание терпимо и покровительственно относиться ко всем религиям [2], в том числе и к православию, которое исповедовали русские, что способствовало укреплению их позиций при дворе монгольских правителей Китая. Поэтому, именно вследствие того, что в эпоху Юань в Китае христианство пользовалось наибольшим влиянием, чем когда-либо в предыдущей и

последующей истории этой страны, отчасти и обусловлена роль русских в этой стране в эпоху монгольского владычества.

Библиография

1. «Юань-ши» («История Юань») – в серии Соинь-бонабэнь, эр-ши-сы-ши (24 династийные истории), цзюань 1, Шанхай-Пекин, 1958.
2. *Chen Yuan*. Western and Central Asians under Mongols. Published by Monumenta Serica at the University of California. Los Angeles, 1966.

Смирнов Сергей Викторович
(Уральский госуниверситет)

Заложники чести: русские офицеры в Маньчжоу-го

Российская эмигрантская колония в Маньчжурии, в основном сформировавшаяся на протяжении 1917–1922 гг., в значительной степени была представлена эвакуировавшимися на эту территорию военнотружущими белых армий. Согласно данным анкет Харбинского комитета помощи российским беженцам (ХКПРБ) начала 1920-х гг., которые заполняла подавляющая часть беженцев, почти 50% анкетуемых служило в белых войсках [4, с. 72]. Установить точное количество офицеров, прибывших и оставшихся на местожительство в Маньчжурии, достаточно сложно. Только из Забайкалья в январе 1921 г. Через китайскую границу перешло 8511 офицеров и 16289 солдат из состава каппелевско-семеновских войск [5, с. 36], часть из которых так и осела в Китае, отказавшись от передислокации в Приморье. Несколько тысяч человек эвакуировалось в Маньчжурию через Монголию и Синьцзян в 1920–1921 гг. и из Приморья в конце 1922 г., а также прибыли поодиночке и небольшими группами вне основных беженских потоков в течение 1917–1922 гг.

Поражение в Гражданской войне стало тяжелым ударом для офицерства, являвшегося костяком белого движения. Часть офицеров встало на путь продолжения борьбы, составив основу антибольшевистского сопротивления. В Маньчжурии оно было представлено партизанскими отрядами, действовавшими в приграничной зоне, и небольшими боевыми организациями, в арсенал борьбы которых включались террористические действия, такими как «Братство Русской правды». Однако большая часть офицеров, сняв погоны, вынуждена была приспособливаться к новым условиям жизни, нередко буквально борясь за выживание.

Приспособление к мирной жизни осложнялось тем, что многих офицеры не имели гражданских профессий, а привилегированные сферы занятости бывшей «полосы отчуждения» Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) были перенасыщены русскими эмигрантами. Не способствовала удачной адаптации и сама социально-политическая атмосфера Маньчжурии, особенно после подписания советско-китайского соглашения о КВЖД 1924 г.,

восстанавливавшего совместное управление дорогой. «Белогвардейское» (или «белобандитское») прошлое офицеров в условиях превалирования аполитичности в общественных кругах эмиграции и постоянных нападков со стороны советской администрации КВЖД делало их людьми неудобными и зачастую опасными. Часть офицеров, отчаявшись найти хорошую работу или привлеченные возможностью «легкого заработка», вновь поступили на военную службу, когда в середине 1920-х гг. начался полулегальный набор бывших русских военнослужащих в армию правителя Маньчжурии, «старого маршала» Чжан Цзолиня. Впрочем, некоторые офицеры рассматривали свое участие в китайских междоусобицах, особенно после начала Северного похода поддерживаемого СССР «красного юга» в 1926 г., как новый этап борьбы с большевизмом.

В конце 1920-х гг. наметились изменения в положении офицеров-эмигрантов. Причиной тому стал советско-китайский конфликт вокруг КВЖД 1929 г., породивший надежды нового подъема борьбы за освобождение России из-под «коммунистического ига», страх возможного прихода большевиков в Китай и крайнее возмущение действиями карательных отрядов ОГПУ в казачьем Трехречье. В конце 1920-х гг. появились несколько объединений бывших военных, офицеры стали включаться в деятельность крупных общественных организаций эмиграции. Так, в 1929 г. в состав правления ХКПРБ вошли генералы Е.К. Вишневыский, В.А. Кислицин, Н.П. Сахаров, полковник А.Г. Аргунов [4, с. 74]. В 1930 г. во главе Русской национальной общины, сменившей в руководстве общественной жизнью эмигрантской колонии в Дайрене Русское эмигрантское общество, встал генерал-лейтенант К.П. Нечаев, бывший командующий Русской группой войск в китайской армии [6, с. 145].

Однако только после прихода в Маньчжурию японских войск и создания здесь «независимого» государства Маньчжоу-го (март 1932 г.) статус офицерства был реабилитирован. Офицеры стали одним из наиболее активных элементов эмиграции, выступавших за создание нового, с ярко выраженным антисоветским характером, облика эмигрантской общины. В этом отношении их всемерно поддерживали одержимые борьбой против «коминтерновской опасности» японские власти в Маньчжурии.

Вскоре после образования Маньчжоу-го возникла идея организации эмигрантских вооруженных формирований, которые должны были стать ядром будущей антибольшевистской освободительной армии. В 1932–1933 гг. были сформированы несколько отрядов под руководством генерал-лейтенанта В.Д. Космина, в то время председателя Российской фашистской партии (РФП), подполковника Н.Н. Ильина и др. В дальнейшем эти отряды использовались в качестве вооруженной охраны объектов, принадлежащих государству и частным японским фирмам. К середине 1930-х гг. насчитывалось несколько десятков русских охранных отрядов, возглавлявшихся преимущественно офицерами. В 1935 г. все русские охранные отряды вошли в состав вновь сформированной горно-лесной полиции Маньчжоу-го.

После прихода в Маньчжурию японцев приобрели легальный статус и стали играть заметную роль в общественной жизни эмиграции ранее запрещенные организации, объединявшие бывших военнослужащих российской армии и флота. Это были, прежде всего, Дальневосточные отделы Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) и Корпуса императорской армии и флота (КИАФ), соперничавшие в своей ориентации на разных претендентов на российский престол. Дальневосточный отдел РОВС возглавил генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, КИАФ – генерал от кавалерии Кислицин. Из казачьих организаций наиболее крупными являлись Восточный казачий союз, возглавляемый полковником Сибирского казачьего войска Е.П. Березовским и семеновский Союз казаков на Дальнем Востоке под руководством генерал-лейтенанта А.П. Бакшеева. Данные организации имели свои молодежные и военно-учебные структуры.

Офицеры встали во главе, либо приобрели сильное влияние в ряде гражданских, прежде всего молодежных, эмигрантских объединений. В начале 1930-х гг. руководителем Маньчжурского отдела детско-юношеской Национальной организации русских разведчиков (НОРР) стал полковник А.П. Зеленой, начальником штаба – капитан В.К. Лютц [2, л. 41]. Офицеры возглавили районы Маньчжурского отдела НОРР и отдельные бригады. Первым руководителем РФП, созданной в 1931 г., стал генерал Косьмин, ряд районных ячеек партии на линии КВЖД на протяжении первой половины 1930-х гг. также возглавляли офицеры. Начальником Харбинского отделения молодежной организации «Русский Сокол» в 1932–1935 гг. являлся капитан Д.И. Тимофеев, советником – генерал-лейтенант В.В. Рычков [3, л. 71]. Офицеры принимали участие в деятельности Союза мушкетеров, наиболее крупной молодежной антисоветской организации.

Организации военных в первой половине 1930-х гг. активно участвовали в создании общеэмигрантской административной структуры, призванной воплотить мечту эмигрантской колонии о своеобразной автономии на территории Маньчжурии. Процесс формирования «эмигрантского правительства» вызвал ожесточенную борьбу между различными эмигрантскими организациями и завершился только после вмешательства японцев. В декабре 1934 г. главой российской эмиграции в Маньчжурии был объявлен атаман Г.М. Семенов, а единым эмигрантским административным центром стало Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) в Харбине. Первым начальником Бюро был назначен генерал Рычков, возглавлявший его вплоть до своей смерти в августе 1935 г. И в дальнейшем на пост начальника БРЭМ выдвигались только русские генералы – генерал-лейтенант Бакшеев (1935–1938), генерал от кавалерии Кислицин (1938–1943), генерал-майор Л.Ф. Власьевский (1943–1945).

Офицеры заняли мощное положение в структурах БРЭМ с самого начала его существования – они возглавляли отделы Главного Бюро, районные отделения и

представительства БРЭМ, созданные в местах массового проживания эмигрантов – г. Маньчжурия, Хайлар, Цицикар, Трехречье, пос. Бухэду, Пограничный и т.д.

Японские власти, считая русских офицеров наиболее надежным и подготовленным антисоветским элементом в Маньчжурии, вовлекали их в деятельность разведывательных и агитационно-пропагандистских структур – например, Японской военной миссии (ЯВМ), где эмигранты наиболее массово были представлены во втором отделе, занимавшимся сбором информации о советских вооруженных силах, экономике, внутренней политике, а также в пятом, ведавшем обучением японских военнослужащих русскому языку. Особенно активно эмигранты начали привлекаться к службе в ЯВМ с конца 1930-х гг. Значительная часть эмигрантов поступала на службу в Миссию по направлению БРЭМ или настоятельной рекомендации японских властей, а уволиться из нее было крайне сложно.

В тоже время, обладая мощным антисоветским потенциалом, русское офицерство стало заложником «белой идеи» в ходе реализации японскими военно-политическими кругами на Дальнем Востоке своей антикоминтерновской политики. Японцы достаточно быстро установили контроль над эмигрантскими организациями военных, запрещая те из них, которые не желали активно сотрудничать или стремились сохранить автономию, активистов таких организаций высылали за пределы Маньчжоу-го. В 1935 г. на территории Маньчжурии была запрещена деятельность РОВС, руководство его Харбинского отделения во главе с генералом Г.А. Вержбицким было выслано в Северный Китай. Аналогичная ситуация сложилась вокруг КИАФ, который пережил раскол в 1936 г., когда большая часть его руководителей, в том числе генерал Кислицин, вышла из организации. В 1938 г. деятельность КИАФ окончательно прекратилась [1, Л. 57, 172]. Вместо ликвидированных организаций были созданы две полностью контролируемые японцами структуры, объединявшие всех русских военных на территории Маньчжоу-го – Дальневосточный союз военных и Дальневосточный союз казаков, вошедшие в 1938 г. в состав Монархического объединения, которое возглавлял тесно сотрудничавший с японской разведкой штабс-капитан Б.Н. Шепунов.

Превращение офицеров-эмигрантов в разменную фигуру в японской игре на Дальнем Востоке вызывало в их среде недовольство. Некоторые из них покинули Маньчжоу-го, но после постановки всех военных на учет в 1935 г. сделать это становилось все труднее. Те же, кто слишком активно протестовал, могли стать объектом пристального внимания со стороны японской жандармерии, известной своими жестокими методами работы. Растущее недовольство в эмигрантской среде получило свою питательную среду в годы Второй мировой войны, особенно после нападения фашистской Германии на СССР, спровоцировавшего рост «оборонческих» настроений в эмигрантском сообществе.

Оказавшись между «красной звездой» и «цветком вишни», часть русских офицеров в Маньчжоу-го стали сотрудничать с советской разведкой, стремясь помочь истекающей кровью Родине. После поражения Японии в 1945 г. и те русские офицеры, кто продолжал борьбу с большевистским режимом и те, кто помогал советской разведке и войскам, оказались в руках сотрудников СМЕРШ, завершив «крестный путь белой эмиграции» в советских колониях.

Библиография

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1, оп. 2. Архивно-следственные дела, д. 46300. Зорин Ф.Н.
2. ГААОСО. Д. 43818. Логинов А.П.
3. ГААОСО. Д. 39939. Тимофеев Д.И.
4. *Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н.* Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (На материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // Отечественная история. 1996, № 1, с. 70-84.
5. *Фомин В.Н., Фомин К.В.* Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921–1922 гг.: дислокация, численный и командный состав // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2000, № 7, с. 36-42.
6. *Хисамутдинов А.А.* Русские в Дальнем – Дайрене // Вопросы истории. 1998, № 1, с. 145-151.